QAZAQSTAN RESPÝBLIKASY
ULTTYQ MÝZEIÍ

МӘДЕНИ МҰРА

ғылыми журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

научный журнал

CULTURAL HERITAGE

science journal

ISSN: 2708-3365

№ 1 (100)

Астана
2023

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

СЫДЫҚОВ Айбек Жексенәліұлы – PhD докторы (алқа төрағасы) (Қазақстан)

АЯҒАН Бүркітбай Ғылманұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

АРТЫҚБАЕВ Жамбыл Омарұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

САМАШЕВ Зайнолла Самашұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ТАЙМАҒАМБЕТОВ Жәкен Қожахметұлы – ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ЫБЫРАЕВА Ақмарал Ғосманқызы – Қазақстан ұлттық жаратылыстану ғылымдары академиясының академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

СҰРАҒАНОВА Зүбайда Қабиқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, этнограф (Қазақстан)

БЕКНАЗАРОВ Рақым Ағыбайұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

АЙМҰХАМБЕТ Жанат Әскербекқызы – филология ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ФАЙЗУЛЛИНА Ғалия Шаукетовна – тарих ғылымдарының кандидаты, музейтанушы (Қазақстан)

БИҒОЖИН Ұлан Зейноллаұлы – PhD докторы (Қазақстан)

ШЕГЕБАЕВ Пернебек Шегебайұлы – өнертану ғылымының кандидаты (Қазақстан)

РОМАНОВА Екатерина Назаровна – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Ресей Федерациясы, Саха Республикасы)

АЙТПАЕВА Гулнара Амановна – филология ғылымдарының докторы, профессор (Қырғызстан)

СТАВСКАЯ Людмила Георгиевна – тарих ғылымдарының кандидаты, доцент (Қырғызстан)

АНДРАШ Биро Жолт – антрополог (Мажарстан)

ОСМАН Каратай – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Түркия)

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

Музей өмірі / Жизнь музея

«Берел» ғылыми-зерттеу қоры 4
Қазақстандағы археологиялық зерттеулердің жетістіктері 6

Самашев З. Новый памятник раннесакского времени в Восточном Казахстане 8
Чугунов К.В. Раннескифский период в Центральной Азии в русле концепции культурно-хронологических горизонтов: опорные памятники и новые открытия 19
Утубаев Ж.Р. Бәбіш мола кешеніндегі жаңа зерттеулердің кейбір нәтижелері 37
Подушкин А.Н. Қаңлы мемлекетінің жоғары өнерінің сюжеттеріне интерпретация 51
Джафаров Г.Ф. О тандеме неолит – энеолит 71
Джафарова Д. Памятники Карабахской группы Ходжалы-Кедабекской археологической культуры (по материалам курганов Довшанлы – Баллукая – Ахмахи) 83
Серхан Ч. Түркиядағы ЮНЕСКО-ның мәдени мұралары тізіміне енген кейбір археологиялық ескерткіштер.....101
Байтлеу Д.А., Искаков А.Ш., Акшабаева Е.Б. Памятники наскального искусства Мугалжар 107
Дарменов Р.Т. История изучения неолитических памятников северо-восточного Приаралья ... 121
Нағашбекова С.М. Ортағасырлық Түркия қолжазбаларындағы Шу, Талас өңіріне қатысты деректер 127
Шильдебаева Ж. Интересные археологические находки древнего городища Тараз 134
Жунисханов А.С. Из истории археологического изучения и предварительные итоги аварийных раскопок на территории г. Семей 140
Чотбаев А.Е., Ержанова А.Е. Жер шаруашылығымен айналысқан Ақбауыр-III қонысы 147

CONTENTS

Museum life

Research Foundation «Berel» 4
Achievements of archaeological research in Kazakhstan 6

Samashev Z. A new site of the Early Saka time in East Kazakhstan 8
Chugunov K.V. The early Scythian period in Central Asia within the concept of cultural-chronological horizons: leading sites and new discoveries 19
Utubayev Zh. Some results of research in the Babish mola complex 37
Podushkin A.N. To the interpretation of the subjects of the high art of the Kangju state 51
Jafarov G.F. About Neolithic-Eneolithic tandem 71
Jafarova D. Sites of Karabakh group of Khojaly-Gedabek archaeological culture (by the materials of the Dovshanly-Ballukaya-Ahmakhi mounds) …. 83

Serhan C. Some archaeological sıte areas ın UNESCO cultural heritage list in Turkey 101

Baitileu D. A., Iskakov A. Sh., Akshabayeva E. B. Sites of rock art of Mugalzhar 107
Darmenov R.T. History of studying Neolitic sites in the north-eastern Aral region 121
Nagashbekova S.M. Data in the medieval Turkish manuscripts related to the Talas, Shu region 127

Shildebayeva Zh. Interesting archaeological finds of the ancient Taraz settlements 134

Zhuniskhanov A.S. From the history of archaeological studies and preliminary results of emergency excavations on the territory of the city of Semey 140
Chotbayev A.E., Yerzhanova A.E. The settlement of Akbauyr-III, engaged in land farming 147

Музей өмірі | Жизнь музея | Museum life

«Берел» ғылыми-зерттеу қоры

2022 жылдың 18 қарашасында Қазақстан Республикасының Ұлттық музейінде «Археология» қорында сақталған бірегей музей заттарынан құрылған алғашқы «Берел» ғылыми-зерттеу қоры ашылды. «Археология» қорында қазақтың белгілі археологы Зейнолла Самашев зерттеген Берел обаларынан алынған 948 құнды музей заттары бар.

Қордың аймақтарға бөлінуі және жоспарлануы ерекше. Қордың сақталуы үлкен көлемді қойма аралдарына бөлінген: сөрелерде ағаш конструкцияның фрагменттері – бөрене қимасы және қалпына келтірілген ағаш табыт жеке тұр.

Қордың тағы бір бөлігінде сейфтер мен үш деңгейлі сөрелер бар. Сейфтер ат әбзелдерінің шағын көлемді заттарын, ағаш үйдің темір шегелерін, ағаш түймелерді, алқаларды және т.б. сақтауға арналған. Бөлек орналасқан сөрелерде органикалық материалдардан жасалған заттар сақталады – маска, мүйіз, ер-тоқым жабулары, ер-тоқым, штандарт және кейбір қару-жарақ заттары және т.б. Музей заттарын зерттеу мақсатында ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізетін қор сақтаушылар мен ғылыми қызметкерлер жұмыс жүргізуге арналған аймақ бар.

Қорда сақталған заттардың барлығы ерте темір дәуіріндегі Қазақ Алтайы тұрғындары көне өнерінің нысандары болғандықтан ғалымдардың қызығушылығын тудырады. Салтанатты бас киімнің алтын фольгамен қапталған ат мүйіздері; ағаш табыт төбесінің бұрыштарында орналасқан қоладан жасалған лашын мүсіндері; салтанатты киімнің әшекей элементтері – мүсіндер, мифтік жаратылыс деп аталатын – сфинкс; Берел көсемінің шашы, алтын фольга жапсырмаларымен безендірілген тонның фрагменті және т.б. айрықша назар аударады.

Сондай-ақ, қор музей заттарының сақталуын қамтамасыз етуге арналған заманауи қауіпсіздік және климаттық бақылау жүйелерімен жабдықталғанын атап өткен жөн.

«Берел» қорының құрылып, жұмыс істеуі зерттеушілерге барлық материалдарды бір жерден зерттеуге, ал қарапайым адамдарға Берел обаларының көне қазыналарымен жүздесуіне мүмкіндік береді.

Научно-исследовательский фонд «Берел»

В Национальном музее Республики Казахстан 18 ноября 2022 года открылся первый научно-исследовательский фонд «Берел», сформированный из уникальных музейных предметов, хранящихся в фонде «Археология». В фонде «Археология» хранится 948 ценных единиц музейных предметов из Берельских курганов, исследованных известным казахстанским археологом Зейноллой Самашевым.

Интересно разделение и планирование зон фонда. Хранение в фонде состоит из островов крупногабаритного хранения: на стеллажах расположены фрагменты деревянной конструкции – сруб и отдельно стоящая реконструированная колода.

В другой части фонда расположены сейфы и трёхуровневые стеллажи. Сейфы предназначены для хранения небольших по размерам предметов конского снаряжения, железных гвоздей сруба, деревянных пуговиц, подвесок и т. п. На отдельно расположенных стеллажах хранятся предметы, выполненные из органических материалов, – маска, рога, седельные покрытия, седла, штандарт и пр.; некоторые предметы вооружения и т. п. Имеется зона для работы фондохранителей и научных сотрудников, ведущих исследовательскую работу с целью изучения музейных предметов.

Все хранящиеся в фонде предметы представляют интерес для учёных, так как являются предметами древнего искусства насельников Казахского Алтая эпохи раннего железа. Особый интерес вызывают конские рога церемониального головного убора, плакированные золотой фольгой; выполненные из бронзы скульптуры грифов, расположенных по углам крыши колоды; элементы украшения парадного одеяния – скульптурки, так называемого мифического существа, – сфинкса; прядь волос берельского вождя, декорированный нашивками из золотой фольги фрагмент шубы и прочее.

Необходимо также отметить, что фонд оснащен современными системами безопасности и климатического контроля, предназначенными для обеспечения сохранности музейных предметов.

Создание и функционирование фонда «Берел» позволило исследователям в одном месте изучать все материалы, а простым обывателям прикоснуться к древним сокровищам Берельских курганов.

Қазақстандағы археологиялық зерттеулердің жетістіктері

Өткен жылдың аяғында «Қазақстандағы археологиялық зерттеулер – 2021» ғылыми жинағы жарық көрді. Кітап Қазақстан Республикасы Ұлттық музейінің Мәдени мұраны ғылыми-зерттеу институты тарапынан дайындалып, алғаш рет басылып шықты. Жинақта 2021 жылы Қазақстанда жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижелері берілген.

Қазақстан археологиясының тарихында бір жылда еліміз бойынша атқарылған қазба жұмыстарының нәтижелері бір басылымда топтастырылған тұңғыш жинақ көне дәуір тарихына, археологиялық зерттеулерге және тарихи-мәдени мұра тақырыптарына арналған. Зерттеу жұмыстарының ауқымы ежелгі тас дәуірінің тарихынан бастап этнографиялық уақытқа дейінгі мерзімді қамтиды.

2022 жылы Қазақстан Республикасы Ұлттық музейінде Мәдени мұраны ғылыми және цифрлы құжаттау бөлімі құрылды. Аталған жинақ осы бөлімнің атқарған жұмыстарының алғашқы нәтижелерінің бірі. Алдағы уақытта бұл басылымды жыл сайын, тұрақты түрде шығарып отыру ойда бар.

Достижения археологических исследований в Казахстане

В конце прошлого года вышел научный сборник «Археологические исследования в Казахстане – 2021». Книга подготовлена Научно-исследовательским институтом культурного наследия Национального музея Республики Казахстан и издана впервые. В сборнике представлены результаты археологических исследований, проведенных в Казахстане в 2021 году.

Первый в истории археологии Казахстана сборник, в котором результаты проведенных за год раскопок по всей стране собраны в одном издании, посвящен истории древности, археологическим исследованиям и темам историко-культурного наследия. Хронологический диапазон исследовательских работ охватывает период от древнего каменного века до позднего средневековья и этнографического времени.

В 2022 году в Национальном музее Республики Казахстан создан отдел научного и цифрового документирования культурного наследия. Данный сборник является одним из первых результатов работы данного отдела. В будущем времени планируется выпускать это издание ежегодно, регулярно.

ҚР Ұлттық музейінде өткен кітаптың тұсаукесер рәсімінде

На презентации книги в Национальном музее РК

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.01

Самашев З.
Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
г. Алматы, Казахстан
e-mail: *archaeology_kz@mail.ru*
Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей
г. Усть-Каменогорск, Казахстан

НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

В статье характеризуются новые материалы, происходящие из кургана сакской элиты у села Акжайлау в Восточном Казахстане. Наземное сооружение памятника возведено на специальной платформе, округлой в плане формы и ограниченной глубоким рвом, состоящей из чередующихся в определенной последовательности слоев выкида, суглинка, дерновых плит, илистых комков, гравия и других материалов и покрытой каменным панцирем. Над могильной ямой было возведено трапециевидное каменное сооружение на прямоугольной основе, к нему примыкал с восточной стороны дромос, который имел перекрытие из поперечно уложенных жердей. Ближе к стыку дромоса и надмогильного сооружения были найдены два сокрытых клада, которые состояли из предметов конского снаряжения и их украшений из золота.

Ключевые слова: *наземное сооружение, дромос, курган, клад, удила, пряжка.*

Анатолий Иванович Мартынов, один из выдающихся учёных современности, старейший археолог в постсоветском пространстве, в эти дни отмечает свое 90-летие со дня рождения. Велика заслуга Анатолия Ивановича перед археологической наукой Казахстана, благодаря его благосклонности и дальновидности через возглавляемую в те годы им кафедру археологии КемГУ (и позже) прошли стажировку и защитили диссертационные работы многие казахские специалисты, которые сейчас успешно работают в различных научных и образовательных учреждениях нашей страны. В знак благодарности заслугам Анатолия Ивановича посвящаю его славному юбилею данную информацию.

В 2022 году, в рамках региональной программы, нами начато исследование на могильнике Акжайлау, недалеко от озера Маркаколь, на административной территории Курчумского района Восточно-Казахстанской области РК.

Протяженность могильника от северо-восточной до юго-западной границы – 2300 м, от северо-запада до юго-востока – 3000 м, в целом занимает 630 га территории межгорной долины *(рис. 1)*.

Рис. 1. *Акжайлау. Восточная, юго-восточная части долины с памятниками археологии*

Fig. 1. *Akzhailau. Eastern, southeastern parts of the valley with archeological sites*

На могильнике Акжайлау условно выделяется 16 групп, которые включают 631 объект, которые были точно зафиксированы в результате тахеометрических съемок, что позволяет включить его в число крупнейших на сегодняшний день погребально-поминальных памятников на территории Казахстана *(рис. 2)*.

Основную массу археологических памятников Акжайлау составляют малые и средние курганы *(рис. 1, 2)*.

Крупных каменно-земляных курганов сакской элиты немного *(рис. 3)*. Некоторые из них расположены попарно, все они имеют внешние рвы и оградки-жертвенники, на поверхности фиксируются окатанные камни от панциря наземного сооружения кургана. Вокруг элитных сооружений расположились в цепочку малые курганы, жертвенники и др.

Особый интерес вызывает, с точки зрения освоения и сакрализации пространства и погребально-поминальной обрядности, большой каменный курган, расположенный несколько отдаленно от основного массива памятников в юго-западной части могильника, ближе к речке Саркырама, с сильно разрушенной поздними грабителями наземной конструкцией. Вокруг него сконцентрировано несколько десятков малых курганов, жертвенников и других объектов, большая часть которых также оказалась потревоженной *(рис. 4, 5)*.

Рис. 2. *Акжайлау. Планы расположения археологических памятников по шестнадцати условно выделенным группам*

Fig. 2. *Akzhailau. Plans for the location of archaeological sites according to sixteen conditionally distinguished groups*

Рис. 3. *Акжайлау. Группа элитных курганов*

Fig. 3. *Akzhailau. Group of elite barrows*

Рис. 4. *Акжайлау. Большой каменный курган, вокруг которого расположены жертвенники и малые объекты*

Fig. 4*. Akzhailau. Large stone mound around which are altars and small objects*

Рис. 5. *Акжайлау. Оленный камень*

Fig. 5. *Akzhailau. Deer stone*

В 2022 году исследован самый крупный курган, наземная конструкция которого возведена из земли с каменным панцирем *(рис. 6).*

Рис. 6. *Акжайлау. Курган № 1 до начала раскопок*

Fig. 6. *Akzhailau. Mound № 1 before excavations*

Визуально насыпь ступенчатая, на основании имеется ровная площадка, ограниченная рвом. Сама насыпь, точнее её основание, начинается с края данной площадки. Высота площадки – 0,5 м, ширина – до 2 м.

Вокруг наземной части памятника отчетливо фиксируется ров, наибольшая его ширина – 2 м, глубина местами достигает до 0,7 м. Сохранившаяся высота кургана – 3,2 м, диаметр по линии север-юг – 46, 2 м.

Судя по профилю, насыпь кургана состоит из нескольких чередующихся в определенной последовательности слоев из выкида, суглинка, дерновых плит, илистых комков и других *(рис. 7).* Центральная часть кургана имеет глубокую воронку, образованную от грабительских раскопок.

Нижний слой, примыкающий к основанию грабительской воронки, – выкид, представляющий собой суглинок жёлтого цвета, смешанного с щебенкой. Ширина выкида составляет 3,9 м, толщина – 0,23 м. В южном направлении и поверх выкида находится смешанный слой. Он представлен илистой глиной темно-коричневого, серого, темно-серого цветов с прожилками светло-коричневой глины. Ширина данного слоя составила 12,60 м, толщина – 2,10 м.

Следующий слой представляет собой глину светло-коричневого оттенка, его ширина – 6,41 м, толщина – 40 см.

Выше фиксируется суглинок серого, светло-серого цвета с прожилками светло-желтой, светло- и темно-коричневой глины, а также фрагментами дерна. Длина слоя составляет 17,2 м, толщина – 1,30 м.

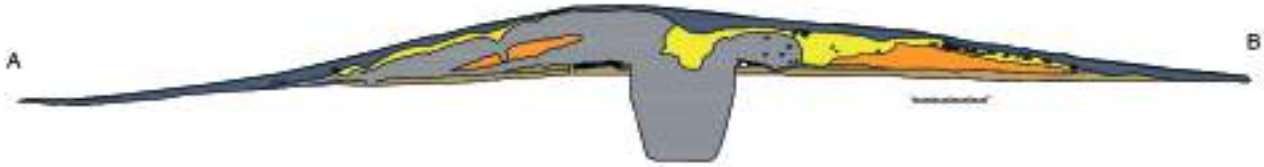

Рис. 7. *Акжайлау. Разрез наземного сооружения кургана № 1 по линии север-юг*

Fig. 7. *Akzhailau. Section of the surface structure of mound № 1 along the north-south line*

Рис. 8. *Акжайлау. Курган № 1. Фрагмент структуры насыпи и месторасположения кладов*

Fig. 8. *Akzhailau. Mound № 1. A fragment of the structure of the mound and the location of the treasures*

Далее – слой из гравия, суглинка бледно-жёлтого цвета, смешанного с щебнем. Его ширина в разрезе составляет 10,68 м, толщина – 33 см. Здесь также фиксируется тонкий слой суглинка серого, светло-серого цвета с прожилками светло-желтой, светло- и темно-коричневой глины. Длина слоя – 7 м, толщина – 5–10 см.

Предпоследний слой – каменный панцирь (рубашка) прослеживается в разрезе на отрезке длиной 10,37 м, толщина слоя составляет 24 см.

Вся конструкция наземного сооружения кургана покрыта слоем дерна.

Над могильной ямой, овальной формы в плане, возведена из окатанных каменей, прямоугольная в своей основе, конструкция (ширина стен – 1–1,5 м), скорее всего, с трапециевидным очертанием, т. е. в виде усечённой пирамиды (или куполообразным верхом сооружение). Однако центральный участок кургана, где находилась погребальная камера, был разрушен бугровщиками, что затрудняет достоверно реконструировать каменное сооружение *(рис. 8)*. Тем не менее несложно установить, что внутри каменного сооружения находился деревянный сруб, очевидно, имевший форму трапеции.

К погребальной камере внутри каменного сооружения примыкал с восточной стороны дромос, который был перерыт поперечными жердями *(рис. 9)*.

Рис. 9. *Акжайлау. Вид сверху погребальной камеры кургана № 1 с остатками дромоса, деревянных конструкций*

Fig. 9. *Akzhailau. Top view of the burial chamber of mound № 1 with the remains of dromos, wooden structures*

В данном случае налицо классическая форма погребального сооружения для представителей элиты, что широко распространено в раннесакское время (Майемер, Шиликты, Елеке Сазы, Бесшатыр и др.).

На противоположных бортах дромоса, ближе к стыку с погребальной камерой, были найдены два сокрытых клада, которые включали золотые и плакированные золотом изделия *(рис. 8, 10)*.

Судя по составу, клад с правой стороны дромоса состоял преимущественно из предметов конской узды, а противоположный – из украшений нагрудного и подхвостного ремней и седельной подушки.

***Рис. 10**. Акжайлау. Левый и правый клады*

***Fig. 10**. Akzhailau. Left and right treasures*

Среди предметов в составе клада количественно преобладают подквадратные обкладки ремня, на лицевой стороне которых между выступающими ребристыми полосками изображены, техникой штамповки, пара стилизованных голов хищной птицы *(рис. 11)*.

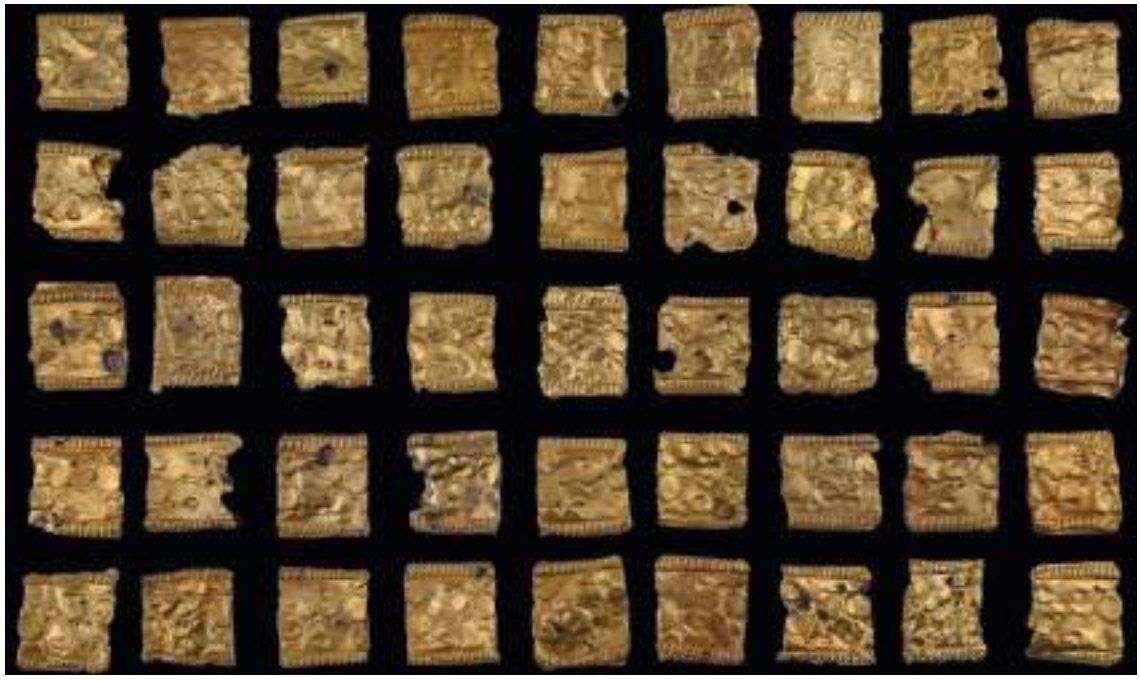

***Рис. 11.** Акжайлау. Украшения конской узды со штампованными узорами*

***Fig. 11.** Akzhailau. Horse bridle decorations with stamped patterns*

Украшение крепилось к ремню с помощью двух треугольно вырезанных зажимов на его задней стороне, которые представляют собой загнутые концы цельного листа со штампованными рисунками. На концах зажимов имеются отверстия для крепления изделия к ремню с помощью нитки или шпонки *(рис. 12)*.

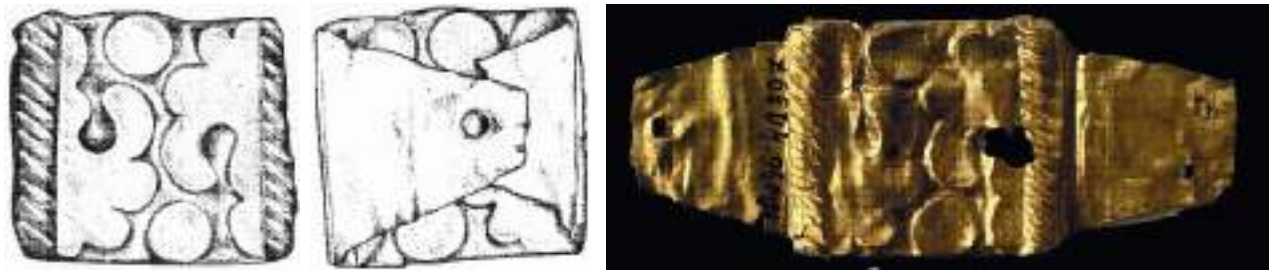

Рис. 12. *Акжайлау. Украшения конской узды со штампованными узорами*

Fig. 12. *Akzhailau. Horse bridle decorations with stamped patterns*

Протомы хищных птиц, трактованные так же, как на вышеуказанных обкладках ремней, вырезаны на широких листах-нашивках, которые могли украшать седельные принадлежности *(рис. 13)*.

Следующая категория предметов в составе клада – миниатюрные подвески-колокольчики, которые, возможно, украшали конскую узду *(рис. 14)*.

Рис. 13. *Акжайлау. Протомы хищных птиц, вырезанные из листового золота*

Fig. 13. *Akzhaylau. Birds of prey protomas carved from gold leaf*

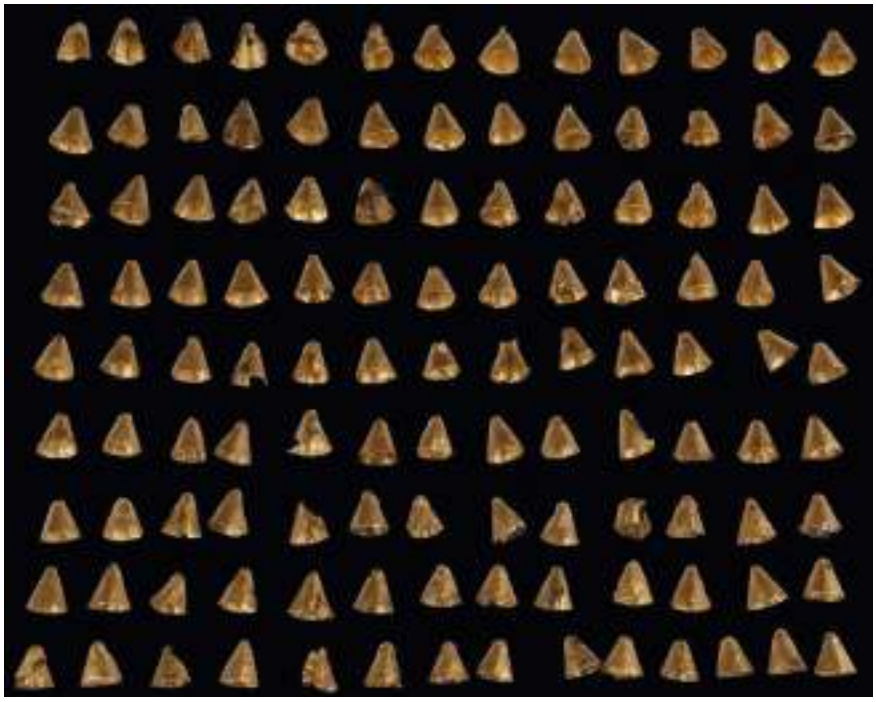

Рис.14. *Акжайлау. Золотые колокольчики*

Fig.14. *Akzhailau. Golden bells*

Лунницы, вырезанные из листового золота и с крупными размерами, по-видимому, украшали нагрудный ремень и элементы седла *(рис. 15, 16)*. Они нашивались на войлочную или кожаную основу.

Рис. 15. *Акжайлау. Украшение в виде лунницы*

Fig. 15. *Akzhaylau. Moon-shaped decoration*

Рис. 16. *Акжайлау. Украшение в виде лунницы*

Fig. 16. *Akzhailau. Moon-shaped decoration*

Клад с правой стороны дромоса включал бронзовые удила со стремечковидными концами *(рис. 17)*, типологически близкими к известным на сегодняшний день образцам из разных регионов Казахстана, что определяет строительство кургана №1 могильника Акжайлау раннесакским временем.

Рис. 17. *Акжайлау. Бронзовые удила со стремевидными концами*

Fig. 17. *Akzhailau. Bronze bit with stirrup-shape ends*

Интерес представляют остатки двух железных псалиев с S-видными, слегка сплющенными концами. На обломках одного псалия сохранилась полукруглая петля для ремня *(рис. 18)*.

Рис. 18. *Акжайлау. Железный псалий, покрытый золотом*

Fig. 18. *Akzhaylau. Iron psalium covered with gold*

В составе клада – две массивные подпружные пряжки, одна из них со шпеньком с традиционным изображением конского копыта *(рис. 19)*, что также говорит о многочисленных параллелях с раннесакскими древностями казахских степей.

Рис. 19. *Акжайлау. Массивные бронзовые подпружные пряжки, плакированные золотом*

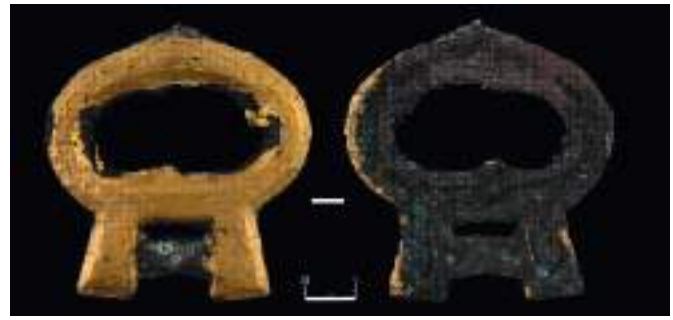

Fig. 19. *Akzhailau. Massive bronze girth buckles clad with gold*

Массивная бляшка в виде фигуры горного барана на подогнутых ногах с острыми кончиками копыт и направленной прямо вперед мордой, подчеркнутыми мышцами головы и шеи, ноздрей и рта, большим выразительным выпуклым глазом и круто закрученным рогом с волнистыми линиями, имитирующими годовые кольца. Прижатое к голове каплевидное ухо и другие детали подчеркивают, что перед нами представлен один из лучших образцов сакского анималистического искусства. У изображения дикого животного явно ощущается состояние внутреннего напряжения и динамика, а плакировка золотом в сочетании с «летящей» позой придает некое благородство образу зверя – обитателя небесных вершин *(рис. 20)*. По замыслу устроителей обряда перехода, возможно, именно этот образ был достоин сопровождать в инобытие усопшего и украшать убранства посвященного коня.

Наконец, отметим массивную круглую шляпковидную бляшку из бронзы с золотым покрытием, которая входила в состав клада. Она могла укреплять и одновременно украшать места соединения ремней оголовья, нагрудного или подхвостного ремней, или же другие элементы конского снаряжения *(рис. 21)*.

Что касается самой могильной ямы, то она оказалась полностью заваленной камнями и грунтом, на глубине 5 метров от дневной поверхности заполнения здесь были найдены две миниатюрные бляшки в виде фигур барсов *(рис. 22)*.

Рис. 20. *Акжайлау. Бляшка в виде фигуры архара*

Fig. 20. *Akzhailau. Plaque in the form of an argali figure*

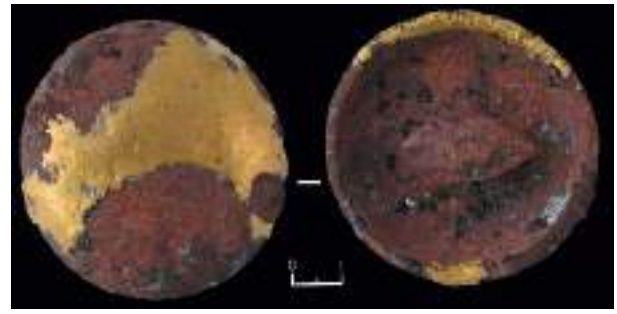

Рис. 21. *Акжайлау. Шляпковидная бляшка из бронзы с золотым покрытием*

Fig. 21. *Akzhailau. Hat-shaped plaque made of gold-plated bronze*

Рис. 22. *Акжайлау. Фигура кошачьего хищника*

Fig. *22. Akzhailau. Figure of a cat predator*

Таким образом, археологические исследования, начатые на новом многокомпонентном памятнике у ауыла Акжайлау в Восточном Казахстане, показали его перспективность в получении новых свидетельств о культуре и истории народов раннего железного века, особенно для разработки проблем формирования раннесакского культурного комплекса и выяснений их разноплановых контактов с внешним миром.

Литература

1. Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). – Алматы, 2012. – 238 с.

2. Самашев З.С. К вопросу о формировании раннесакского культурного комплекса в Восточном Казахстане // Turkic Studies Journal, Number 1, Volume 1, 2019. – С. 37–60.

3. Самашев З., Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сунгатай С. Berel-Берел. Альбом. – Алматы, 2000. – 50 с. – Общественный фонд поддержки историко-археологических памятников и культурного наследия «Берел».

4. Самашев З., Марсадолов Л.С. Изучения археологических памятников Западного Алтая. – Санкт-Петербург: ООО «Копи Р», 2000. – 79 с.

5. Самашев З., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и полепочвы Казахского Алтая. – Алматы, 2001. – 108 с.: ил.

6. Таиров А.Д. Раннесакские боевые пояса // РА. 2004. – №1. – С. 140–145.

7. Таиров А.Д. Об одной из категорий «зеркал» раннесакского времени // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы Межд. конф., посв. 120-летию М.П. Грязнова. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – С. 180–183.

References

1. Ermolaeva A.S. Pamätniki predgornoi zony Kazahskogo Altaia (epoha bronzy – rannee jelezo). – Almaty, 2012. – 238 s.

2. Samaşev Z.S. K voprosu o formirovanii ranesakskogo külturnogo kompleksa v Vostochnom Kazahstane // Turkic Studies Journal, Number 1, Volume 1, 2019. – S. 37–60.

3. Samaşev Z., Bazarbaeva G., Jumabekova G., Sungatai S. Berel-Berel. Älbom. – Almaty, 2000. – 50 s. – Obşestvennyi fond podderjki istoriko-arheologicheskih pamätnikov i külturnogo nasledia «Berel».

4. Samaşev Z., Marsadolov L.S. İzuchenia arheologicheskih pamätnikov Zapadnogo Altaia. – Sankt-Peterburg: OOO «Kopi R», 2000. – 79 s.

5. Samaşev 3., Faizov K.Ş., Bazarbaeva G.A. Arheologicheskie pamätniki i polepochvy Kazahskogo Altaia. – Almaty, 2001. – 108 s.: il.

6. Tairov A.D. Ranesakskie boevye poiasa // RA. 2004. – №1. – S. 140–145.

7. Tairov A.D. Ob odnoi iz kategori «zerkal» ranesakskogo vremeni // Evrazia v eneolite – rannem srednevekove (innovasii, kontakty, transläsii idei i tehnologi): Materialy Mejd. konf., posv. 120-letiu M.P. Gräznova. – SPb.: İİMK RAN, 2022. – S. 180–183.

Самашев З.
Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты
Алматы қ., Қазақстан
e-mail: *archaeology_kz@mail.ru*
Шығыс Қазақстан облыстық тарихи-өлкетану музейі
Өскемен қ., Қазақстан

ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЕРТЕ САҚ ДӘУІРІНІҢ ЖАҢА ЕСКЕРТКІШІ

Мақалада Шығыс Қазақстандағы Ақжайлау ауылы маңындағы сақ элитасының қорғанынан алынған жаңа материалдар сипатталған. Ескерткіштің беткі құрылымы арнайы алаңқайда тұрғызылған, пішіні дөңгеленген және терең арықпен тұйықталған, белгілі бір ретпен кезектесіп келетін саз, шым тақтайшалар, лай кесектері, қиыршық тас және басқа да материалдардан соғылған, оның бәрі тас қабықшалармен жабылған. Қабір шұңқырының үстіне тікбұрышты негізде трапеция тәрізді тастан жасалған құрылым тұрғызылған, оған шығыс жағынан көлденең төселген дромос (дромос – қорған астындағы сағана, лақатқа апаратын жабық дәліз, жартасты немесе топырақты үңгіп тесілген көрге кіретін қылет) қосылады. Дромос пен қабір құрылымының түйіскен тұсына жақын жерден ат әбзелдері мен олардың алтын әшекейлерінен тұратын жасырылған екі қазына табылды.

Кілт сөздер: *жер үсті гимараты, дромос, қорған, қазына, тоға.*

Samashev Z.
Institute Archeology named A.Kh. Margulan
Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan,
Almaty, Kazakhstan
e-mail: *archaeology_kz@mail.ru*
East Kazakhstan Regional Museum of Local History
Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

A NEW SITE OF THE EARLY SAKA TIME IN EAST KAZAKHSTAN

New materials originating from the burial mound of the Saka elite near the village of Akzhailau in Eastern Kazakhstan are characterized. The ground structure of the site was erected on a special platform of rounded shape and bounded by a deep moat, consists of layers of rock, loam, turf slabs, silty lumps, gravel and other materials alternating in a certain sequence and is covered with a stone shell. A trapezoidal stone structure on a rectangular base was erected over the grave pit, with a dromos adjacent to it on the east side, which had an overlap of transversely laid poles. Closer to the junction of the dromos and the tombstone structure, two hidden treasures were found, which consisted of items of horse equipment and their jewelry made of gold.

Keywords: *ground structure, dromos, mound, treasure, bit, buckle.*

МӘДЕНИ МҰРА

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.02

Чугунов К.В.
Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: *chugunovk@mail.ru*

РАННЕСКИФСКИЙ ПЕРИОД В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РУСЛЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГОРИЗОНТОВ: ОПОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Статья посвящена вопросам синхронизации древностей раннескифского периода, исходя из постулата, что любое явление имеет начало, расцвет и завершение. Рассмотрены ключевые памятники этого времени в Центральной Азии с точки зрения их соотнесения с тремя культурно-хронологическими горизонтами. Кроме того, для уточнения хронологии надо стремиться каждый горизонт разделить на ранние и поздние фазы, что позволит отойти от чрезмерно расширенных датировок в несколько веков. Для каждого горизонта определены опорные комплексы, чья датировка не вызывает возражений и подтверждена независимыми естественно-научными методами или археологическими разработками. В конце статьи представлен новейший материал из элитного погребения, исследованного в Туве в 2022 году.

Ключевые слова: *хронология раннескифского периода, культурно-хронологические горизонты, опорные памятники, Казахстан, Тува.*

Многие вопросы взаимодействия различных кочевых племен в раннескифское время внутри обширного Центрально-Азиатского региона ещё далеки от разрешения. Здесь выделены различные археологические культуры скифского типа, основные из которых – тасмолинская в Казахстане, майэмирская и бийкенская на Горном Алтае и алды-бельская в Туве. Для каждой из этих культур существуют свои периодизации, сопоставление которых между собой затруднено различными подходами исследователей к выделению этапов. Археологи разделяют тасмолинские древности на два этапа (Кадырбаев, 1966), алды-бельскую и бийкенскую на три (Савинов, 1994; 2002; Тишкин, 2007), а майэмирский круг памятников вообще пока не дифференцирован. Такое положение, конечно, неизбежно при начальной стадии исследований, когда первичная группировка материала является поступательным движением к его осмыслению. Но нельзя забывать, что любое явление имеет начало, расцвет и завершение. Историческая периодизация не является исключением (Савинов, 2002: 96), что предполагает её трёхчленную структуру.

Соответственно, правильнее разбить весь массив имеющихся материалов на три последовательных культурно-хронологических горизонта (Яблонский, 2007: 27–31; Чугунов, 2020а), подобно вошедшему в научный обиход европейских скифологов определению РСК

1–3 (1 – 3 этапы раннескифской культуры) (Kossak, 1987; Медведская, 1992). Введение трех горизонтов, с одной стороны, даст возможность отойти, наконец, от чрезмерно расширенных датировок комплексов раннескифского времени в два или даже три столетия, с другой – вести самую общую разработку азиатских кочевнических древностей в едином ключе без привязки к локальным археологическим культурам. Впоследствии надо стремиться к более дробной периодизации, например, к дифференциации каждого горизонта на фазы – сначала на раннюю и позднюю, а затем, по возможности, и на три фазы.

Конечно, сопоставление древностей сильно удаленных друг от друга регионов должно проводиться с учетом их хронологии, которая для каждого комплекса, как правило, весьма относительна. Последнее можно преодолеть путем широкого использования для датировки археологических комплексов независимых методов, например, радиоуглеродного датирования, позволяющего определить позицию памятника на хронологической шкале. Трудности соотнесения с календарным временем радиоуглеродного возраста образцов для раннескифской эпохи не раз отмечались (Евразия в скифскую эпоху… 2005: 64–66), однако для ряда ключевых памятников удалось это сделать при помощи метода согласования датировок дендрообразцов (Там же: 70–92; Зайцева и др., 2007). В результате этой работы в азиатской зоне расселения племен скифского типа появились опорные комплексы, материалы которых могут выступать хронологическими реперами: Аржан-1 для 1-го горизонта; Аржан-2 для 2-го горизонта, возможно, его завершающей фазы.

Раскопки последних двух десятилетий в Казахстане расширили базу источников по ранней истории кочевых племен Центральной Азии. Особое место занимают материалы из северных предгорий Тарбагатая, где в могильнике Елеке Сазы II исследован курган с каменной гробницей на уровне горизонта и сопроводительными захоронениями лошадей. С одной из них найдены роговые псалии с отверстиями в разных плоскостях, которые указывают на чрезвычайно раннюю датировку памятника (Samashev, 2021a: 27–29). Округлые костяные пронизи, обнаруженные с лошадьми, аналогичны найденным в Аржане-1 и являются маркером 1-го горизонта (Чугунов, 2020а). Указанные находки позволяют согласиться с автором раскопок, что он может быть возведен не позднее середины IX в. до н. э., то есть раньше Аржана-1 (Самашев, 2019: 42), но необходимо сделать ряд замечаний.

Другие материалы из этого, к сожалению, сильно ограбленного памятника, не противоречат такой датировке, но и не позволяют сильно разнести его по времени с опорным тувинским комплексом. Так, в заполнении грабительского хода найдена бляшка в виде медведя с длинными когтями, которая является ранним образцом звериного стиля. Развитие этого образа можно увидеть в золотых изделиях из коллекции находок кургана Байгетобе, где окончания лап трактованы запятовидными фигурами. Важно также присутствие в комплексе втульчатого двухлопастного наконечника стрелы с асимметрично-ромбическим пером. В Аржане-1, где преобладают наконечники с ромбической формой пера (Грязнов, 1983: 4; Чугунов, 2000: 216), есть стрела подобной формы, но она имеет шип в основании лопасти, что может указывать на несколько более позднее время. Территориально ближайший набор наконечников с асимметрично-ромбическим пером без шипа известен из кургана 5 в Чиликтинском могильнике (Черников, 1965). Как компонент среди других типов стрел встречены они и в других ранних колчанах, например, в Большом Гумаровском кургане (Исмагилов 1988). Находка в каменном кургане Елеке Сазы II, если она синхронна всему памятнику, отодвигает начальную дату такого типа наконечников, которые характерны для колчанных наборов наиболее раннего этапа раннескифской культуры (РСК-1) в восточно-европейских степях и маркируют первый миграционный импульс с востока (Рябкова, 2014: 242–254).

Каменный курган Елеке Сазы II также чрезвычайно интересен ещё и тем, что вокруг центральной погребальной камеры-цисты из крупных плит в нём открыты безынвентарные сопроводительные могилы в неглубоких ямах, одна из которых содержит захоронение на боку со слабо согнутыми ногами (Самашев, 2019: 41). Такая погребальная поза не характерна для памятников Казахстана, но совершенно обычна для монгун-тайгинской культуры Тувы (Чугунов,

1994). Сейчас известно, что ареал памятников с таким погребальным обрядом чрезвычайно широко распространен от Центральной до Западной Монголии. Для монгольских курганов с вытянутыми захоронениями на боку (типа Сагсай в монгольской историографии) была сделана серия радиоуглеродных датировок по костям человека, которые показали хронологический диапазон от XV до XI вв. до н. э. (Есин и др., 2021: 610). Тува и Горный Алтай являются северной периферией этой культуры, носители которой в этих областях продолжали сосуществовать с населением раннескифского времени (Чугунов, 2020б). К сожалению, мне неизвестны радиоуглеродные определения образцов из каменного кургана, поэтому, соглашаясь с датировкой автора раскопок, можно считать его одним из наиболее ранних комплексов 1-го горизонта.

Вероятно, к этому же времени относится курган 40 могильника Догээ-Баары II в Туве, в котором на уровне горизонта расчищено захоронение двух лошадей и разрушенное мужское погребение, в котором из вещей сохранилась лишь бронзовая игла со специфическим ушком. Анализ материала привел автора раскопок к выводу, что комплекс может датироваться XII – IX вв. до н. э. (Кисель, 2015). Общая близость погребального обряда позволяет рассматривать этот памятник и каменный курган Елеке Сазы II как относящиеся к одной начальной фазе 1-го горизонта, которая может соответствовать так называемому «скрытому» этапу, на существование которого указывал Н.А. Боковенко (1994: 44). Соответственно, комплекс кургана Аржан-1, сложившийся позже, должен быть отнесен к следующей его фазе.

Репером для начальной фазы 2-го горизонта может выступать комплекс кургана Байгетобе, радиоуглеродное датирование дендрообразцов из которого показало календарный интервал 730–690 cal. BC (Panyushkina at al, 2016). К сожалению, материалы из него представлены в основном лишь произведениями прикладного искусства, а единственный втульчатый четырехгранно-двухлопастной наконечник стрелы с листовидным абрисом головки имеет длительный период существования. Пока что анализ произведений искусства звериного стиля, найденных в нем, указывает на его хронологическую позицию между двумя Аржанами (Чугунов, 2011а; 2015: 474). Синхронизация Байгетобе и кургана 2 могильника Талды-2 в Сарыарке, проведенная на основании сходства стилистики золотых бляшек, должна быть подтверждена независимыми определениями радиоуглеродного возраста памятников.

Гораздо более очевидным опорным комплексом 2-го горизонта, вероятно, может являться курган 4 могильника Елеке Сазы II, исследованный З.С. Самашевым в 2018 году (Самашев, 2019; Samashev, 2021b). Материалы его чрезвычайно интересны, но противоречивы, что требует подробного разбора. Непотревоженное мужское захоронение содержало представительный комплект вооружения, включающий кинжал в парадных ножнах и значительный колчанный набор из сорока стрел с однотипными черешковыми наконечниками с четырехгранно-двухлопастной головкой сводчатых очертаний. Этот тип стрел очень редко встречается в комплексах. Вероятно, один такой наконечник присутствует в раннем тасмолинском колчанном наборе из кургана 5ж могильника Карамурун (Кадырбаев, 1966: 377). Один экземпляр, хотя и несколько иных пропорций, известен в Южном Зауралье (Таиров, 2007: 43).

Кинжал в комплексе кургана 4 Елеке Сазы II *(рис. 1)* обладает гораздо большим потенциалом для рассуждений о его хронологии. В целом, морфологические особенности этого предмета близки серии своеобразных кинжалов с прорезными гардами и рукоятями из случайных находок на территории Южного Зауралья и Северного Казахстана, датированных в пределах VII–VI вв. до н. э. (Таиров, 2007: 145). Кинжал, найденный у с. Мариинского, имеет навершие в виде противопоставленных голов хищников и соответствует оружию из Елеке Сазы II по всем признакам, отличаясь прорезями на крыльях гарды и вдоль рукояти. Если посмотреть шире, то моделировка гарды в виде расположенных под углом прямоугольных выступов близка клинковому оружию памятников новочеркасского типа (Тереножкин, 1976: 97), предшествующих или синхронных комплексам РСК-1 в Восточной Европе. По этому же признаку можно обозначить сходство и с так называемыми «предтагарскими» кинжалами и мечами, имеющими, как правило, грибовидное или кольцевидное навершие рукояти. Они

Рис. 1. *Рукоять кинжала из кургана 4 могильника Елеке Сазы II. Раскопки З.С. Самашева. Областной историко-краеведческий музей Управления культуры Восточно-Казахстанской области (г. Усть-Каменогорск)*

Fig. 1. *Dagger handle from mound 4 of the Eleke Sazy II burial ground. Excavations by Z.S. Samashev. Regional Museum of History and Local Lore of the Department of Culture of the East Kazakhstan Region (Ust-Kamenogorsk)*

Рис. 2. *Бляха в виде свернувшегося хищника из Сибирской коллекции Петра I. Деталь. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург)*

Fig. 2. *A plaque in the form of a coiled predator from the Siberian collection of Peter I. Detail. State «Hermitage» (St. Petersburg)*

довольно широко распространены в Сибири, на Алтае и Казахстане (обзор см. Членова, 1976). На хронологию этого типа может указывать находка в Томском могильнике, датировка которого не может быть моложе начала VII в. до н. э., а скорее раньше этой даты.

Вместе с тем, навершие рукояти кинжала из кургана 4 Елеке Сазы II, выполненное в виде зеркально-симметричной композиции голов кошачьего хищника, демонстрирует искусство звериного стиля, архаичное, но не самое раннее. Иконография головы зверя по моделировке глаза, уха и плавности формирующих изображение плоскостей ближе всего известной золотой бляхе в виде свернувшегося хищника из Сибирской коллекции Петра I *(рис. 2)*. Несколько иначе показаны пасти зверей, внутри которых округлые выпуклые фигуры, возможно, передающие язык. Перед фигурами между челюстей угадываются длинные клыки. У свернувшегося хищника из Сибирской коллекции между челюстей тоже есть небольшая перемычка, которую можно трактовать как зубы. Очень показательно, что в погребении найдены две небольшие бляшки, воспроизводящие такой же образ с характерными кольцевыми углублениями на окончаниях лап и хвоста. С точки зрения относительной хронологии важно, что анализ композиционного построения изображений свернувшегося в кольцо хищника привел М.Л. Подольского к выводу, что бляха из Аржана-1 демонстрирует творческий поиск древнего мастера, а пантера из Сибирской коллекции выполнена уже с соблюдением устоявшегося канона (Подольский, 2010: 101). Здесь можно отметить, что, исходя из принципов композиции, рассмотренных в указанной работе, бляшка в виде свернувшегося хищника из кургана 2 могильника Талды-2 в Сарыарке выполнена позже, с отходом от канонических принципов более раннего времени.

Казалось бы, рассмотренные выше категории находок из кургана 4 могильника Елеке Сазы II указывают на то, что памятник

может считаться опорным для начальной фазы 2-го горизонта, однако комплекс включает предметы, хронологические определения которых обычно соотносятся с более поздним периодом – временем Аржана-2. Действительно, золотые обкладки дна и планки колчана, украшение золотым бисером обуви, гривна с закрученным в спираль обручем и плоской планкой (хотя и разделенной на две части) – все эти предметы ассоциируются с комплексом опорного тувинского кургана. Анахронизмом также выглядит бронзовый диск с приклёпанной железной ножевидной рукоятью. Недавно эта категория предметов, распространенная в Южном Зауралье и Казахстане, была вновь рассмотрена А.Д. Таировым (2022: 180–183). Большинство таких «зеркал» (как их чаще всего называют) найдены в воинских комплексах, содержащих кинжалы, которые обычно традиционно датируются в пределах VII – середины VI вв. до н. э. Заметим, что железной рукояти ни у одного из таких изделий ранее известно не было.

Сомнения в ранней дате комплекса может вызвать и великолепный зооморфный декор из зерни на ножнах и днище колчана. Однако нельзя забывать, что изображения, выполненные в технике грануляции, найдены ранее в кургане 5 могильника Чиликты (Черников, 1965: 36–38), содержащем очень ранний набор наконечников стрел. Безусловно, такая технология, требующая высокого мастерства точной пайки (Минасян, 2014: 321–326), была доступна в древности только профессиональным ювелирам, имеющим за плечами длительную школу и большой практический опыт. Мастерские по производству подобных ювелирных шедевров для кочевых вождей в рассматриваемом регионе могли находиться в земледельческих оазисах Синьцзяна. Предметы из курганов северных отрогов Тарбагатая, выполненные с использованием зерни, возможно, были получены именно оттуда. Во всяком случае, установлено, что орнаментика на вещах из Аржана-2 и присутствующая на обкладке планки колчана из комплекса в Елеке Сазы II характерна именно для этого региона (Кисель, 2019).

Таким образом, можно заключить, что комплекс захоронения в кургане 4, несмотря на отмеченные противоречия, должен датироваться раньше Аржана-2. На это указывают наличие здесь архаичного кинжала, ранней иконографии кошачьего хищника, и, вероятно, типологически монолитный набор стрел. Отмеченные соответствия с материалами тувинского кургана, вероятно, можно объяснить тем, что формирование алды-бельской культуры непосредственно связано с территорией Казахстана (Чугунов, 2015). К сожалению, радиоуглеродная дата, полученная по образцу кости погребенного юноши в кургане 4, показала широкий диапазон от начала VIII до середины VI вв. до н. э. (Gnecchi-Ruscone et al, 2021) и не решает проблемы уточнения его хронологии.

В заключение рассмотрения этого яркого памятника необходимо обратить внимание на то, что комплекс предметов, найденный в его ограде и состоящий из многочисленных бусин, подвесок и мелких золотых изделий (Samashev, 2021b: 76), едва ли синхронен захоронению. На это указывают S-видные бляшки, выполненные в виде сложных завитков, ни разу не встреченных в памятниках ранней фазы 2-го горизонта и очень характерных для комплексов следующей фазы (времени Аржана-2). Кроме того, вероятно, ещё более поздним временем можно датировать продолговатые сердоликовые пронизи с наведённым орнаментом в виде белых поперечных полос (Samashev, 2021b: 80). В захоронениях Аржана-2 орнаментированные бусины из сердолика, как полагают, индийские по происхождению, имеют иную, таблитчатую форму с белыми «глазками» (рис. 3а). Эта форма соответствует раннему типу таких изделий по Г. Беку, известному ещё по памятникам Хараппы (Beck 1933). Бусины, похожие по форме на экземпляры из «клада» в кургане 4, найдены в могиле более позднего погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I *(рис. 3б)*. Такие искусственно орнаментированные изделия из сердолика, вероятно, можно считать хронологическими маркерами. Для 2-го горизонта раннескифского времени в степных комплексах характерно присутствие орнаментированных бусин именно таблитчатой (уплощенной) формы, а для следующего, 3-го горизонта, форма их сигарообразная или эллипсоидальная. Такие бусины единично встречаются и в более поздних комплексах, датированных уже V в. до н. э. О.В. Аникеева считает, что их могли производить в Сирии, поскольку находки бусин

Рис. 3. *Орнаментированные бусины из сердолика: а) Аржан-2, могила 13 Б; б) Чинге-Тей I, могила 1*

Fig. 3*. Decorated carnelian beads: a) Arzhan-2, grave 13 B; b) Chinge-Tei I, grave 1*

такой формы в Индии чрезвычайно редки (Аникеева, 2012: 182). Работая с коллекцией каменных бус из курганов Южного Приуралья V–III веков до н. э., она подразделила эти украшения на основании технологии сверления отверстий. В незначительном количестве коллекция включает и орнаментированные бусины эллипсоидальной формы (тип 25 по её классификации). Продольные отверстия в них просверлены алмазным сверлом (Аникеева, 2012: 173). На первый взгляд, бусы из «клада» в ограде кургана 4 могильника Елеке Сазы II именно такие, однако для их уверенного определения надо провести специальные исследования. Показательно, что орнамент на них выполнен в виде поперечных параллельных полос, ассоциирующихся уже с геометризмом второго этапа по Г. Беку (Beck, 1933). Таким образом, комплекс предметов, обнаруженный рядом с оградой кургана, мог быть принесен туда гораздо позже совершения захоронения. Не могли ли эти вещи являться кладом грабителей, зарывших сюда вещи из другого кургана? Настаивать на этой версии я не могу, но не исключено, что установленные специальными исследованиями различия в составе золота из могилы и «клада» (Amir, Martinos-Torres, 2021), возможно, объясняются разным происхождением комплексов.

Почти все упомянутые выше памятники являются захоронениями социальной верхушки кочевых сообществ, что вполне закономерно, так как подобные комплексы концентрируют все культурные достижения своего времени и могут выступать опорными для характеристики культуры, которую они представляют. Очень показательно и едва ли случайно, что для раннескифского (раннесакского) времени большие мемориалы высочайшего ранга, с курганами от 70 м до свыше 100 м в диаметре, в настоящий момент известны только по обе стороны от Алтая – на территории Казахстана и в Туве. Курганы бийкенской культуры, исследованные в алтайских горных долинах, принадлежат рядовым кочевникам и чрезвычайно близки по всем признакам памятникам Тувы. Единственный комплекс, который может быть назван элитным (хотя диаметр его около 30 м) – курган Ак-Алаха-2 справедливо соотносят со временем Аржана-1 (Полосьмак, 2022: 206–209), то есть с 1-ым горизонтом. Предметный комплекс третьего этапа бийкенской культуры полностью соответствует алды-бельскому, известному по материалам Аржана-2, то есть относится к концу 2-го горизонта. Более того, такая близость позволяет предполагать, что ареал племен Горного Алтая входил в раннескифское время в круг вождества, хоронившего элиту племенного объединения в Турано-Уюкской котловине – тувинской «долине царей». Появление носителей алды-бельской культуры в Туве в середине VIII в. до н. э. реконструируется гипотетически, поскольку памятники этого времени пока трудно вычленить из-за отсутствия здесь для начала 2-го горизонта опорных комплексов. Но не исключено, что второй, семисартский (по

А.А. Тишкину (2007)) этап бийкенской культуры как раз соответствует этой фазе, но из третьего, бойтыгемского этапа, ещё предстоит выделить комплексы завершающего 3-го горизонта.

Третий культурно-хронологический горизонт – время трансформации традиций, сложившихся в раннескифское время – на сегодняшний момент, вероятно, является наименее дифференцированным периодом в истории центральноазиатских кочевых обществ. Современное состояние источников не позволяет уверенно выделить позднетасмолинские древности (Бейсенов, 2015: 34), чему в какой-то мере мешает сосредоточенность исследований на ярких памятниках раннего периода. В свое время М.К. Кадырбаев, характеризуя особенности второго этапа тасмолинской культуры, обозначил его признаки в материальном комплексе: распространение трёхгранных и трёхлопастных втульчатых наконечников стрел, переход к удилам с кольцевидными окончаниями и двудырчатыми псалиями, появление зеркал с боковыми рукоятями (Кадырбаев, 1966: 402). Но этот этап им был датирован V–III вв. до н. э., чтобы составить общее представление о памятниках Центрального Казахстана скифского времени в рамках существующих тогда парадигм. Сейчас многие из комплексов, отнесенных к этому периоду, можно датировать раньше, поскольку трехлопастные стрелы определенных типов и зеркала с боковыми рукоятями стали известны в курганах раннескифского времени (Ермолаева, 2012: 81; Бейсенов, 2018). Пропускной способ соединения уздечного комплекта с двудырчатыми псалиями также был внедрен уже в конце этого периода, что показали находки в алды-бельских курганах Тувы (Грач, 1980: 83), но, возможно, появился на территории Казахстана и ранее (Ермолаева, 2012: 59). Такие комплекты узды пока достаточно редки в культурах раннескифского времени, но все они отличаются тем, что удила в них имеют стремевидные окончания, иногда с кольцами или муфтами, в которых отверстия для продевания псалиев расположены параллельно плоскости этих окончаний (то есть ремень повода узды располагался вертикально (Шульга, 2008: 76).

В отличие от Казахстана, где финальный этап тасмолинской культуры пока отчетливо не обоснован, в Туве довольно уверенно очерчен круг памятников, в материалах которых сочетаются признаки как комплексов раннескифского времени, так и последующего периода, который А.Д. Грач выделял в саглынскую культуру и датировал V–III вв. до н. э. Уюкский тип памятников, как предложено их именовать, демонстрирует здесь смену культурных доминант, обусловленную приходом нового населения из западных по отношению к Туве областей, произошедшим где-то в середине VI в. до н. э. и приведшим к смене культуры. Дата эта, конечно, условна, поскольку процесс смены культур не может произойти одномоментно. Тем не менее археологические материалы показывают в культуре населения изменения, которые невозможно объяснить эволюцией традиций раннескифского времени. Эти инновации показаны в специальной работе (Чугунов, 2020: 139), но важно, что они начинают фиксироваться уже в алды-бельских комплексах, которые по этим маркерам можно считать финальными в культуре раннескифского времени.

Погребально-поминальный комплекс Чинге-Тей I *(рис. 4)*, в погребениях которого выявлены эти маркеры, исследуется на севере Тувы в так называемой «Долине царей» Южно-Сибирской археологической экспедицией Эрмитажа с 2008 года. Несмотря на то, что памятник, состоящий из большого «царского» кургана диаметром около 70 м, обнесенного глубоким рвом диаметром 106 м, многочисленных ритуальных сооружений и сателлитного могильника на периферии, изучен ещё не полностью, уже открытые в нем непотревоженные захоронения позволяют считать его опорным для 3-го культурно-хронологического горизонта раннескифского времени. Обобщенные сведения о Чинге-Тее I уже введены в научный оборот (Чугунов, 2011б; 2019а), что позволяет не приводить его подробного описания. Отмечу лишь, что за эти годы здесь открыты восемь воинских погребений под склоном наземного сооружения; изучены участки рва с костями животных, людей и несколькими комплексами бронзовых предметов; серия поминальных сооружений на периферии; яма с разрозненными костями лошадей и людей, расположенная в 40 м к северу ото рва (северный комплекс), а также один небольшой курган в сателлитном могильнике (курган 1 западной цепочки).

Рис. 4. *Погребально-поминальный комплекс Чинге-Тей I. Ортофотография 2021 года*

Fig. 4. *Funeral and memorial complex Chinge-Tei I. Orthophoto 2021*

Многолетние систематические исследования Чинге-Тея I, наблюдения за стратиграфией залегания выкидов грунта из могильных ям, анализ комплектов сопроводительного инвентаря из погребений и культовых приношений во рву и кромлехе кургана позволяют сделать заключение об очень длительном функционировании этого элитного мемориала. Не исключено, что памятник берет свое начало ещё во 2-ом, а может даже и в 1-ом культурно-хронологическом горизонте, на что указывают чрезвычайно ранние радиоуглеродные датировки образцов дерева и кости лошади из рва и северного комплекса. Возможно, что под ещё не исследованным наземным сооружением где-то скрыто относящееся к этим периодам захоронение, но это покажут дальнейшие работы на памятнике. Датировки образцов из восьми открытых могил под склоном кургана гораздо моложе дат из периферийных объектов и ожидаемо показали широкий интервал календарного времени, обусловленный «гальштаттским плато» на калибровочной кривой. Тем не менее почти все даты располагаются в пределах раннескифского периода с верхней границей, не выходящей за середину VI в. до н. э. (начало V в. до н. э. захватывают лишь две широкие датировки).

В этой ситуации решающее значение имеет сравнительный анализ археологического материала, который показывает, что сопроводительные воинские захоронения в кургане Чинге-Тей I совершены позже большинства комплексов, открытых в Аржане-2. На это указывает, прежде всего, рассмотрение колчанных наборов, которых на памятнике на настоящий момент известно девять. Эти наборы, содержащие стрелы с разнообразными в типологическом отношении наконечниками (сейчас их имеется уже больше ста экземпляров), позволили установить тенденцию изменения их комплектности (Чугунов, 2019б). Кроме того, в комплексах Чинге-Тея I обнаружена значительная серия фурнитуры парадных воинских поясов. Благодаря тому, что в одном погребении сохранились не только металлические детали от пояса, но и кожа ремня, удалось понять особенности конструкции этих важных атрибутов, что важно не только для тувинских

Рис. 5. *Чинге-Тей I, могила 9. Общий вид*

Fig. 5. *Chinge-Tei I, grave 9. General view*

памятников, но и для широкого ареала урало-казахстанских степей, где такие пояса были распространены (Чугунов, 2016). При анализе этой категории источников были высказаны определенные наблюдения о хронологии портупейного крепления на поясах – постепенный переход от подковообразных блях к прорезным обоймам, что подтвердилось последними открытиями на памятнике – комплексом могилы, исследованной в 2022 году уже не под склоном, а под основной частью кургана.

Первое захоронение в центральной части кургана (могила 9), так же, как и могилы на его периферии, избежало ограбления и содержало чрезвычайно богатый комплекс *(рис. 5)*. Предварительная публикация с подробным описанием состояния сильно разрушенной погребальной конструкции и условий залегания находок включает также некоторые наблюдения о его хронологии (Чугунов, Сутягина, 2022).

Весь комплекс предметов, найденных в этой богатой могиле, подразделяется на несколько категорий – изделия, относящиеся к декору костюма, и украшения самого погребенного; оружие и портупейная фурнитура на его поясе и лежащая рядом; другие атрибуты, положенные рядом с погребенным. Подавляющее большинство предметов изготовлено из золота или им украшено. Возраст погребенного мужчины устанавливается в диапазоне 20–25 лет, а предварительный антропологический анализ показал близость морфологии его черепа к серии черепов из Аржана-2 (Учанева 2022). Вероятно, в могиле 9 похоронен знатный представитель «царского» рода, но более определенно о родстве с погребенными в Аржане-2 можно будет сказать только после получения результатов генетического анализа, образцы для которого были отобраны.

Суммарное описание комплекса находок и сравнение их с материалами Аржана-2 уже приведено в указанной публикации, но, поскольку многие предметы извлекались в виде монолитов, более подробно их можно будет проанализировать лишь после реставрации. Здесь необходимо кратко рассмотреть некоторые из них с учетом обозначенной темы и выявленных параллелей в древностях Казахстана.

Костюм молодого человека украшали почти полторы тысячи бляшек, которые выполнены в технике тиснения из золотого листа и изображают профильную фигуру стоящего кошачьего хищника, обращенного головой вправо или влево. Каких-то элементов крепления внутри бляшек нет, но многие сохранили внутри заполнение

Рис. 6. *Чинге-Тей I, могила 9. Деталь: бляшки декора костюма. Фото В.И. Никифорова*

Fig. 6. *Chinge-Tei I, grave 9. Detail: costume decoration plaques. Photo by V.I. Nikiforov*

из мела. Вероятно, декор был сформирован непосредственно перед погребением на кожаных полосах, которые и пришивались к костюму. Этот вопрос нуждается в специальных исследованиях, но здесь нужно обратить внимание на образ хищника, имеющего на бедре и плече фигурные запятовидные углубления *(рис. 6)*. Такая особенность зафиксирована на нескольких бляшках из кургана 5 в могильнике Талды-2 *(рис. 7)* в Сарыарке (Бейсенов, 2011).

Размещение оружия в могиле полностью соответствует традициям воинских захоронений алды-бельской культуры – в районе пояса погребенного зафиксированы остатки ножен с кинжалом и двумя ножами, а за спиной лежал чекан. Все эти предметы выполнены из железа и украшены золотым орнаментом, но сохранность их не позволяет сделать их подробное описание до реставрации. Остатки двучастного горита, богато украшенного такими же, как на костюме, бляшками, были расчищены за головой погребенного в юго-западном углу погребальной камеры. Колчан содержал большой набор бронзовых втульчатых и зажимных наконечников стрел, среди которых найдено два роговых пулевидных (всего 51 экземпляр). До реставрации пока можно сказать, что в нем, как и в наборе из могилы 5 Аржана-2, отсутствуют черешковые экземпляры, а все стрелы (включая зажимные) имеют четырехгранный боек.

Под горитом лежали два пояса разной ширины *(рис. 8)*, от которых сохранились надетые на них золотые обоймы. На более

Рис. 7. *Бляшка из кургана 5 могильника Талды-2. Раскопки А.З. Бейсенова. Национальный музей Республики Казахстан (г. Астана)*

Fig. 7. *Plaque from kurgan 5 of the Taldy-2 burial ground. Excavations by A.Z. Beisenov. National Museum of the Republic of Kazakhstan (Astana)*

Рис. 8. *Чинге-Тей I, могила 9. Деталь: гарнитура поясов in situ. Фото В.И. Никифорова*

Fig. 8. *Chinge-Tei I, grave 9. Detail: set of belts in situ. Photo by V.I. Nikiforov*

широкий ремень было надето 18 обойм и наконечник, причем половина обойм имеет петлю на лицевой стороне для продевания дополнительного ремешка. Кроме того, обоймам с петлей соответствует количество ворворок, украшенных треугольниками из зерни. Здесь же найдены две ворворки с декором в виде изображений головы сайги, одна из которых лежала рядом с прямоугольной портупейной обоймой с петлей и прорезью. На более узкий ремень надевалось 16 обойм. Несмотря на разную ширину, обоймы обоих поясов декорированы одинаково – ступенчатыми вырезами с двух сторон *(рис. 9)*. Обоймы таких очертаний, в том числе с петлями, также известны в материалах кургана 5 могильника Талды-2 *(рис. 10)* (Бейсенов, 2011), в погребении у с. Пьяный Яр и ещё в нескольких комплексах.

Рассмотрим этот комплекс находок более подробно. При том что сам пояс выполнен в традициях раннескифского времени – с

Рис. 9. *Чинге-Тей I, могила 9. Гарнитура поясов*

Fig. 9. *Chinge-Tei I, grave 9. Set of belts*

Рис. 10. *Поясные обоймы и наконечник ремня из кургана 5 могильника Талды-2. Раскопки А.З. Бейсенова. Национальный государственный музей Республики Казахстан (г. Астана)*

Fig. 10. *Belt clips and the tip of the belt from mound 5 of the Taldy-2 burial ground. Excavations by A.Z. Beisenov. National State Museum of the Republic of Kazakhstan (Astana)*

наконечником на свисающем окончании ремня и дополнительными петлями на лицевой стороне для дополнительного ремешка – удивляет и отход от стандарта ширины ремня, который крайне редко бывает менее 3 см. Здесь же размер более широких обойм 1,9 х 1,9 см, а более узких – 1,6 х 1,6 см. Ближайший по размеру ремень с обоймами в виде парных фигур хищников из могилы 4 Чинге-Тея I был шириной 2,3 см. Обоймы из могилы 9 относятся ко второй группе по классификации А.Д. Таирова (Таиров, 2004), который считает, что изделия Х-видных очертаний появляются несколько позднее прямоугольных обойм с зооморфным декором. С такой их позицией можно согласиться, однако пояса с обоймами обеих групп сосуществовали довольно длительное время. В частности, на это указывают находки в исследованных ранее могилах Чинге-Тея I. Следовательно, хронологию таких парадных поясов на сегодняшний день можно рассматривать лишь обобщенно в пределах VII – середины VI вв. до н. э., однако прямоугольная портупейная обойма с прорезью *(рис. 11)* может указывать на самый конец этого периода (Чугунов, 2016). Этот способ портупейного крепления распространился у племен Тувы в следующий уюкско-саглынский период, однако всегда использовался в сочетании с крюками и большими ворворками. Находка прямоугольной портупейной обоймы с прорезью может свидетельствовать о том, что комплекс могилы 9 Чинге-Тея I фиксирует момент появления здесь новых традиций, привнесенных с запада, где такие обоймы были распространены ранее, уже в VII в. до н. э. (Чугунов, 2016: 352–356).

Однако самая удивительная находка в могиле 9 была сделана ближе к северо-западному углу погребальной камеры. Здесь, на месте обычного в алды-бельских могилах деревянного ковша, расчищен раздавленный сосуд из прозрачного зеленоватого стекла *(рис. 12)*. По форме это невысокая литая чаша с округлым дном, выраженным плечиком, резко отогнутым венчиком и резным декором на поверхности. Присутствие такого изделия, несомненно, произведенного за многие тысячи километров от Центральной Азии, в странах Ближнего Востока, предоставляет уникальную возможность выхода на хронологию, несоизмеримо лучше обеспеченную абсолютными историческими датами. Предварительное знакомство с имеющимися источниками пока приводит к заключению, что такая форма сосуда более

Рис. 11. *Чинге-Тей I, могила 9. Портупейная обойма*

Fig. 11. *Chinge-Tei I, grave 9. Harness clip*

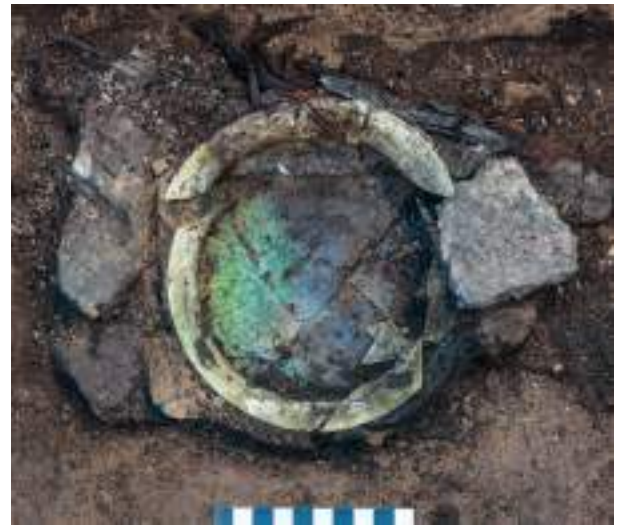

Рис. 12. *Чинге-Тей I, могила 9. Стеклянная чаша in situ. Фото В.И. Никифорова*

Fig. 12. *Chinge-Tei I, grave 9. Glass bowl in situ. Photo by V.I. Nikiforov*

характерна для позднеассирийской посуды, чем для ахеменидского времени. Впрочем, не исключено, что появление стеклянной чаши в элитной могиле Чинге-Тея I как-то связано с бурными событиями конца VII – середины VI вв. до н. э. – крушением Ассирии, возвышением Мидии, походом Кира Великого на восток и его гибелью в битве с массагетами. Однако такие заключения требуют всестороннего исследования самого предмета, что ещё впереди. Но, как бы то ни было, такие материалы заставляют рассматривать погребально-поминальный комплекс Чинге-Тей I как важнейший опорный памятник 3-го культурно-хронологического горизонта раннескифского времени. В Казахстане опорным для этого горизонта может выступать комплекс кургана 5 могильника Талды-2, о сравнительно поздней датировке которого говорилось и ранее.

Подводя итог, можно перечислить основные памятники восточной зоны степей, которые возможно синхронизировать по горизонтам раннескифского времени и их фазам.

1-й горизонт, ранняя фаза: Елеке Сазы II, каменный курган; Догээ-Баары II, курган 40.

1-й горизонт, поздняя фаза: Аржан-1; Аржан-5; Туннуг; Ак-Алаха-2; Бесшатыр (?).

2-й горизонт, ранняя фаза: Елеке Сазы II, курганы 4 и 7; Чиликты, курган 5; Байгетобе; Талды-2, курган 2.

2-й горизонт, поздняя фаза: Аржан-2; Жалаулинский клад; Кичигино I, курган 5.

3-й горизонт: Чинге-Тей I; Талды-2, курган 5.

Литература

1. Аникеева О.В. Украшения ахеменидского круга из цветного камня (на примере изучения каменных бус из курганов ранних кочевников Южного Приуралья) // М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский (ред.). Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). Т. 1. – М., 2012. – С. 168–188.

2. Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011.

3. Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы, 2015. – С. 11–38.

4. Бейсенов А.З. Тасмолинские погребения могильника Кызыл // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2. Барнаул, 2018. – С. 139–149.

5. Боковенко Н.А. Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. – С.41–48.

6. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – 256 с.

7. Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Вып. 12. – Кемерово, 1983. – С. 3–18.

8. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / ред.: Зайцева Г.И., Боковенко Н.А., Алексеев А.Ю., Чугунов К.В., Скотт Е.М. – СПб., 2005. – 290 с.

9. Есин Ю.Н., Магай Ж., Гантулга Ж.О., Еруул-Эрдене Ч. Колесница в культуре населения эпохи бронзы Центральной Монголии (по материалам из долины реки Хойд Тамир) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. статей, посв. 80-летию проф. Д.Г. Савинова. – СПб., ИИМК РАН, 2021 (Труды ИИМК РАН. Т. LVII). – С. 600–620.

10. Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). – Алматы, 2012. – 238 с.

11. Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Васильев С.С., Семенцов А.А., Кук Г.Т., Скотт Е.М., ван дер Плихт Й., Боковенко Н.А., Кулькова М.А., Бурова Н.Д., Лебедева Л.М., Юнгер Х., Соннинен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: мат. конф., посв. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. – СПб., 2007. – С. 251–262.

12. Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. – Вып. 29. 1988. – С. 29–47.

13. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – С. 303–433.

14. Кисель В.А. Начало кочевнической культуры в Центре Азии // АСГЭ. СПб., 2015. Вып. 40. – С. 54–67.

15. Кисель В.А. Погребальное убранство из кургана Аржан-2: декор, технологии, авторство // Camera praehistorica. № 2 (3). – СПб., 2019. – С. 93–122.

16. Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. – № 3. 1992. – С. 86–106.

17. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. – СПб., 2014. – 472 с.

18. Подольский М.Л. Зверь, который был сам по себе, или Феноменология скифского звериного стиля. – СПб., 2010. – 192 с.

19. Полосьмак Н.В. Памятник раннескифского времени Ак-Алаха-2 // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы Межд. конф., посв. 120-летию М.П. Грязнова. – СПб.: ИИМК РАН, 2022, – С. 206–209.

20. Рябкова Т.В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики // РАЕ. Вып. 4. – СПб., 2014. – С. 372–432.

21. Савинов Д.Г. Тува раннескифского времени «на перекрестке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс. – СПб., 1994. – С. 76–92.

22. Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб., 2002. – 204 с.

23. Самашев З.С. К вопросу о формировании раннесакского культурного комплекса в Восточном Казахстане // Turkic Studies Journal, Number 1, Volume 1, 2019. – С. 37–60.

24. Таиров А.Д. Раннесакские боевые пояса // РА. 2004. – №1. – С. 140–145.

25. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. – Челябинск, 2007. – 274 с.

26. Таиров А.Д. Об одной из категорий «зеркал» раннесакского времени // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы Межд. конф., посв. 120-летию М.П. Грязнова. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – С. 180–183.

27. Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев, 1976. – 224 с.

28. Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 3. – Барнаул, 2007. – С. 146–158.

29. Учанева Е.Н. Элитное захоронение в кургане Чинге-Тей I: предварительный анализ антропологических данных // Camera praehistorica. 2022 № 2 (9). – С. 145–153.

30. Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М., 1965. – 190 с.

31. Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М., 1976. – 104 с.

32. Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. – Вып. 8. – СПб., 1994. – С. 43–53.

33. Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. статей к 60-летию М. Л. Подольского. – СПб., 2000. – С. 213–238.

34. Чугунов К.В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тувы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганды, 2011а. – С. 69–77.

35. Чугунов К.В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // «Terra Scythica»: Материалы межд. симпозиума. – Новосибирск, 2011б. – С. 358–369.

36. Чугунов К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. – СПб., 2015. (ТГЭ (Т.) 77). – С. 457–486.

37. Чугунов К.В. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу евразийских древностей / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск, 2016. – С. 336–356.

38. Чугунов К.В. Исследования погребально-поминального комплекса Чинге-

Тэй I в Туве // АСГЭ. СПб., 2019а. – Вып. 42. – С. 92–109.

39. Чугунов К.В. Классификация стрел К.Ф. Смирнова и колчанные наборы раннескифского времени восточной зоны как хронологический индикатор // Скифия и Сарматия. К 100-летию К.Ф. Смирнова. М, ИА РАН, 2019б. – С. 31– 44.

40. Чугунов К.В. Маркеры культурно-хронологических горизонтов раннескифского времени в азиатской зоне степей Евразии – опыт выделения // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Межд. конф., посв. 100-летию А.М. Мандельштама и 90-летию И.Н. Хлопина. – СПб.: ИИМК РАН, 2020а. – С. 229–231.

41. Чугунов К.В. Тува в первом тысячелетии до н. э.: модель мультикультурности // Археологические вести. – Вып. 26. – СПб., 2020б. – С. 136–143.

42. Чугунов К.В., Сутягина Н.А. Элитное захоронение раннескифского времени в кургане Чинге-Тей I: предварительная публикация и перспективы исследований // Camera praehistorica. 2022 № 2 (9). – С. 8–25.

43. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1. Раннескифское время. – Барнаул, 2008. – 276 с.

44. Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры: мат. семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. – Волгоград, 2007. – С. 4–35.

45. Amir S., Martinos-Torres M. Goldworking of the Great Steppe: Technical Analysis of Gold Artefacts from Elee Sazy // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021. – P. 137–154.

46. Beck H.C. Etched Carnelian Beads // The Antiquaries Journal. 1933. Vol. 13. – P. 384–397.

47. Gnecchi-Ruscone G. A., Khussainova E., Kahbatkyzy N., Musralina L., Spyrou M. A., Bianco R. A., Radzeviciute R., Filipe Gomes Martins N., Freund C., Iksan O., Garshin A., Zhaniyazov Z., Bekmanov B., Kitov E., Samashev Z., Beisenov A., Berezina N., Berezin Y., Zsolt Bíró A., Évinger S., Bissembaev A., Akhatov G., Mamedov A., Onggaruly A., Voyakin D., Chotbayev A., Kariyev Y., Buzhilova A., Djansugurova L., Jeong C., Krause J. Ancient genomic time transect from the Central Asian Steppe unravels the history of the Scythians. Science Advances. 2021; 7. – P. 1–14.

48. Kossak G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München, 1987. – P. 24–86.

49. Panyushkina I.P. ,Slyusarenko I.Y., Sala R., Deom J-M., Toleubaev A.T. Calendar Age of the Baigetobe Kurgan from the Iron age Saka Semetery in Shilikty Valley, Kazakhstan // Radiocarbon, 2016. 58 (1). – P. 1–11.

50. Samashev Z. The Illustrious Culture of the early Nomads in the Kazakh Altai // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021a. – P. 13–67.

51. Samashev Z. Eleke Sazy, Kurgan 4 // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021b. – P. 69–102.

References

1. Anikeeva O.V. Ukraşenia ahemenidskogo kruga iz svetnogo kamnä (na primere izuchenia kamenyh bus iz kurganov rannih kochevnikov İujnogo Priurälä) // M.İu. Treister, L.T. İablonski (red.). Vliania ahemenidskoi kültury v İujnom Priurale (V–III vv. do n. e.). T. 1. – M., 2012. – S. 168–188.

2. Beisenov A.Z. Saryarka – kolybel stepnoi sivilizasii. – Almaty, 2011.

3. Beisenov A.Z. Poselenia i mogilniki sakskoi epohi Senträlnogo Kazahstana // Sakskaia kültura Saryarki v kontekste izuchenia etnososiokülturnyh prosesov Stepnoi Evrazii. – Almaty, 2015. – S. 11–38.

4. Beisenov A.Z. Tasmolinskie pogrebenia mogilnika Kyzyl // Sovremennye reşenia aktuälnyh problem evraziskoi arheologii. Vyp. 2. Barnaul, 2018. – S. 139–149.

5. Bokovenko N.A. Problemy genezisa pogrebälnogo obräda rannekochevnicheskoi znati Senträlnoi Azii // Elitnye kurgany stepei Evrazii v skifo-sarmatskuiu epohu. SPb., 1994. – C.41–48.

6. Grach A.D. Drevnie kochevniki v sentre Azii. – M., 1980. – 256 s.

7. Gräznov M.P. Nachälnaia faza razvitia skifo-sibirskih kültur // Arheologia Iujnoi Sibiri. Vyp. 12. – Kemerovo, 1983. – S. 3–18.

8. Evrazia v skifskuiu epohu: radiouglerodnaia i arheologicheskaia hronologia / red.: Zaiseva G.İ., Bokovenko N.A., Alekseev A.Iu., Chugunov K.V., Skot E.M. – SPb., 2005. – 290 s.

9. Esin Iu.N., Magai J., Gantulga J.-O., Eruul-Erdene Ch. Kolesnisa v külture naselenia epohi bronzy Senträlnoi Mongolii (po materialam iz doliny reki Hoid Tamir) // Tvores kültury. Materiälnaia kültura i duhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arheologii, istorii i etnografii: Sb. nauch. statei, posv. 80-letiu prof. D.G. Savinova. – SPb., İİMK RAN, 2021 (Trudy İİMK RAN. T. LVII). – S. 600–620.

10. Ermolaeva A.S. Pamätniki predgornoi zony Kazahskogo Altaia (epoha bronzy – rannee jelezo). – Almaty, 2012. – 238 s.

11. Zaiseva G.İ., Chugunov K.V., Alekseev A.Iu., Dergachev V.A., Vasilev S.S., Semensov A.A., Kuk G.T., Skot E.M., van der Pliht İ., Bokovenko N.A., Külkova M.A., Burova N.D., Lebedeva L.M., Iunger H., Sonninen E. İstoria i rezültaty radiouglerodnogo datirovania kurgana Arjan // Radiouglerod v arheologicheskih i paleoekologicheskih issledovaniah: mat. konf., posv. 50-letiu radiouglerodnoi laboratorii İİMK RAN. – SPb., 2007. – S. 251–262.

12. İsmagilov R.B. Pogrebenie Bölşogo Gumarovskogo kurgana v Iujnom Priurale i problema proishojdenia skifskoi kültury // ASGE. – Vyp. 29. 1988. – S. 29–47.

13. Kadyrbaev M.K. Pamätniki tasmolinskoi kültury // Drevnäia kültura Senträlnogo Kazahstana. – Alma-Ata, 1966. – S. 303–433.

14. Kisel V.A. Nachalo kochevnicheskoi kültury v Sentre Azii // ASGE. SPb., 2015. Vyp. 40. – S. 54–67.

15. Kisel V.A. Pogrebälnoe ubranstvo iz kurgana Arjan-2: dekor, tehnologii, avtorstvo // Camera praehistorica. № 2 (3). – SPb., 2019. – S. 93–122.

16. Medvedskaia İ.N. Periodizasia skifskoi arhaiki i Drevni Vostok // RA. – № 3. 1992. – S. 86–106.

17. Minasän R.S. Metaloobrabotka v drevnosti i Srednevekove. – SPb., 2014. – 472 s.

18. Podölski M.L. Zver, kotoryi byl sam po sebe, ili Fenomenologia skifskogo zverinogo stilä. – SPb., 2010. – 192 s.

19. Polösmak N.V. Pamätnik raneskifskogo vremeni Ak-Alaha-2 // Evrazia v eneolite – rannem srednevekove (innovasii, kontakty, transläsii idei i tehnologi): Materialy Mejd. konf., posv. 120-letiu M.P. Gräznova. – SPb.: İİMK RAN, 2022, – S. 206–209.

20. Räbkova T.V. Kurgan 524 u s. Jabotin v sisteme pamätnikov perioda skifskoi arhaiki // RAE. Vyp. 4. – SPb., 2014. – S. 372–432.

21. Savinov D.G. Tuva raneskifskogo vremeni «na perekrestke» külturnyh tradisi (aldy-belskaia kültura) // Külturnye transläsii i istoricheski proses. – SPb., 1994. – S. 76–92.

22. Savinov D.G. Rannie kochevniki Verhnego Eniseia (arheologicheskie kültury i külturogenez). – SPb., 2002. – 204 s.

23. Samaşev Z.S. K voprosu o formirovanii ranesakskogo külturnogo kompleksa v Vostochnom Kazahstane // Turkic Studies Journal, Number 1, Volume 1, 2019. – S. 37–60.

24. Tairov A.D. Ranesakskie boevye poiasa // RA. 2004. – №1. – S. 140–145.

25. Tairov A.D. Kochevniki Uralo-Kazahstanskih stepei v VII–VI vv. do n. e. – Cheläbinsk, 2007. – 274 s.

26. Tairov A.D. Ob odnoi iz kategori «zerkal» ranesakskogo vremeni // Evrazia v eneolite – rannem srednevekove (innovasii, kontakty, transläsii idei i tehnologi): Materialy Mejd. konf., posv. 120-letiu M.P. Gräznova. – SPb.: İİMK RAN, 2022. – S. 180–183.

27. Terenojkin A.İ. Kimerisy. – Kiev, 1976. – 224 s.

28. Tişkin A.A. Etapy razvitia bikenskoi kültury Altaia // Teoria i praktika arheologicheskih issledovani. – Vyp. 3. – Barnaul, 2007. – S. 146–158.

29. Uchaneva E.N. Elitnoe zahoronenie v kurgane Chinge-Tei I: predvaritelnyi analiz antropologicheskih dannyh // Camera praehistorica. 2022 № 2 (9). – S. 145–153.

30. Chernikov S.S. Zagadka zolotogo kurgana. – M., 1965. – 190 s.

31. Chlenova N.L. Karasukskie kinjaly. – M., 1976. – 104 s.

32. Chugunov K.V. Mongun-taiginskaia kültura epohi pozdnei bronzy Tuvy (tipologicheskaia klasifikasia pogrebälnogo obräda i otnositelnaia hronologia) // Peterburgski arheologicheski vestnik. – Vyp. 8. – SPb., 1994. – S. 43–53.

33. Chugunov K.V. Bronzovye nakonechniki strel skifskogo vremeni Tuvy // Mirovozzrenie.

Arheologia. Ritual. Kültura: sb. statei k 60-letiu M. L. Podölskogo. – SPb., 2000. – S. 213–238.

34. Chugunov K.V. Sinhronizasia arheologicheskih kültur ranesakskogo vremeni Kazahstana i Tuvy // Sakskaia kültura Saryarki v kontekste izuchenia etnososiokülturnyh prosesov stepnoi Evrazii. – Karagandy, 2011a. – S. 69–77.

35. Chugunov K.V. Diskretnöst postroiki «sarskih» memorialov Tuvy i hronologia raneskifskogo vremeni // «Terra Scythica»: Materialy mejd. simpoziuma. – Novosibirsk, 2011b. – S. 358–369.

36. Chugunov K.V. Formirovanie kültur rannih kochevnikov v Kazahstane i Saiano-Altae (k postanovke problemy) // Arheologia bez granis: koleksii, problemy, issledovania, gipotezy. – SPb., 2015. (TGE (T.) 77). – S. 457–486.

37. Chugunov K.V. Paradnye poiasa kochevnikov Azii v raneskifskoe vremä // Altai v krugu evraziskih drevnostei / otv. red. A.P. Derevänko, V.İ. Molodin. – Novosibirsk, 2016. – S. 336–356.

38. Chugunov K.V. İssledovania pogrebälno-pominälnogo kompleksa Chinge-Tei I v Tuve // ASGE. SPb., 2019a. – Vyp. 42. – S. 92–109.

39. Chugunov K.V. Klasifikasia strel K.F. Smirnova i kolchannye nabory raneskifskogo vremeni vostochnoi zony kak hronologicheski indikator // Skifia i Sarmatia. K 100-letiu K.F. Smirnova. M, İA RAN, 2019b. – S. 31– 44.

40. Chugunov K.V. Markery külturno-hronologicheskih gorizontov raneskifskogo vremeni v aziatskoi zone stepei Evrazii – opyt vydelenia // Drevnie i srednevekovye kültury Senträlnoi Azii (stanovlenie, razvitie i vzaimodeistvie urbanizirovannyh i skotovodcheskih obşestv): Materialy Mejd. konf., posv. 100-letiu A.M. Mandelştama i 90-letiu İ.N. Hlopina. – SPb.: İİMK RAN, 2020a. – S. 229–231.

41. Chugunov K.V. Tuva v pervom tysächeletii do n. e.: model mültikülturnosti // Arheologicheskie vesti. – Vyp. 26. – SPb., 2020b. – S. 136–143.

42. Chugunov K.V., Sutägina N.A. Elitnoe zahoronenie raneskifskogo vremeni v kurgane Chinge-Tei I: predvaritelnaia publikasia i perspektivy issledovani // Camera praehistorica. 2022 № 2 (9). – S. 8–25.

43. Şülga P.İ. Snaräjenie verhovoi loşadi i voinskie poiasa na Altae. Ch. 1. Raneskifskoe vremä. – Barnaul, 2008. – 276 s.

44. İablonski L.T. Problema hronologii i tipologizasii sarmatskih kültur na sovremennom etape ih izuchenia (v svete noveişih materialov iz İujnogo Priurälä) // Regionälnye osobenosti ranesarmatskoi kültury: mat. seminara Sentra izuchenia istorii i kültury sarmatov. – Volgograd, 2007. – S. 4–35.

45. Amir S., Martinos-Torres M. Goldworking of the Great Steppe: Technical Analysis of Gold Artefacts from Elee Sazy // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021. – P. 137–154.

46. Beck H.C. Etched Carnelian Beads // The Antiquaries Journal. 1933. Vol. 13. – P. 384–397.

47. Gnecchi-Ruscone G. A., Khussainova E., Kahbatkyzy N., Musralina L., Spyrou M. A., Bianco R. A., Radzeviciute R., Filipe Gomes Martins N., Freund C., Iksan O., Garshin A., Zhaniyazov Z., Bekmanov B., Kitov E., Samashev Z., Beisenov A., Berezina N., Berezin Y., Zsolt Bíró A., Évinger S., Bissembaev A., Akhatov G., Mamedov A., Onggaruly A., Voyakin D., Chotbayev A., Kariyev Y., Buzhilova A., Djansugurova L., Jeong C., Krause J. Ancient genomic time transect from the Central Asian Steppe unravels the history of the Scythians. Science Advances. 2021; 7. – P. 1–14.

48. Kossak G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München, 1987. – R. 24–86.

49. Panyushkina I.P. ,Slyusarenko I.Y., Sala R., Deom J-M., Toleubaev A.T. Calendar Age of the Baigetobe Kurgan from the Iron age Saka Semetery in Shilikty Valley, Kazakhstan // Radiocarbon, 2016. 58 (1). – P. 1–11.

50. Samashev Z. The Illustrious Culture of the early Nomads in the Kazakh Altai // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021a. – P. 13–67.

51. Samashev Z. Eleke Sazy, Kurgan 4 // Roberts R. (ed.) Gold of the Great Steppe at the Fitzwilliam Museum. – Cambridge. 2021b. – P. 69–102.

Чугунов К.В.
Мемлекеттік Эрмитаждың Шығыс Еуропа және Сібір археологиясы бөлімі
Санкт-Петербург қ., Ресей
e-mail: *chugunovk@mail.ru*

ОРТА АЗИЯДАҒЫ МӘДЕНИ-ХРОНОЛОГИЯЛЫҚ КЕЗЕҢДЕР КОНЦЕПЦИЯСЫ АҒЫМЫНДАҒЫ ЕРТЕ СКИФ ДӘУІРІ: ТІРЕК ЕСКЕРТКІШТЕР ЖӘНЕ ЖАҢА АШЫЛЫМДАР

Мақала кез келген құбылыстың бастауы, өркендеуі және аяқталуы болады деген постулат үдесінен шыға отырып, ерте скиф дәуіріндегі көне дүниелерді синхрондау мәселелеріне арналған. Орталық Азиядағы аталған уақыттың негізгі ескерткіштері олардың үш мәдени-хронологиялық көкжиекпен байланысы тұрғысынан қарастырылады. Сонымен қатар, хронологияны нақтылау үшін әрбір кезеңді ерте және кеш фазаларға бөлуге тырысу керек, бұл бірнеше ғасырлардағы шамадан тыс ұзартылған даталардан бас тартуға мүмкіндік береді. Әрбір кезең үшін даталары дау тудырмайтын және тәуелсіз табиғи-ғылыми әдістермен немесе археологиялық әзірлемелермен расталған тірек кешендер анықталады. Мақаланың соңында 2022 жылы Тувада зерттелген элиталық жерлеудің соңғы материалы берілген.

Кілт сөздер: *ерте скиф дәуірінің хронологиясы, мәдени-хронологиялық көкжиектер, анықтамалық ескерткіштер, Қазақстан, Тува.*

Chugunov K.V.
Department of Archeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage
St. Petersburg, Russia
e-mail: *chugunovk@mail.ru*

THE EARLY SCYTHIAN PERIOD IN CENTRAL ASIA WITHIN THE CONCEPT OF CULTURAL-CHRONOLOGICAL HORIZONS: LEADING SITES AND NEW DISCOVERIES

The article is devoted to the issues of synchronization of antiquities of the early Scythian period, based on the postulate that any phenomenon has a beginning, flourishing and completion. The key monuments of this time in Central Asia are considered from the point of view of their correlation with three cultural and chronological horizons. In addition, in order to refine the chronology, it is necessary to strive to divide each horizon into early and late phases, which will make it possible to move away from excessively extended dates of several centuries. For each horizon, reference complexes are identified, whose dating does not raise objections and is confirmed by independent natural-scientific methods or archaeological developments. At the end of the article, the latest material from an elite burial, investigated in Tuva in 2022, is presented.

Keywords: *chronology of the early Scythian period, cultural and chronological horizons, reference sites, Kazakhstan, Tuva.*

МӘДЕНИ МҰРА

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.03

Утубаев Ж.Р.
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Алматы қ. Қазақстан
e-mail: *utubaev_z@mail.ru*

БӘБІШ МОЛА КЕШЕНІНДЕГІ ЖАҢА ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ КЕЙБІР НӘТИЖЕЛЕРІ

Мақалада Сырдарияның ежелгі арнасында б.д.д. I мыңжылдықтың екінші жартысында Шірікрабат археологиялық егіншілік мәдениеті таралған, Бәбіш-мола кешенінде бірнеше жыл жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері жарияланады. Бәбіш мола б.д.д. IV-II ғғ. шірікрабат мәдениетін тасымалдаушы соңғы сақтардың астаналық орталығы болған. Аталған мәдениет б.д.д. I мыңжылдықтың екінші жартысында Сырдарияның төменгі ағысын мекен ететін көшпелі сақтардың шаруашылығы суландыру жүйесіне негізделіп, отырықшы егіншілік пен бақташылыққа ауысуы барысында пайда болды. Бәбіш мола кешенінде ірі өндірістік керамика орталығы және қала маңындағы қасиетті орын мен жерлеу ескерткіштері ашылды, олардың қысқаша сипаттамасы мақалада келтірілген.

Кілт сөздер: *Сырдария, Шірікрабат археологиялық мәдениеті, қоныс, қалашық, кесене, шаруашылық, материалдық мәдениеті.*

Алғыс: *Жұмыс ҚРБжҒМ «AP09260367* – Сырдария сағасындағы ерте темір дәуірі елді мекендерінің шаруашылығы мен тұрмысы» *жобасы аясында орындалды.*

Кіріспе

Б.д.д. I мыңжылдықтың екінші жартысында ежелгі Сырдария арналарының оңтүстік бөлігінде мәдениетті урбанизациялау үрдісі басталады. Бұл құбылысты суреттейтін ең көрнекті ескерткіш ретінде Бәбіш мола қалашығы мен оның айналасындағы ескерткіштерді алуға болады. Аталмыш кешенде ерте қалалық мәдениетке тән барлық белгілер тіркелген.

Бәбіш мола оазисіне Жаңадария бойында орналасқан Бәбіш мола қалашығы мен Бәбіш мола 2 жерлеу ғимараты және арналарды жағалай орын тепкен елді мекендер жатады. Елді мекендер ендік бағытта 40 км-ді, ал, меридиан бойынша 15-20 км аралығын қамтиды. Бұл аймаққа Б.В. Андрианов 1957-1960 жылдары бірқатар зерттеу жұмыстарын жүргізді. Елді мекендерде керамика және кварцит сынықтарымен жабылған үйінді немесе аласа келген төбелер түрінде кездесетін ғимарат қалдықтары сақталған. Бәбіш мола маңынан жалпы саны 150 елді мекеннің іздері анықталды, олардың жүзге жуығы бір уақытта өмір сүрген болуы мүмкін (Андрианов, 1991: с 110).

Б.В. Андриановтың мәліметтері бойынша Бәбіш мола оазисінің ауданы 10 мың гектарға жеткен. Суару көбінесе жүйе бойынша жүргізілген: өзен – арна – канал – арық. Осы

аумақтағы суару жүйесі Аққырдың қыратынан батысқа және солтүстік-батысқа қарай 20-40 км қашықтықта орналасқан үш ірі арнадан тұрды, осы арналардың ортаңғысы Бәбіш мола ескерткіштер кешеніне өте жақын өтеді. Солтүстік тармақ ежелгі арналар бойымен өтетін меридиональды каналдарды суландырады. Ал оңтүстік тармақ батысқа қарай созылып, орташа аңғары бар үлкен каналмен қосылады. Оны оңтүстік-батыс тобы бар елді мекендермен байланыстыруға болады (Андрианов, 1969: 193).

Бәбіш мола оазисінің орталығында Бәбіш мола бекіністі қалашығы орналасқан. Ол ірі жерлеу-мемориалдық киелі ескерткіш саналатын Шірік Рабат қалашығынан солтүстікке қарай 40 км қашықтықта орналасқан.

Бәбіш мола деп аталатын археологиялық ескерткіштер кешенін алғаш рет 1946-1948 жылдары Хорезм экспедиция жасағы зерттеді. 70-80 шаршы шақырымды алып жатқан аумақтан антикалық дәуірдің әртүрлі ескерткіштері қалашықтар, бекінісі жоқ елді мекендер мен жеке үй-жайлар және жерлеу құрылыстары табылды.

Кейін, 2015 жылы Шірік Рабат археологиялық экспедициясының маршруттық тобы Бәбіш мола кешені мен айналасындағы ескерткіштердің топографиялық түсірілімі жасалып, ескерткіштердегі тұрақты қазба жұмыстары басталды.

Материалдар мен әдістер

Бәбіш мола 1 қалашығы – іргетасы пахсалы шикі кірпіштен тұрғызылған, қалыңдығы 5,3 м болатын бекініс қабырғасымен қоршалған, ерекше пішінді қала (*сур. 1:1*).

Қабырғалары оқ ататын ойықтары бар мұнаралармен күшейтілген. Қала цитаделі солтүстікте орналасқан, оның көлемі 100×100 м. Биіктігі 2 м болатын қабырғаларын жартылай дөңгелек мұнаралармен бекіткен. Қабырғалары мен мұнараларында бір немесе үшеуден оқ ататын ойықтар орналасқан. Цитадельдің оңтүстік-батыс кіреберіс қақпасында «донжон» деген атауға ие болған көлемі 30×30 м болатын қуатты бекініс бой көтерген. Оның қабырғалары 4–5 м биіктікте сақталған. Іші бірнеше бөлмеден тұрады. Бөлмеден-бөлмеге қатынайтын есіктері арка тәріздес көмкерілген. Басты кіретін қақпасы осы жерде болғандықтан жауды күтіп алатын мұнара ретінде пайдаланған (*сур. 1:2*).

Ал қала цитаделінде «үлкен үй» деп аталатын шаршы тектес, жалпы ауданы 44×44 м ғимарат орны сақталған. Қабырғаларының қазіргі биіктігі 1,5 м. Ғимаратты оқ ататын ойықтары бар, мұнаралы қабырғалармен қоршаған, бұл мұнаралар цитадельдің бұрыштары мен кіреберістегі оңтүстік қабырғаның орта тұсын тұтастай қамтыған. Кірер тұста ғимарат дәліз тәріздес екі бөлікке бөлінген.

Қазіргі уақытта, өткен ғасырдың ортасында алынған археологиялық мәліметтерге сүйене отырып, Бәбіш мола ескерткішін тарихи мәдени аймақтың әкімшілік, діни және экономикалық орталығы бар **қала** деп санауға толық негіз бар. Бұл салыстырмалы түрде, бекініс қабырғасымен қоршалған **цитадель** және оған іргелес бекіністі **шахристаны** бар үлкен қалашық. Сондай-ақ, қаланың айналасында қолөнер өндірісінің қалдықтары, діни және жерлеу ғимараттарының қалдықтары бар **рабат** атты кең ауылшаруашылық округ болған. Сондай-ақ, Бәбіш мола шірікрабат мәдениетін тасымалдаушы соңғы сақтардың астаналық орталығы болған.

1957-1960 жылдары Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы Бәбіш мола қалашығына археологиялық зерттеулер жүргізді. Негізгі зерттеу нысаны цитадель болды, онда «донжон» деп аталатын кіреберіс кешені және орталық ғимараттың шығыс бөлігі толығымен қазылған (Толстов, 1952: 16–31; Толстов, 1958: 235–241; Толстов и др., 1960: 15–61; Толстов, 1963: 32–90).

2018 жылы Шірік Рабат археологиялық экспедициясы Бәбіш мола 1 қалашығының цитаделіндегі орталық ғимаратқа тұрақты қазба жұмыстарын бастады (Курманкулов и др., 2019: 301–316). Қазба дәстүрлі түрде Жаңадария бассейніндегі билеуші сарайы болып саналатын монументалды ғимараттың солтүстік-батыс бөлігіне жасалды. Қазба жұмыстары кезінде ғимараттың айналма дәлізінің бір бөлігі және ғимараттың солтүстік-батыс бұрышынан өтетін екі бөлме ашылды. Барлық қабырғалар үлкен форматты шикі кірпіштен салынған: 42×42×12-13 см; 39×40×12 см; 38×39×12 см; 43×44×12-13 см. Айта кету керек, төртбұрышты кірпіштермен қатар тікбұрышты кірпіштер де қолданылған: 47×38×13 см; 45×35×12 см; 49×37×12 см.

1

2

Сур. 1. *1 – Бәбіш мола қалашығының аэро-фотосы; 2 – Цитадель*

Fig. 1. *1 – Aerial photo of the Babish mola settlement; 2 – Citadel*

Қазбаның нәтижесі көрсеткендей ғимараттың өмір сүру уақытын алғашқы және кейінгі деп екі кезеңге бөліп қарастырамыз. Ғимараттың батыс және солтүстік-батыс бөліктеріндегі стратиграфиялық жағдайға қарағанда, бұл екі кезең аралығында біршама уақыт үзіліс болғандығын көреміз. Оған дәлел кейбір бөлмелердің қабырғалары және ішкі құрылыстардың жартылай қирап, қайта жөндеуден өткендігін көреміз.

Жалпы, нысандағы қазба жұмыстары енді басталғандықтан қазірден қорытынды жасауға әлі ерте. Бүгінгі таңда, батыс бөліктің шығыс бөлікке қарағанда орналасуы мен функционалды жағынан өзіндік ерекшеліктері де бар. Алдын ала болжам бойынша, бұл Бәбіш мола 1 қалашығындағы «үлкен үй» немесе сарайдың тұрғын бөлігі болуы мүмкін.

Бәбіш мола 7 қонысы Бәбіш мола қаласынан оңтүстік-шығысқа қарай 5 км, Жаңадария арнасынан бөлініп шыққан кішігірім арнаның бойында орналасқан. Жалпы аумағы 1,6 га – 450×350 м жерді алып жатыр (*сур. 2:1*). Дәл осы аумақта құрылыс іздері және қазіргі тақыр бетінде айқын көрінетін пеш үйінділері сақталған. Елді мекенге алғашқы зерттеу жұмыстарын жүргізгеннен кейін, бұл жердің қолөнер орталығы екендігі белгілі болды. Қонысқа батыстан ені 15 метр болатын арық-су қоймасы жүргізілген.

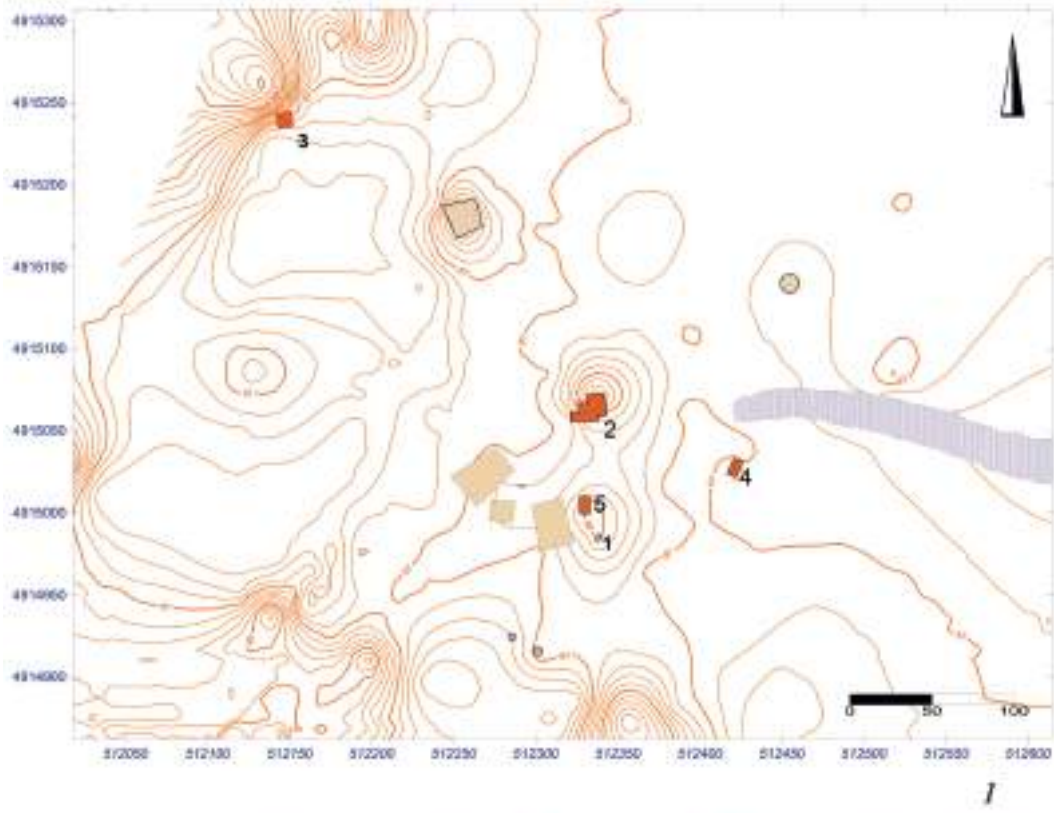
Құрылыстар мен қыш күйдіретін пеш үйінділері елді мекеннің оңтүстік бөлігінде көптеп шоғырланған. Арық-су қоймасы дәл осы жерге тартылған. Бетінде керамикалық шлак пен пештің қирандылары анық байқалатын күйдіру пештері жоспарланған ғимараттардан біршама қашықтықта орналасқан және жақын маңда шоғырланған түрлері де кездеседі. Қазіргі уақытта қонысты визуалды зерттеу арқылы 9 күйдіру пештері табылды, алайда олардың бұдан да көп болғаны сөзсіз. Визуалды зерттеу арқылы елді мекеннің оңтүстік бөлігінен қазіргі жер деңгейінде орналасқан 7 құрылыс анықталды, олар кішігірім тұрғын үйлер немесе шеберханалар болуы мүмкін. Оны беткі қабаттан табылған керамикалық сынықтармен, кейбір жерлерде шикі кірпіштен қаланған қабырғалардың контурлары арқылы анықтауға болады.

Жаңадарияның құрғап кеткен арнасының бойында орналасқан елді мекеннің солтүстік-батыс бөлігінен үлкен сарайдың орны анықталды. Бұл тұрғын үй құрылыстары мен пештерден біраз қашықтықта орналасқан. Тіктөртбұрышты шикі кірпіштен қаланған ғимарат қабырғаларының орындары жер бетінде әлі күнге айқын көрініп жатыр. Бұл үй-жайдың оңтүстік бөлігі, ал, солтүстік бөлігі үлкен барханның астында қалған.

1959 жылы Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы (С.П. Толстов) ескерткіш ретінде картаға енгізген. 2006 жылы Шірік-Рабат археологиялық экспедициясының маршруттық тобы қайта зерттеп, географиялық координаттарын анықтап, суретке түсірді. Кейін, 2015 жылдан бері Бәбіш мола 7 қонысына тұрақты археологиялық қазба жұмыстары жүргізіліп келеді (ШРАЭ, Бәбіш мола археологиялық отряды, отряд жетекшісі – Ж.Р. Утубаев) (Утубаев, Болелов, 2016: 154–162; Болелов, Утубаев, 2020: 69–88).

Қазіргі таңда, тоғыз пештің алтауы ашылды. Нәтижесінде пештердің екі түрі анықталды: шеңберлі және төртбұрышты. Төртбұрышты пештердің көлемдері әртүрлі, ұзындықтары 2–3,5 м дейін болса, ені 2,1–2,7 м жетеді (*сур. 3:1*). Ал шеңберлі пештердің диаметрлері 4,5–5,2 м құрайды (*сур. 3:2*). Биіктіктері 80 см-ден 1 м. Қалыңдығы 0,7-0,8 м болатын қабырғалары жұмбаздалған саздан тұрғызылған. Пештер екі ярусты болған, төменге оттық салса, ал, жоғарғы қабатына ыдыстарды қойып күйдірген. Оған ыстық ауа өтетін ойықтар салынған. Бір пештің өзінде 16 тесікке дейін сақталған. Пештің оттық салатын ауыздары дөңгелек немесе сопақша формада келген, олардың біразы оңтүстікке қаратылған.

Қыш күйдіретін пештермен қатар, айналасында орналасқан шеберханалары да аршылды (*сур. 2:2*). Бірнеше бөлмеден тұратын шеберханалардың қабырғалары, көлемі 0,7х0,9-1 м болатын ірі пахса блоктарынан тұрғызылған. Қазіргі таңда, биіктігі 0,7-0,8 м, ені 0,8-1,1 м сақталған. Жоспары төртбұрышты болып келген бөлмелердің көлемі 2,8-3х2-2,20 м. Сондай ақ, ұсталардың мекен еткен үй-жайына да зерттеу жүргізіліп, үйдің толық бес бөлмесі ашылды. Қабырғаларының максималды сақталуы, солтүстік бөлігінде 1 м-ден асады. Іргетасы саналатын қабырғаның төменгі бөлігінің биіктігі 40-45 см және ені 1,5-1,6 м құрайды. Ашық сұр түсті қабырға пахсадан тұрғызылған. Пахса тікелей барханды құмның қабатына қойылған. Қабырғалардың

1

2

Сур. 2. *1 – Бәбіш мола-7 қонысының топографиялық жоспары;*
2 – 2-қазбаның төбеден түсірілген көрінісі

Fig. 2. *1 – Topographical plan of the Babish mola-7 settlement;*
2 – aerial view of excavation-2

1

2

Сур. 3. *Бәбіш мола-7 қонысы.*
1 – төртбұрыш пішінді қыш күйдіретін пеш;
2 – шеңбер пішінді қыш күйдіретін пеш

Fig. 3. *Settlement Babish Mola-7.*
1 – square pottery kiln;
2 – circular pottery kiln

жоғарғы бөлігі тікбұрышты шикі кірпіштен салынған, кірпіштердің өлшемдері: 48х30х10-12 см; 47х32х10-12 см; 50х37х12 см. Қабырғаның сақталған бөліктерінің ені – 1,4-1,5 м. Бөлмелерден өндіріске пайдаланған үлкен ыдыстар, көзешілердің шарықта айналдыратын тастары табылса, кейбір бөлмелерде ошақтар сақталған. Оның ішінде бір құты мен бір тұтқасыз құмыра, диірмен тастың бөлігі табылды. Ол, бояуды ұнтақтауға немесе басқа да заттарды ұсатуға арналған болуы керек.

Қазба барысында белгілі болғандай Бәбіш мола 7 қонысы б.д.д. III–II ғғ. Шығыс Арал өңіріндегі егіншілік оазис тұрғындарын қыш ыдыстармен қамтамасыз еткен ірі қыш өндіріс орталығы болғандығы дәлелденді.

Бәбіш мола 8. Бұл нысан Бәбіш мола 1 округіне жақын маңда, қалашықтың сыртқы қамал қабырғасынан оңтүстікке қарай шамамен 200-250 м жерде орналасқан. Қазбаға дейін, жер бетінен белгілі бір орталық ғимараттың және оған жақын сыртқы қорғаныс қабырғасының тұрғызылғандығын көреміз (*сур. 4:1*).

Жүргізілген қазба жұмыстары нәтижесінде орталық құрылыс толығымен ашылды. Ш-Б қарай бағытталған тікбұрышты ғимараттың көлемі 5,5×3,75 м. Ені 0,9 см болатын ғимараттың ауызы солтүстік-батыс бұрышта. Құрылыстың шығыс және батыс қабырғасы екі кірпіштен тұрғызылған, ені – 0,8-0,9 м; солтүстік және оңтүстік қабырғасы бір кірпіштен көтерілген, ені – 0,5 м. Ғимараттың орталық бөлігінен төртбұрышты (1,35×1,5 м) құрбандық үстелі (алтарь) ашылды. Ол өлшемдері 45×49×12 см; 44×45×12-13 см; 43×39×12 см. болатын шикі кірпіштен қаланған (*сур. 4:2*).

Нысанның солтүстік-батыс бөлігіндегі жекелеген аумақтан ескерткіштің қорғаныс қабырғасы және тікбұрышты пішінде келген солтүстік-батыстағы мұнара контурларының іздері ашылды. Қабырғаның төменгі бөлігі пахсадан тұрғызылса, ал, жоғарғы жағы шикі кірпіштермен өрілген.

Бәбіш мола 8 нысанын қазу барысында орталық ғимарат тұрғын үй ретінде қолданылмаған деп айтуға болады. Себебі мұнда тұрмыстық немесе шаруашылыққа пайдаланылатын ошақтар табылмады. Оны тұрғындардың өмір сүруі туралы куәландыратын мәдени қабаттың мүлдем болмауы дәлелдейді. Ғимараттың орталық бөлігіндегі шаршы кірпіштен соғылған мінбер ерекше назар аударуға тұрарлық. Оның бетінен жану іздері табылған жоқ, сондықтан оның құрбандық шалу орны болуы екіталай, алайда бұл орын белгілі бір рәсімге арналған қала сыртындағы ғибадатхана болса керек (Утубаев, Болелов, 2019: 159–170).

Жерлеу ескерткіштері

Шірікрабат мәдениетінің жерлеу ескерткіштерін – топырақ үйіндісінен тұрғызылған қорғандар, жерүсті кесенелер және жер астындағы қарапайым шұңқырлар мен лақаттар деп үшке топтастырамыз. Бүгінгі таңда Бәбішмола оазисінде екінші топқа жататын жерлеу ескерткіштерінің онға жуығы белгілі болып отыр. Бір-бірінен оқшау жатқан олар, әдетте, қоныстардан 0,5 шақырымнан бірнеше шақырымға дейін қашықтықта орналасқан. Сыртқы келбетіне қарай оларды екі типке бөлуге болады. Шаршы және дөңгелек пішінді болып келген олардың ішкі жобалық принципі мен негізгі құрылыстық әдістері бірдей.

Сондай ескерткіштің бірі аталмыш топтың екінші типіне жататын Бәбішмола оазисі аумағындағы жерлеу кесенелері.

Ақшұқыр кесенелер тобы. Бәбіш мола қалашығынан батысқа қарай 16 км қашықтықта орналасқан. Жергілікті жерден 3 кесене тіркелді. Олардың барлығының пішіні – дөңгелек тәрізді, диаметрлері 12-25 м, биіктігі 1,2-5 м. Ескерткішке тұрақты қазба жұмыстары 2019 жылы басталған болатын. 2019-2020 жылдар аралығында екі кесене қазылды (Утубаев и др., 2022: 31–46).

1-кесене диаметрі 12 метр болатын дөңгелек ғимарат, екі секторға бөлінген. Сақталған биіктігі 1,02 м. Бұл ескерткіш сазды стилобат үстіне салынған. Кіретін ауызы батыс және шығыс қабырғаларда кездеседі. Қабырғаларының қалыңдығы 1,2-1,7 м, олар пахса блоктарынан және шикі кірпіштерден араластырылып салынған.

Кесенеде негізгі құрылыс материалы ретінде тікбұрышты кірпіш пайдаланылған. Оның өлшемі негізінен 40-45х30х10 см немесе одан үлкен болып келеді. Кірпіш өсімдік қоспасымен иленген саздан жасалған. Шикі кірпіштің бұл өлшемі шірікрабат мәдениетінің синхронды ескерткіштерінде кеңінен қолданылды. Қабырғалар ежелгі

1

2

Сур. 4. *Бәбіш мола-8 ғибадатханасы.*
1 – ескерткіштің төбеден түсірілген көрінісі;
2 – ескерткіштің жоспары

Fig. 4. *Sanctuary Babish mola-8.*
1 – top view of the site;
2 – plan of the site

жер бетінің деңгейінен 40 см-ге көтерілген құмды платформаға салынған. Жерлеу құрылысы ежелгі уақытта қатты тоналған, бірақ солтүстік-батыс және оңтүстік-батыс секторларынан кейбір археологиялық артефактілер табылды. Бұл жерден бірнеше адам мүрдесінің нашар сақталған қалдықтары, сондай-ақ, керамикалық ыдыс пен қола бұйымның фрагменті анықталды.

Кесененің батыс секторынан көлденең және ұзыннан қойылған бірнеше тақтайшалардан тұратын ағаш зембілдің қалдықтары табылды. Тақтайшалардың ұзындығы 1 м, ені 5-8 см, қалыңдығы 3 см. Зембілде немесе торлы табытта жерлеу Еділ бойында да, Орта Азияда да, кем дегенде б.д.д. IV ғ-дан бастап белгілі.

Ағаш зембілден керамикалық ыдыстың төменгі бөлігі; қолмен жасалған қыш құмыра, тікбұрышты керамикалық шырағдан, керамикалық ұршықтың басы, саз ядро, қайрақ тастар, темір пышақтың сынығы, ақ тас пен сердоликтен жасалған моншақтар табылды.

2-кесене бұл дөңгелек пішінде, диаметрі 17,5 м және биіктігі 2-3 м болатын құрылым. Ескерткіш сазды стилобатқа тұрғызылған. Кіретін жері солтүстік-батыс және оңтүстік қабырғада кездеседі. Олардың ені 1,60 м және 1,8 м. Кесене қабырғаларының қалыңдығы 1,2-1,7 м. Пахса блоктарынан және шикі кірпіштерден тұрғызылған (*сур. 5:1*).

1

2

***Сур**. 5. 1 – Ақшұқыр кесенесі;*
2 – Егістік кесенесі

***Fig. 5.** 1 – Akshukyr mausoleum;*
2 – Yegistik mausoleum

Ғимарат Ш-Б қарай бағытталған қабырғамен екі бөлікке (бөлмеге) бөлінген. Бөлмелер арасындағы өту жолының ені 1,65 м құрайды. Оңтүстік бөлменің батыс бөлігін тазалау кезінде көлемі 4х1,5 см және биіктігі 20-60 см төртбұрышты, көлемі 42х28х8; 38х30х8; 45х30х10 см болатын шикі кірпіштен қаланғаны анықталды. Біздің ойымызша, *бұл* құрылыс үстіне ыдыс-аяқ қоюға арналған құрбандық шалу үстелі «алтарь» болған. *Ол* оңтүстік-батыс қабырғадан 1,7 м және ішкі қабырғадан 1,2 м қашықтықта орналасқан. Құрбандық үстелінің бұрыштары СО-БШ бағытталған. Осыдан оңтүстікке қарай адам сүйегінің қалдықтары кездессе, *ал*, бөлменің шығыс бөлігіндегі солтүстік-шығыс бұрышында нашар сақталған кісі сүйегінің төменгі бөліктері сақталған. Сондай-ақ, кісі сүйегінен төмен ұзындығы 80 см, *ал* ені – 20-25 см болатын былғарыдан дайындалған ыдыс табылды. *Бұл* мес сусын құюға арналған торсықтың қызметін атқарған болуы мүмкін.

Жерлеу құрылысының ежелгі уақытта тоналғандығына қарамастан *бұл* жерден: темір пышақ, темірден жасалған қорамсақ ілмек, тас және керамикалық ұршықтың басы, екі түрлі моншақтар, сыртынан өрнектелген сүйек бұйым, мата бөлігі – өте жұқа мата кездесті. Жерлеу бұйымдарының арасында рәсімдік қыш ыдыстар да табылды.

2020 жылы *Егістік кесенесі* қазылды (Утубаев и др., 2022: 31–46), *ол* Бәбіш мола қалашығынан оңтүстікке қарай 20 км қашықтықта орналасқан. *Бұл* кесененің пішіні дөңгелек, диаметрі – 12,5 м, биіктігі 14 м-ден жоғары. Құрылыстың ішкі кеңістігі төрт секторға бөлінген. Ішкі крест тәрізді қабырғаның ұзындығы 11,5 м , *ал*, қалыңдығы 1,55х1,65 м (*сур. 5:2*). Құрылыстың секторлары өзара *дәліздермен* жалғанған. *Дәліздің* ені солтүстік-батыстан оңтүстік-батысқа қарай 1,5 м, оңтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай 1,4 м, оңтүстік-шығыстан солтүстік-шығысқа қарай 1,45 м-ді құрайды. Бөлменің еденінен қамыс қабаттары анықталды. Кісіні жерлеу еденде, зембілде немесе ағаш тұғырларда жүргізілген. Жерлеу орындары тоналып кетсе де, жақсы сақталған керамикалық ыдыстар, шырағдан, қыш ұршықтың басы анықталды. Айна, ағаш ыдыстардың, темір пышақтың сынықтары, алтын алқа, сүйек және темір жапсырмалар, темір жебе ұшы, қайрақ тас, тас және шыныдан жасалған моншақтар табылды. Сонымен қатар, тоқыма мата мен өсімдік талшықтарынан тоқылған арқан бөліктері де кездесті.

Кесенелерді зерттеу көрсеткендей, олардың едәуір бөлігі қайта салынудан өткен және бірнеше рет жерлеуге пайдаланылған. Сондай-ақ, сол жерлеу құрылысына мәйіттерді ағаш табыттар мен зембілдерге жерлеу рәсімдерін жүргізген.

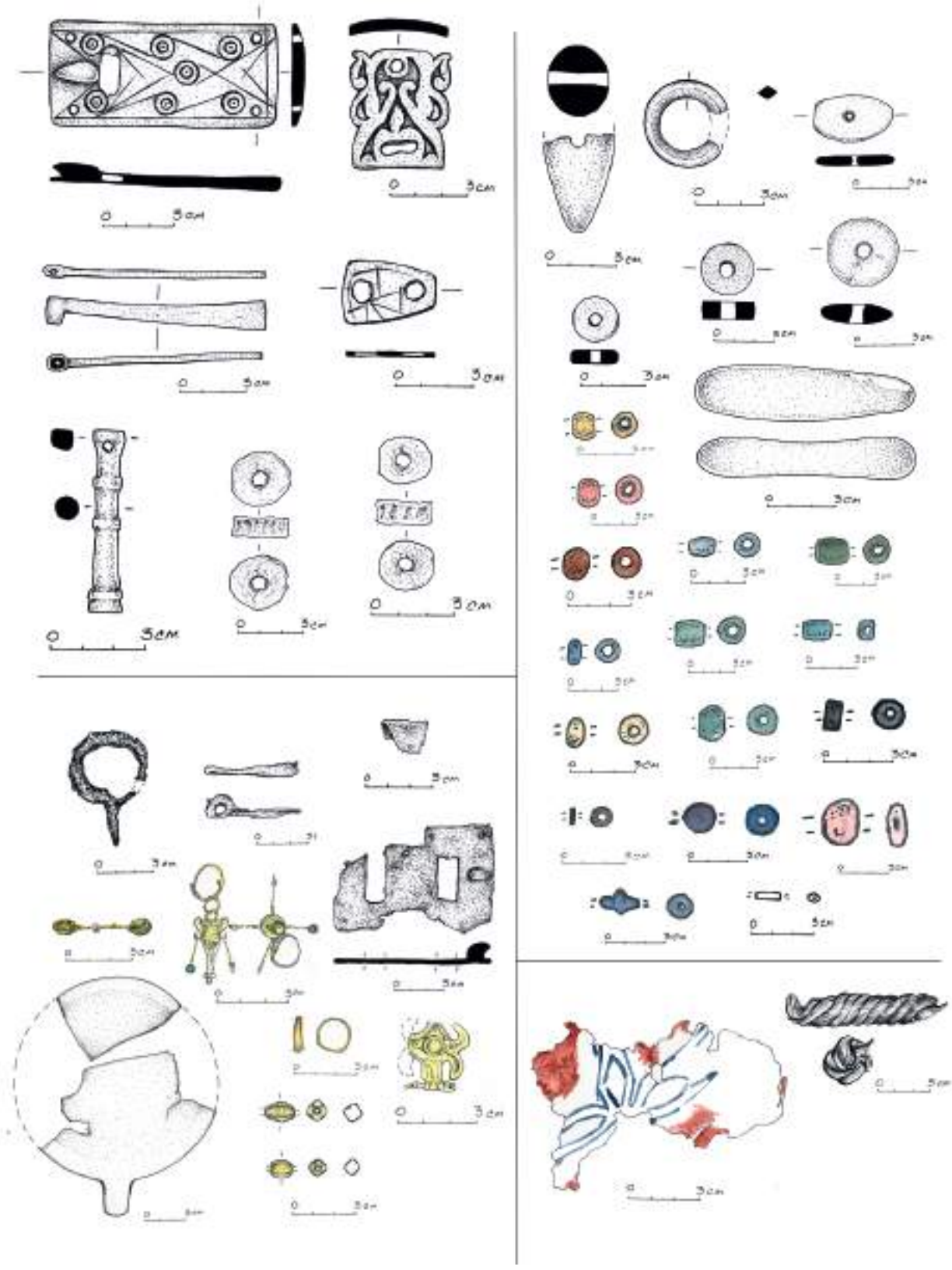
Материалдық мәдениеті

Біздің заманымызға дейін жеткен Шірікрабат мәдениетінің, оның ішінде, Бәбіш мола кешенінің ең бір көрнекті материалдарын негізінен *қыш ыдыстар* құрайды. Қалашықта, қоныста және жерлеу ескерткіштерінде жүргізілген қазбаларда хронологиялық тұрғыдан үш топқа бөлуге болатын қыш ыдыстар табылды. Оларды жасалу технологиясы бойынша екі түрге: 1) күнделікті тіршілікте пайдаланатын, асханалық ыдыстар; 2) шаруашылық ыдыстар; 3) ас үйлік ыдыстар деп бөлуге болады.

Біздің қолымыздағы деректерге қарағанда Бәбіш мола 7 қонысына жүргізілген қазба бойынша *бұл* дәуірдегі ыдыстардың 32,4 пайызын күнделікті тіршілікте пайдаланатын асханалық ыдыстар құрайды. Шамамен 7 мыңдай коллекциясы бар Бәбіш мола 7 қонысындағы ыдыстардың ішінде қыш құмыралар, қазандар, тостаған, кеселер, табалар, т.б. бар (Утубаев и др., 2020: 157–168). Қыш құмыраның тағы бір түріне – сыртына қызыл ангоб жағылған құтыларды жатқызуға болады. Олардың 3 түрі бар. Пішіні жағынан олар Парфия немесе Хорезм ескерткішінен табылған құтыларға ұқсас, бірақ Хорезмнен айырмашылығы бұларда ою жоқ. Жерлеу орындарынан аздап кездесетін құмыралар, құтылар, шырағдандар да бар.

Табылған қыш ыдыстарды талдай келе, шарық көмегімен дайындалған ыдыстар тоқсан пайыз, жапсырма әдісімен жасалған ыдыстар он пайызды құрайды.

Сәндік және әшекей бұйымдары. Әшекей бұйымдарының көпшілігі Егістік (*сур. 6*), Ақшұқыр кесенелерінен анықталды. *Бұл* жерлерде сүйек пен мыстан жасалған антикалық пиксидтер түріндегі ағаш ыдыстардың қалдықтары (Егістік), сүйектен жасалған белдік тоғалары, қоладан жасалған

Сур. 6. *Сәндік және әшекей бұйымдары*

Fig. 6. *Jewelry and accessories*

айналар кездеседі. Сондай-ақ, алтын сырғалар, жүзіктер, алқалар, түйреуіштер және т.б. бар. Әсіресе моншақтардың түрі өте көп: шынылан (ақ, қызыл көздері бар, үлкен көк моншақ), тастан жасалған көптеген кішкене бисерлер, яшма, гагат, янтарь, халцедон, ақ өрнегі бар қара тастар, т.б. табылды. Осы заттардың жартысына жуығы ерте сарматтық ескерткіштерде (прохоров кезеңі) де кездеседі, ал, ағаш пиксидалар қалпы жағынан Солтүстік Қара теңіздің сүйек бұйымдарына өте ұқсас. Көптеген әшекей бұйымдары аналогиялық жағынан Еділдің төменгі ағысы мен Оңтүстік Орал бойындағы ерте сарматтар кезеңімен сәйкес келеді (Мошкова, 1963: 45). Ал Егістіктен табылған сырғалар Месопотамия мен Иран аймағынан анықталған сырғалармен өте ұқсас (*Литвинский*, 1973: 42). Сонымен қатар, Мунчак-Тепе (Өзбекстан) ескерткішінен сырға дайындайтын қалыптардың табылуы, аталған әшекейдің Орта Азия жерінде де таралғандығын көрсетеді.

Қорытынды

Қорыта келгенде, Бәбіш мола кешеніндегі кейбір археологиялық қазба материалдары ескерткішті б.д.д. IV-II ғғ. мерзімдеуге, яғни, Шығыс Арал өңірінде өмір сүрген халықтардың материалдық мәдениеті мен жерлеу дәстүрінің кейбір қырларына жаңаша қарауға мүмкіндік береді. Қазба жұмыстары барысында алынған ақпараттар сол дәуірдің жерлеу-ғұрыптық дәстүрін, шаруашылық және әлеуметтік құрылысын толығымен қалпына келтіру мәселелері бойынша мүмкіндігімізді кеңейте түсті. Зерттелген жерлеу құрылысы материалдық мәдениетінің ортақтығын көрсете отырып, Шығыс Арал өңірінің көне тұрғындары жерлеу ғұрыптарымен ерекшеленетін бірнеше тайпаларға немесе руларға бөлінген деген жорамал айтуға болады. Сонымен қатар, зерттеліп жатқан аймақтағы тұрғындардың жерлеу дәстүріндегі ерекшеліктер этникалық емес, әлеуметтік сипатта болуы мүмкін екендігін де теріске шығармаймыз.

Әдебиеттер

1. Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. – М: Наука. 1969. – 252 с.

2. Андрианов Б.В. Из истории орошения в бассейне Аральского моря // Аральский кризис. М: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1991. – С. 101–122.

3. Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Гончарное производство на территории древней дельты Сырдарьи в эпоху античности: новые данные // ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ № 1 (7). 2020. – С. 69–88

4. Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Археологические исследования на городище Бабиш-Мулла 1 в 2018 г // «Маргулановские чтения-2019». Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. – Нур-Султан, 2019. – С. 301–316

5. *Литвинский* Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. III. М.: 1973. 211 с. + 19 *табл.*

6. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 56 с. + 32 *табл.*

7. Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1945–1948 гг. // ТХЭ. – М.: Академия Наук СССР, 1952. Т. I. – С. 16–31.

8. Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955–1956 гг. // СА. 1958. № 1. – С. 106-134.

9. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Восточная литература, 1962**а**. – 322 с.

10. Толстов С.П. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи // СА. 1962**б**. № 4. – С. 124–148.

11. Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. – М.: Академия Наук СССР, 1960. Вып. 4. – С. 3–63.

12. Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // МХЭ. М.: Академия Наук СССР, 1963. Вып. 6. С. 3–91.

13. Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б. Новые данные к изучению культуры древних земледельцев в низовьях Сырдарьи // Поволжская археология. – 2019. – № 3 (29). С. 159–170.

14. Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б. Новые археологические открытия в низовьях Сырдарьи // Вестник Кемеровского государственного

университета. – 2016, – Вып. №1 (65). – Т. 4. – С. 56–63.

15. Утубаев Ж.Р., Суюндикова М.К., Касенова А.Д. Бәбіш мола 7 көзешілер елді мекеніндегі қыш ыдыстар // Отан тарихы. Ғылыми журналы №2 (90) 2020 ж. – 157-168 бб.

16. Утубаев Ж.Р., Отар Ә., Ерсариев А., Суюндикова М.К. Бәбіш мола оазисіндегі жерлеу орындарына жүргізілген зерттеулердің кейбір нәтижелері // ҚазҰУ хабаршысы, Тарих сериясы. №2(105), 2022 ж. – 31–46 бб.

References

1. Andrianov B.V. Drevniye orositel'nyye sistemy Priaral'ya (Ancient irrigation systems of the Aral Sea region). M: Nauka. 1969. 252 s.

2. Andrianov B.V. Iz istorii orosheniya v basseyne Aral'skogo morya (From the history of irrigation in the Aral Sea basin) // Aral'skiy krizis. M: In-t etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya, 1991. S. 101–122.

3. Bolelov S.B., Utubayev ZH.R. Goncharnoye proizvodstvo na territorii drevney del'ty Syrdar'i v epokhu antichnosti: novyye dannyye (Pottery production on the territory of the ancient Syrdarya delta in the era of antiquity: new data) // KAZAKHSTAN ARKHEOLOGIYASY № 1 (7). 2020. S. 69–88

4. Kurmankulov ZH., Bolelov S.B., Utubayev Zh.R. Arkheologicheskiye issledovaniya na gorodishche Babish-Mulla 1 v 2018 g (Archaeological research at the site of Babish-Mulla 1 in 2018) // «Margulanovskiye chteniya-2019». Materialy Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya kazakhstanskogo arkheologa K.A. Akisheva. – Nur-Sultan, 2019. S. 301–316

5. Litvinskiy B.A. Ukrasheniya iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany (Decorations from Western Fergana burial grounds) // Mogil'niki Zapadnoy Fergany. III. M.: 1973. 211 s. + 19 tabl.

6. Moshkova M.G. Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury (Monuments of Prokhorov culture). M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 56 s. + 32 tabl.

7. Tolstov S.P. Khorezmskaya arkheologo-etnograficheskaya ekspeditsiya AN SSSR 1945–1948 gg. (Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition of the Academy of Sciences of the USSR 1945–1948) // TKhE. M.: Akademiya Nauk SSSR, 1952. T. I. S. 16–31.

8. Tolstov S.P. Khorezmskaya arkheologo-etnograficheskaya ekspeditsiya 1955–1956 gg. (Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition 1955–1956) // SA. 1958. № 1. S. 106-134.

9. Tolstov S.P. Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta (Along the ancient deltas of the Oxus and Jaksart). M.: Vostochnaya literatura, 1962a. 322 s.

10. Tolstov S.P. Rezul'taty istoriko-arkheologicheskikh issledovaniy 1961 g. na drevnikh ruslakh Syrdar'i (Results of historical and archaeological research in 1961 on the ancient channels of the Syr Darya) // SA. 1962b. № 4. S. 124–148.

11. Tolstov S.P., Vorob'yeva M.G., Rapoport YU.A. Raboty Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii v 1957 g. (Works of the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition in 1957) // MKhE. M.: Akademiya Nauk SSSR, 1960. Vyp. 4. S. 3–63.

12. Tolstov S.P., Zhdanko T.A., Itina M.A. Raboty Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii AN SSSR v 1958–1961 gg. (Works of the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition of the USSR Academy of Sciences in 1958–1961) // MKHE. M.: Akademiya Nauk SSSR, 1963. Vyp. 6. S. 3–91.

13. Utubayev Zh.R., Bolelov S.B. Novyye dannyye k izucheniyu kul'tury drevnikh zemledel'tsev v nizov'yakh Syrdar'i (New data for the study of the culture of ancient farmers in the lower reaches of the Syr Darya) // Povolzhskaya arkheologiya. – 2019. – № 3 (29). S. 159–170.

14. Utubayev Zh.R., Bolelov S.B. Novyye arkheologicheskiye otkrytiya v nizov'yakh Syrdar'I (New archaeological discoveries in the lower reaches of the Syr Darya) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016, – Vyp. №1 (65). – T. 4. – S. 56 – 63.

15. Utubayev Zh.R., Suyundikova M.K., Kasenova A.D. Babish mola 7 kozeshiler eldi mekenindegi kysh ydystar (Ceramics from the pottery settlements of Babish Mola 7) // Otan tarihy. Gylymi jurnaly. №2 (90) 2020 zh. 157-168 bb.

16. Utubayev Zh.R., Otar A., Yersariyev A., Suyundikova M.K. Babish mola oazisindegi zherleu oryndaryna zhurgizilgen zertteulerdin keibir natizheleri (Some results of the study of burials in the Babish-Mola oasis) // KazUU khabarshysy, Tarikh seriyasy. №2 (105), 2022 zh. 31-46 bb.

Утубаев Ж.Р.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
г. Алматы, Казахстан
e-mail: *utubaev_z@mail.ru*

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОМПЛЕКСЕ БАБИШ МОЛА

В статье публикуются результаты нескольких лет раскопок из комплекса Бабиш мола, который находится на территории древней дельты Сырдарьи, где во второй половине I тыс. до н.э. была распространена земледельческая Чирикрабатская археологическая культура. Бабиш мола был столичным центром саков, носителей чирикрабатской культуры IV-II вв. до н. э. Культура возникла на этой территории, безусловно, на местной основе, когда кочевые саки, заселявшие низовья Сырдарьи во второй трети I тыс. до н. э., переходят к оседлому земледельческо-скотоводческому способу ведения хозяйства, основанному на ирригационном земледелии. На Бабишмолинском комплексе открыт крупный производственный гончарный центр, загородное святилище и погребальные памятники, описание которых дано в статье.

Ключевые слова: *Сырдарья, Чирикрабатская археологическая культура, поселения, городище, мавзолей, хозяйство, материальная культура.*

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН AP09260367 *«Сельские поселения раннего железного века в низовьях Сырдарьи: хозяйство и быт».*

Utubayev Zh.
Margulan Institute of Archeology
Almaty, Kazakhstan
e-mail: *utubaev_z@mail.ru*

SOME RESULTS OF RESEARCH IN THE BABISH MOLA COMPLEX

The article publishes the results of several years of excavations at the Babish Mola complex, on the territory of the ancient delta of the Syr Darya, where the agricultural Chirikrabat archaeological culture was widespread in the second half of the 1st millennium BC. Babish Mola was the capital center of the Sakas, carriers of the Chirikrabat culture of the 4th-2nd centuries BC. The culture originated in this territory, of course, on a local basis, when the nomadic Sakas who inhabited the lower reaches of the Syr Darya in the second third of the 1st millenium BC, they are moving to a settled agricultural and cattle-breeding method of farming based on irrigation agriculture. A large production pottery center, a suburban sanctuary and funerary sites have been opened at the Babish Mola complex, a brief description of which is given in the article.

Keywords: *Syrdarya, Chirikrabat archaeological culture, settlements, settlement, mausoleum, farms, material culture.*

Acknowledgements: The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN AP09260367 *«Rural settlements of the early Iron Age in the lower reaches of the Syr Darya: economy and life».*

МӘДЕНИ МҰРА

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.04

UDC 903.083

Podushkin A.N.
Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Almaty, Kazakhstan
e-mail: *p_a_n_alex@mail.ru*

TO THE INTERPRETATION OF THE SUBJECTS OF THE HIGH ART OF THE KANGJU STATE

The publication is dedicated to the historical, cultural and artistic interpretation of unique artifacts from the Kangju period(1st century BC – 2nd century AD) from Southern Kazakhstan. Two medieval horn plates on the hilt of a bow with plots of social and semantic and ritual content, made by highly artistic engraving on the horn, were discovered for the first time in the archaeology of Kazakhstan, in a catacomb burial of Kylyshzhar cemetery.

The first one is connected with the hunting of the noble Kangju on the argali. The first one is connected with the hunting of argali by a nobleman, a nobleman of Eastern appearance, in the pose of a low-set jockey on a mare, who shoots with a bow while hunting the animals driven away by a long pursuit. A shooter has regalia of authority, armed with a bow and ancillary attributes to it (a spare bow, a rigid structure-borne gorytos quiver with a set of battle arrows). The second plot is related to the hunt for a group of argali by the mythical polymorphic creature «bear-lion»: the animals seek to elude the «beast», which in a rush grabbed one individual and is ready to torment it.

Both compositions unite hunting into sacral action, in which a man (a mounted rider with high authority in the nomadic society with a status close to the deity), and mythical «bear-lion» (also a deity) participate as characters endowed with special social and religious functions in the hunt for argali – animals embodying the global deity farn (hvarna), personifying happiness, wealth, health, protection from «evil» forces among Iranian-speaking peoples of Central Asia and South Kazakhstan.

The high level of artistic execution of the drawings places the horn plates with engraved subjects among the true masterpieces of the fine arts of the Kangju state. The archaeological complex and historical and cultural indicators allow us to determine the chronology of the products within the I c. BC.-II c. AD.

Materials and methods of research: The study materials were artifacts from mound 14, burial mound Kylyshzhar located near the village Saryaryaryk Ordabasin district, Turkestan region, from the archaeological collection of the CSM RK. The funerary inventory is represented by bladed weapons – an iron petiole sword and dagger with stone tips, clothing accessories – two iron buckles and iron three-blade petiole arrowheads, which were in a leather quiver presented by two middle horn plates on the bow hilt with themes of social and semantic and ritual content, performed by highly artistic engraving on the horn. The study of the overlays was based on the formal-typological method of investigating the iconography of images, supplemented by stylistic analysis. Using the comparative method, the common and special features of the artifacts were identified. The historical and archaeological relations were also revealed with the help of the historical and comparative method. The chronological attribution was carried out using relative and absolute dating. Written sources, archival materials and field reports were used in the study.

Keywords: *South Kazakhstan, Kylyshzhar burial ground, archaeological complex, artifact, horn plates, plot engraving, argali hunting, Kangju.*

Introduction

The archaeological context of the discovery of the horn plates. The Center of Archaeology of the South Kazakhstan State Pedagogical University continued the study of the Kylyshzhar burial mound (Republic of Kazakhstan, Turkestan Region, Ordabasy district, near Saryaryk village). (Podushkin, 2022: 183-208). Mound 14, the largest of the southwestern group of mounds in the burial ground, was excavated in 2021. The northwestern sector of the embankment, at a depth of 4.4 m from the surface, revealed a catacomb combining elements of a «T»-shaped catacomb with a long trench-type dromosome and a «dromosome with shoulders» catacomb (fig. 1: 1). The entire structure stretches along a north-south line, and at the bottom of the chamber there is an anciently robbed collective burial, including two buried people (a man and a woman). Rite of Burial: corpse is positioned on the back with a headboard predominantly to the east (determined by the remains of the right arm of the male skeleton; *fig. 1: 2*).

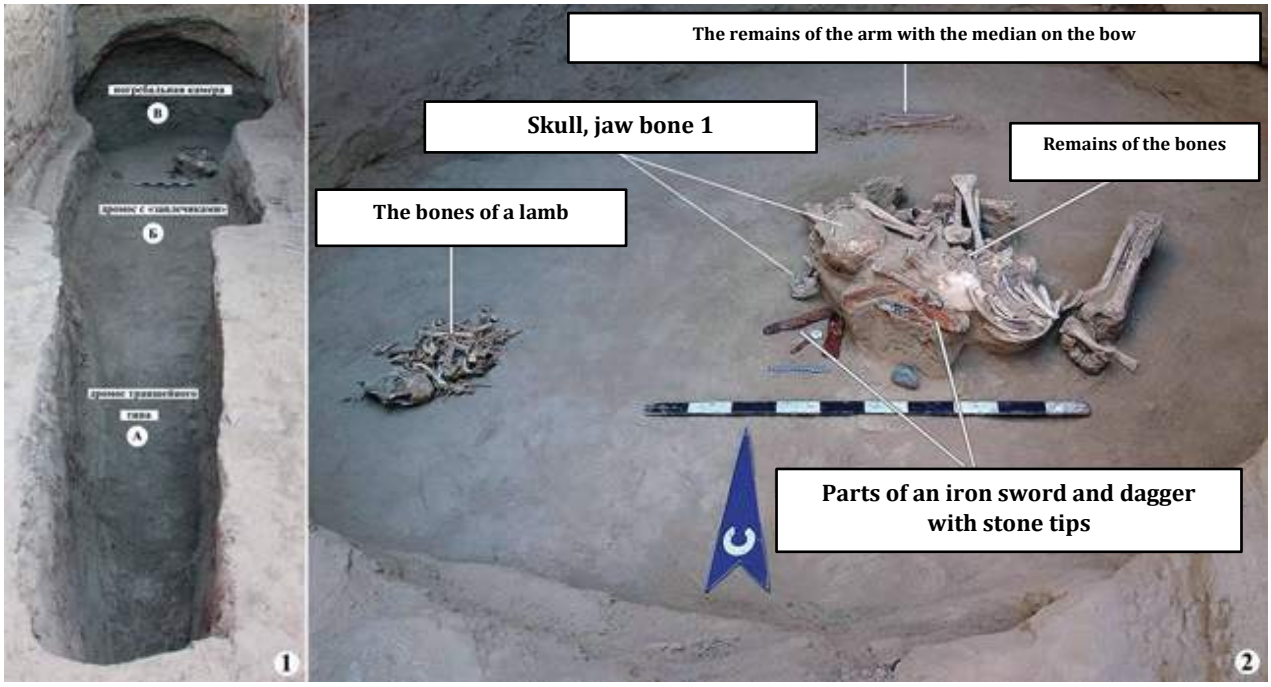

Fig. 1. *Kylyshzhar burial ground, southwestern group of mounds. 1.1 – external view of the catacomb funerary structure; 1.2 – bones remains and artifacts in the chamber*

The funerary inventory is represented by bladed weapons (iron petiole sword and dagger with stone tips, which were in a complex construction sheath), clothing accessories (two iron buckles), and iron three-blade petiole arrowheads, which were in a leather quiver (*fig. 2: 1-5).*

However, the most emblematic finds from the funerary inventory should be considered two middle plates on the wooden handle of the bow, made of horn, which was found near the elbow bones and wrist bones of the right hand of the male skeleton (Fig. 1: 2). The horn plates themselves almost duplicate the shape of each other in the form of a strongly elongated, slightly curved rectangle with rounded ends, they are carefully processed from all sides, and in the section, they have an arc-like profile corresponding to the oval shape of the wooden hilt (*fig. 3: 1 and 2).*

It is worth noting that all the compositions and drawings on the horn middle plates, which decorated the hilt of the «M»-shaped compound bow, are made with the finest lines in a uniform style and the same technique of engraving on the front surface of the plates. Obviously, the work

Fig 2. *Kylyshzhar burial ground, southwestern group of mounds, barrow 14. Inventory: armament, household items*

Fig 3. *Kylyshzhar burial ground, southwestern group of mounds, barrow 14. Horned median plates on the hilt of the bow. Appearance of the front surface of plates 1 and 2*

was performed by a highly professional artist with a good artistic taste and skills, allowing to embody such complex artistic compositions, bordering on true masterpieces of ancient fine arts in their performance (the thickness of the lines applied to the surface of the plates is from 0.1 to 0.05 mm).

Discussion

Description of the story composition on the first horn plate. It deFigts a noble nomad rider hunting argali that have been driven away by a long pursuit (as evidenced by the tongues falling out of the mouths of the animals). A hunter in a low jockey's pose, with his legs, pressed closely parallel to the horse's rump, firing a bow, literally «flying» over the ground on a mare stretched in a string *(fig. 4: 1)*.

The broad face of the rider is deFigted in profile on the right. Well-marked: slightly rounded low forehead; long «saber-shaped» eyebrows in a spread; large eyes with almond-shaped incision; the following are some of the main features of the author's work: a straight short regular nose with pronounced «wings»; carefully groomed, neatly twisted moustaches; quite full and regular lips (the upper lip hangs slightly over the lower one); a cuneate, not thick, straight beard; straight, shoulder-length locks of hair hanging down to the temples ahead of the ears; large ears and an unexpressive chin, slightly tapered to the bottom. Also note the hand, the four fingers of the right hand (even the nails are visible), and the method of pulling the bowstring, reconstructed from the drawing: it was pulled with the thumb (on which there may have been a bone device, marked on the drawing with a separate line), as well as with the index and middle fingers.

Overall, there is calmness and confidence in the success of the hunt from the portrayed face of the character. The relatively straight elongated line of the upper part of the skull and the same straight vertical line of the occiput indicate a possible in-vivo artificial deformation of the shooter's skull *(fig. 4: 2)*.

The hunter's clothes are marked:

– quilted with a wedge-shaped slit on the chest, a short flared caftan with an overhang from left to right, whose floors and wide cuffs are specially trimmed and decorated with square-triangular stitching (at the waist the caftan is tied

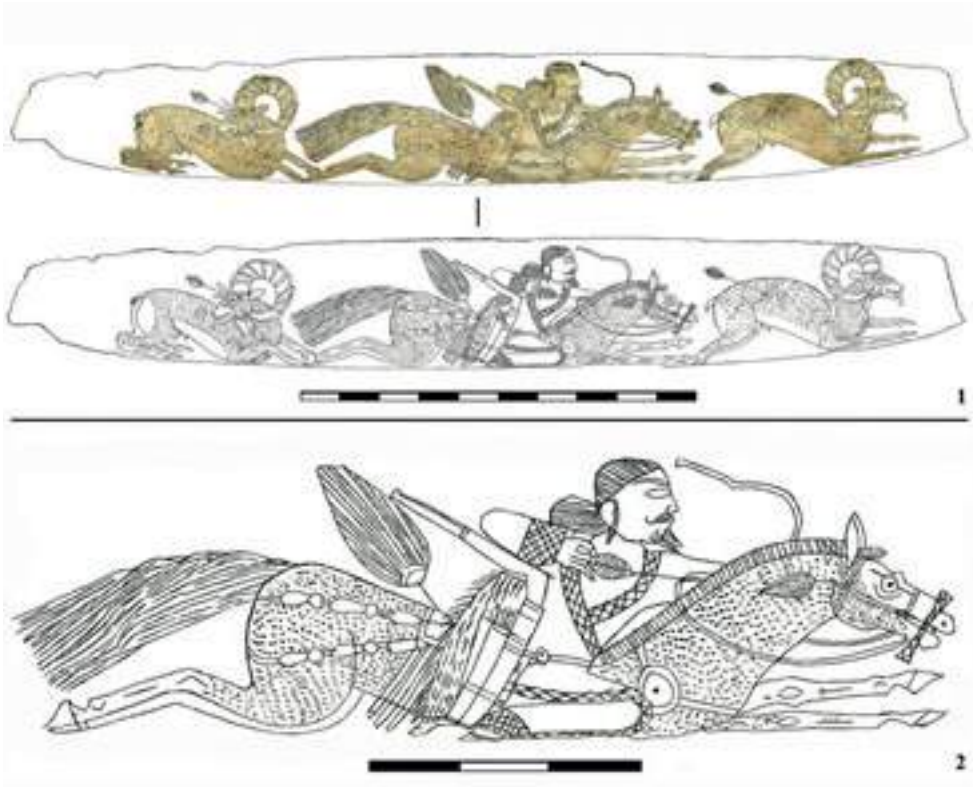

Fig. 4. *Kylyshzhar burial ground, southwestern group of mounds, barrow 14.4.1 – horn plate 1 with plot engraving (front side and drawing); 4.2 – horn plate 2 with plot engraving (close-up drawing of the main character, the noble horseman-hunter)*

with a leather belt with a round buckle, which apparently had a movable tongue);

– a quilted headdress (made of cloth, leather, or felt), the stitches of which are tapered to the top of the head;

– a long pile of fur cape in the form of a man's Burkina on the right side;

– leather (cloth) pants, trimmed with stitching on the outer contour and soft leather (cloth) boots: the bottom of these boots are also quilted *(fig. 4: 2)*.

Among the weapons and accessories in his possession were:

– a compound «M»-shaped reflexive, possibly asymmetric bow, from which he successfully fires at argali (as evidenced by the arrows that hit the target and the blood of the animals flowing from the places where the arrow strikes);

– a spare bow in a special, longest case of gorytos quiver;

– arrows with almond-shaped (laurel-shaped) plumage and marked bone pushers «V»-shaped at the end of the shaft;

– a rigid frame, apparently covered with leather, gorytos-quivers, mounted on the belt near the shooter's waist, with two compartments, which, judging by the drawing, were intended: the first (the biggest) contained a spare bow in non-combat condition, and its upper visible part was located in a solid cylindrical product, similar to a tube; the second compartment contained a set of arrows with plumage. In addition, the second pouch had a wide leather pocket (in the Figture it is covered by a part of a man's Burka), attached partially to the edge of the gorytos-quivers, which was intended for the main fighting bow (therefore it is drawn empty);

– possibly a combat knife on the belt, the scabbard of which is similar to the scabbard with a portmanteau fastener (another interpretation: a variant of the gorytos-quivers fastener).

The Figture shows the high social status of the warrior-shooter and his belonging to the elite class of nomads: behind the hunter's back, almost vertically on a thin cord, one can see a voluminous sleeve of fur with a pronounced segment-shaped base (tassel), which is fastened to the saddle on the left side of the horse's croup and seems to «hover» behind the rider's back *(fig. 4: 2)*.

Judging by the technique of execution (shading) and the «fan-shaped» shape of the

large fur product behind the rider's neck, visible partially, he also had a second status-tassel, which was also fastened to the left of the horse's croup, possibly in the front part of the saddle. Such brushes can be interpreted as a bunchuk attribute, indicating the nobility of the deFigted person and her belonging to a high ruling class (Ilyasov 2003, pp.270-274); Similar brushes in Parthian and Sassanian times were the attributes of royal power (Lıtvınskıı, 2002:195-198).

Noteworthy is the image and detailing of the equipment of the mare horse on which the rider is seated. Two factors tell us that we see a thoroughbred mare rather than a horse-aigyr: the most important is the lack of drawing of the horse's genitals (even though all the deFigted male argali have their genitals drawn with sufficient skill on two plates). In addition, in the world of nomads is well known that in terms of endurance (especially when it comes to long races over long distances or pursuit of fast wild ungulates), preference was always given to mares, which by virtue of natural data were superior to strong and powerful horses-aigyrs.

As an example, the plot composition from the second plate of the dialed belt from the Orlatsk burial ground (hunting scene), where two of the three riders-hunters (the upper and lower), sitting on the galloping mares (Pýgachenkova, 1987:58).

The mare's pedigree (and the eliteness of her owner's origin) is also evidenced by the animal's proportional, long legs and neck, the noble muzzle, as well as such points as a neatly trimmed mane, the marked groomed bangs, the nash decor in the form of a small fur tassel, large, ornately decorated psaltery. According to B.A. Raev, «such manes were marked by horses of the higher ranks of nomads. (Raev, 2009:263).

The mare also has a complete set of horse equipment, adapted to the long hunt on which are fixed:

– a leather harness without decorative attributes with a traditional device and headband straps (headband, sous-headband, chinstrap, cheek band and capsule straps);

– the system of cinch harness is made of different leather straps: a breast strap that covers the mare's chest and shoulders; on the right shoulder of the animal this strap is fixed by a lateral rather large rounded shape convex with a perimeter rim which plays the role of distributor of other straps going over the neck to the left shoulder and into the horse's underbelly (most likely, to the main cinch strap which held the saddle);

– two straps running from the padded saddle to the tailpiece, decorated with decorative «T»-shaped leather inserts;

– large size, most likely bone or horn psaltery of «propeller-shaped» shape, which are decorated with decorative parallel oblique incisions;

– soft saddle, trimmed with a rim and decorated with leather or felt «ribbons» hanging from the edge of the saddle;

– belt reins attached to the inner loops of the psaltery, directly connected to the oodles (fig. 4: 2).

Finally, the arrangement of the rider's legs suggests that the hunter's horse paraphernalia lacked stirrups (the graphics confirm this fact: there are no images of stirrups).

As a summary of the description of the image of the mare, we note the master's excellent knowledge of the anatomy of the horse, and an excellent style of an embodiment of this animal in the Figture (from the tail, croup, to muzzle and hooves), which is characterized by naturalization of the mare with expressive expressed «flying» dynamics, expressive relief of the muzzle, with emphasized large eyes (even the pupil is marked), half open mouth, nostrils, which in artistic terms is close to the appearance of a real animal.

Description of the story composition on the second horn plate. This extraordinary composition is dedicated to the argali hunt of the mythical polymorphic predatory animal «bear-lion», which combines the features of two predatory and one of the strongest animals in the world fauna, a bear and a lion. Moreover, this mythical «beast» from a bear is fixed only a muzzle with a biting mouth with a row of flat large upper teeth, rounded ears, a pronounced relief bear face profile with a straight forehead line, large eyes with pupils, and a small nose with nostrils.

All other signs and general anatomy are related only to the lion: first, it is a wavy mane, slightly rising above the line of the back, covering the creature's shoulders and chest (the mane is separated from the croup by two dashed lines); second, it is long, contoured limbs; third, the «beast» has huge retractable, like all cat claws (even retractable «bulbs» are marked); Finally, it is a long naked tail with a slightly marked tassel on the end, which is located in a compressed state between the hind limbs of the «creature» and

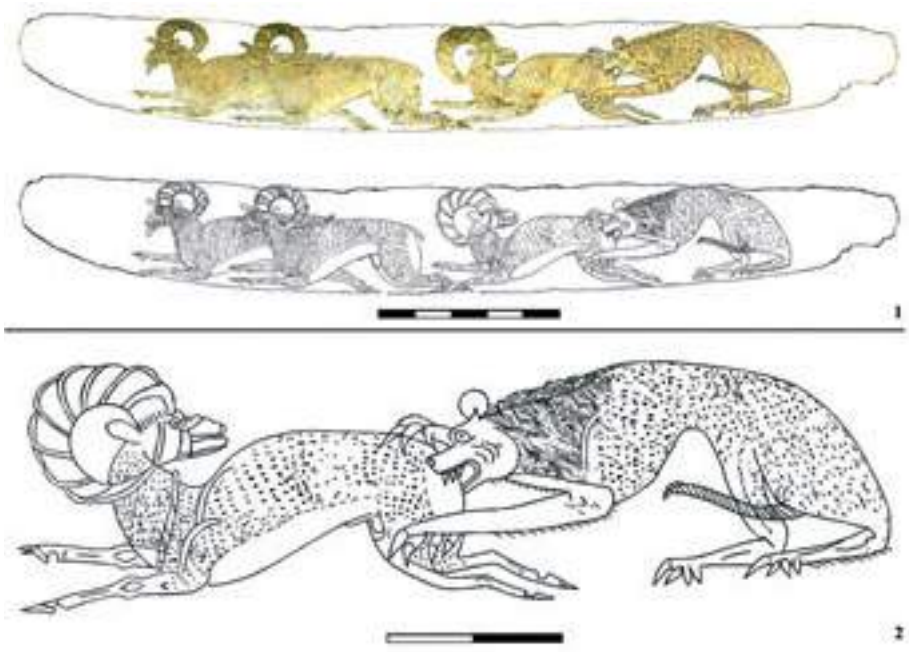

Fig 5. *Kylyshzhar burial ground, southwestern group of mounds, barrow 14. 5.1 – the plot of bear-lion hunting on argali. The appearance of the front surface and graphic drawing of the composition; 5.2 – an enlarged version of the graphic drawing of the scene of catching the argali «bear-lion»*

extends almost to its belly. At the same time, the body of the mythical «beast» itself is unnaturally elongated, its limbs, enormous paws, and claws are disproportionate in size, and far from that naturalism that is confidently fixed when the master draws all other characters on the two plates *(fig. 5: 1-2)*.

We must assume that the fact of not realistic deFigtion of polymorphic fantastic predatory animal «beast» can only be explained by the fact that the master has never seen a real lion (or other large feline). Therefore, with his really serious knowledge of the anatomy of ungulates (argali, horse), which he portrayed realistically and accurately, he was not able to display the features of the structure of the croup and other details of the «beast», which combined signs of a bear (muzzle) and a lion (everything else) in a manner worthy of his talent.

As for the bear as an animal and an object of artistic reproduction, this predator is represented in the local South Kazakhstan fauna mainly in the mountainous landscape zone. Most likely, it is the so-called Asiatic Polar Bear (lat. Ursus arctos isabellinus), a separate subspecies of the Tien Shan brown bear. In general, despite some moments associated with real large predatory animals (bear and lion), the main message of their syncretic polymorphic and artistic combination into a single image is associated with mythical, sacred, and ideological ideas of the ancient population of the Kangju state.

Description of argali as the main objects of hunting. A total of five male argali appear in the two subjects: two argali in the composition with the hunter on horseback, and three in the drawing with the mythical polymorphic predatory «bear-lion,» who also hunts *(fig. 6: 1-2)*.

All argali are indigenous representatives of the local fauna tyFigal of the foothill and mid-mountain landscapes of southern Kazakhstan, including the Karzhantau and Karatau mountains (and the internal Karatau). Judging by the images of these animals, it is the Kazakh argali (or Kazakh mountain sheep), lat. Ovisammoncollium – a subspecies of argali, a representative of the family of horned ungulates. Perhaps it could be another subspecies, the so-called Kyzylkum mountain sheep, Severtsov's argali (lat. Ovisammonsevertzovi) with the habitat: the Karatau range and the central part of the Kazakh Kyzylkum.

The master knew the anatomy of argali in detail, he deFigted them in the prime of life, which is indicated by all the signs of mature animals, which the artist has noticed and traced with the

Fig. 6. *Kylyshzhar burial ground, southwestern group of mounds, burial mound 14. Horn plates 1 and 2. 6.1 – images of argali (appearance and graphic drawing); 6.2 – an enlarged version of a graphic drawing of argali, struck by an arrow, on Plate 1*

appropriate technique: massive heads with large magnificent twisted horns with powerful horn protrusions; the light end of the animal's muzzle; light strips of short hair on the chest of the argali are also emphasized with strokes; the light zones of the tailbone and lower part of the underbelly, characteristic for argali, are similarly highlighted.

The detailing of all parts of the argali's body, from muzzle to short tails: eyes, eye pupils, lips, ears, tongues that have dropped out from long rutting, some muscles and tendons of limbs, genitals, hooves, the croup of this animal in dynamic «flying flight,» and this detailing is preserved even when one figure of argali is superimposed on another (Plate 2; *Fig 5: 1)* is also striking. At the same time, everything is done proportionately, almost with photographic precision, in accordance with the natural forms of these beautiful and graceful animals *(fig. 5: 2)*.

One more important fact, occurring for the first time in the art of horn and bone carving, should be noted: all argali (except for the argali attacked by the mythical polymorphic «bear-lion») on the Kylyshzhar plates are deFigted with their tongues out of their mouths (a consequence of a long rut during hunting and, accordingly, their fatigue. There are no analogs of this phenomenon on horny (bone) carriers in Central Eurasia, only one example was recorded in Turkic petroglyphs-graffiti (Gorny Altai, Chagan River; Cheremisin, 2004:43, *fig. 7).*

Historical, cultural, and artistic interpretations of the stories

1. Analogies and close variants of the manifestation of artistic creativity of horn (bone) carving in Central Eurasia and Kazakhstan.

Note that at different times bone, horn, and wood carving was in demand among the ancient peoples of Eurasia in a variety of contexts – domestic, decorative, social, ritual, and sacral, which was embodied in the relevant artifacts and their finds in the archaeological monuments of Central Asia and Kazakhstan. The most notable phenomenon was the excavation of the Orlat cemetery near the ancient site of Kurgan Tepe (ancient Sogd) and the discovery in the catacomb burial 2 of a unique archaeological complex, including elements of a set belt of two bone plates-belts, carved deFigting scenes of battle and hunting (Pýgachenkova, 1987:56-61).

Another artifact in this regard is a whole plate and fragments of an ivory plate (decorative parts of the casket lining or belt buckle set) with hunting scenes, found at the Tahti-Sangin ancient settlement, in the temple of Ox. Here the technique of engraving deFigts horse riders, leading archery several animals, including - argali (Lıtvınskıı, 2002:181-182, Fig. 1). An almost similar bone artifact with engraved images and the function of the plate of the dialed belt, which deFigts the fighting each other horse riders-archers, was found in burial 3 in the territory of the settlement of Tilla Bulak (Uzbekistan; Ilyasovi et al, 2013:189-192, fig. 4).

Also noteworthy is an engraved horn article found at the ancient settlement of Kalalygyr 2 (Khorezm), conditionally interpreted as a tip.This item deFigts a rider firing a bow and striking an arrow at a feline predator (a tiger) opposite the archer, as well as a character sitting on the ground with his legs crossed (Ilyasov, 2013:96, fig. 1: 1, 3-4).

Another object of direct relevance to our theme is the so-called Turgen plate – a bone work with a plot composition from the early Iron Age settlement Kyzylbulak IV in the upper reaches of the Turgen tract (Zailiisky Alatau). It is a billet from part of the left shoulder blade of a horse, on which the engraving deFigts a group scene of presenting to the ruler, sitting in a wheeled carriage, the severed head of the defeated enemy (in total, four figures are completely drawn, partially - one) (Gorıachev et al., 2016:93-96, photo 4-5).

2. Arkhar as an object in the art and worldview of the Sako-Sarmatian tribes and the Kangju state.

Since the Kylyshzhar compositions on horn plates are connected with the deFigtion of wild animals as well as some of their characteristic poses (extreme dynamics, «flying gallop»), we can assume that the subjects are related to the art of a group of related tribes of Sak, Sarmato-Sunnu and Kangju origin in Eurasia, the so-called animal style. Note that most images in the Animal Style are naturalistic and, as a rule, directly related to the images of local fauna, which were then subjected to reinterpretation and filled with sacred and symbolic motifs (Akishev, 1984:29).

In our version, a special place is given to the image of the mountain Ram-arkhar, which by its sacred, mythological, and other functions was extremely significant and occupied a great place in the life of the Iranian-speaking tribes of Central Asia and Kazakhstan of the first centuries BC - first centuries AD, and represented an embodiment of «farn-khvarna» (xᵛarənah). In addition to its simple hypostasis (a symbol of health, well-being, protection against «evil» forces, etc.), it assumes the functions of a global deity (Litinsky, 1968:109; Shenkar, 2013:433), which permeates all human activity in many aspects (social, domestic, ideological); (Litinsky, 1968:75-94).

Thus, the Khvarna in the image of the argali also had a solar-fire nature (twisted horns as a symbol of the sun), in Asia, it was considered the guardian of borders and the stimulant of fertility, it was interpreted as «royal glory», and the myth-making about it is directly connected with the stereotype known in ancient times, which comes from the religious dualism «death – rebirth».

The apotheosis of the sacral content of the Khvarn in the image of a mountain ram among the Saks of Semirechye is a three-dimensional gold figure of argali crowning the headdress (kulakh) of the famous Issyk warrior-chief, where he is interpreted as «...the sun in the zenith, the top of the world axis». (Akishev, 1984:38; Akishev, 1983: 27, fig. – p. 105).

The high sacral mission of the Khvarn at the level of a great deity in the form of a mountain ram (argali), going back to the Avestan-Zoroastrian sources, is recorded among the Sarmatian tribes and in the Kangju state (the latter political formation is a successor of cultural and other traditions of the Asiatic Saks; Lıtvınskıı, 1968:23; Here's a full summary of the «farn – hvarna» – xᵛarənah» in religious and other representations among the Sarmatians and Kangjuans:Lıtvınskıı,1968: 46-94).

3. the image of the «bear-lion» in the hunting plot on the Kylyshzhar plate 2.

Note that many syncretic mythological and polymorphic images-images in the most complex combinations («horse, tiger-griffins», «horse-deer-griffins», «winged», «horned» ungulates and predators from the family of large cats) are present in various versions of reproduction in the art of animal style as one of its main features. Combined with other criteria: the traditional pantheon of «through» characters of deFigted mythological and common animals (noble deer, boar-wolf, wolf, tiger, panther-bars, mountain goat tau-teke, and others); moderate and sometimes extreme stylization of images as an artistic method of

fixing images; the dynamism of reproduction, characteristic poses and group plots with animals (the animals' race, their procession, torment, and struggle), they represent a visiting card of this type of decorative activity of Iranian-speaking peoples of Eurasia of the early Iron Age.

However, the compositions on horn plates from Kylyshzhar burial ground with hunting scenes in artistic manner, clearly do not fit into the listed criteria of animal style, and only the image of mythical polymorphic «bear-lion» can be interpreted very indirectly as a transformed product of this type of art.

Moreover, the fact of the appearance of such a polymorphic image in the region of Central Asia – South Kazakhstan, where, firstly, during the first centuries BC – first centuries AD, there could never be Asian lions (their habitat did not include these areas), and secondly, the polar bear as a subspecies of brown bear is in itself a rare animal, which is very difficult to meet in the local mountains and now, and in those times.

Actually, the «unity» in one syncretic mythical polymorphic image of these two animals (bear and lion) is a unique phenomenon, analogs of which in the chain of combinations of polymorphic fantastic «beings» in the animal style have not been found. The sacral content of the images of bear and lion in the art of animal style is great because as cults (or deified animals), they are recorded in many ancient tribes and peoples of Central Eurasia in the early Iron Age (Gýlıaev, 2017:131; Ilyinskaya, 1971:64-84).

However, what prompted the master to create such a «creature» and include it in the subject of hunting remains unknown - most likely, it is a relic of the classical animal style, which was still preserved in the worldview of the Kangju people. Obviously, this point is connected with the mythological notions of the performer himself and the religious filling of the compositional plots on both plates, relating the act of hunting as a ritual action.

4. Options for substantive comparative analysis, artistic parallels.

As noted above, the buckles of the dialed belt from the Orlat cemetery (hunting scene and battle composition; Fig. 7: 1-2) are the closest to the Kylyshzhar plates in terms of execution technique (engraving), the carriers on which the compositions were made (horn, bone), content and historical and cultural content (hunting scenes, including arkhar, as well as the appearance of characters); belt plates from Takhtisangin ancient settlement (buckle 1; Fig. 7: 3); object found at Kalalygyr ancient settlement 2 (Fig. 7: 5). As direct and indirect subject and Figtorial analogies one can attract artifacts found in Turgen tract (fig. 7: 4).

The object unifying motifs recorded in the Kylyshzhar and Orlatsk art compositions are as follows:

– the use in hunting of the same design of complexly composed «M»-shaped reflexive bows and the movement of riders on mares (upper and lower hunters on the plate 2);

– The system of cinch harness in the form of leather straps going from the saddle to the tailpiece (the Orlatian horsemen have one such strap, decorated along its length with rounded inserts, the Kylshjar horseman has two such straps, they are decorated with «T»-shaped leather inserts overlays);

– The presence of shoulder-mounted, apparently paired girth distributors in horses: in Orlatian horses these are simple and with artistic inserts large-metal girth rings (all horses of warriors of the Catafractarians on Plate 1); in the mare of the Kylshjar hunter these are round convex with a rim brasses;

– the presence of paired cheekbones of decorative-status sultans in horses, tassels (upper, lower riders on eagle plate 1), as well as clipped manes;

– fixation of larger tassels (tassels) behind the backs of riders, whose purpose is close to the regalia of power (the average rider on the Orlatsk platinum 2, and especially the large tassels, similar to the bunchuk, of the Kylyshzhar hunter);

– the design of the two penal gorytos-quivers, with a special purpose for each penal compartment: for a set of arrows, a fighting bow, and in the case of the Kylyshchzhar rider, a spare bow;

– the robe with a notch on the chest, closed accordingly (left-right for Orlatsk horsemen, right-left for Kylyshzhar riflemen).

However, the list of differences is also quite large. It concerns the technique, the quality of drawing, and the artistic style of an embodiment of plots. If the Kylyshzhar master staked on the close to natural parameters naturalism of all characters, the Orlatsk narrative composition with the hunting scene of interest to us in many respects

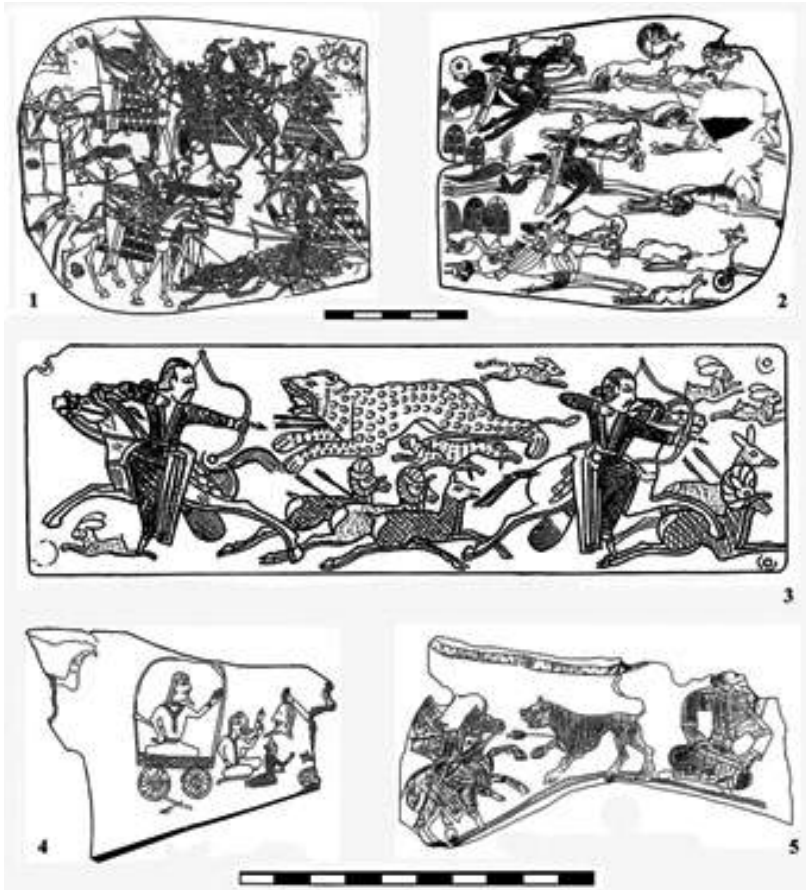

Fig 7. *Artifacts with horn and bone plot carvings from monuments in Central Asia and Kazakhstan (drawings). 7.1-2 – Orlat belt buckles (by G.A. Pýgachenkova); 7.3 – Takhtisangi plate 1 (by B.A. Lıtvınskıı); 7.4 – Turgen plate (by A.A. Gorıachev); 7.5 – hornware from the site of Kalalygyr 2 (by J.Y. Ilyasov)*

carries elements of imagery conventionality. There are obvious asymmetries in the figures of riders and horses (hypertrophied long legs hanging to the ground, excessively short torso and narrow waist with massive and also long arms of characters, small heads of hunters against the background of voluminous figures); horses have not naturally elongated, «beak-like» faces, planted on thin necks; strongly stretched, with long limbs, croup, and massive hooves *(fig. 7: 2)*.

The quality of Orlat's and Kyshzhar's deFigtions of argali differs significantly: the impression is that the Orlat master deliberately used a simple technique and specifically, following a certain artistic tradition, drew these beautiful animals in a stylistically simplified and exaggerated way (in contrast to the images of argali by the Kyshzhar master, which look almost photographic; fig. 6: 1-2).

Similarly, let us dwell on the unifying moments noted in the Kylyshzhar and Takhtisangi artistic plots related to hunting, including argali hunting. These are, first of all:

– horse riders with «M»-shaped compound bows, who sit on thoroughbred horses with trimmed manes; the left hunter's horse has an unbraided tail;

– garments in the form of flared-edged caftans with a notch on the chest and long sleeves with cuffs;

– «V»-shaped completion at the end of the arrow after the plumage (apparently a bone pusher), as well as the fixation of striking animals with arrows;

– the presence of a slightly different form of penal gorytos-quivers in riders;

– the presence of status regal large tassels (tassels) in hunters, which hang down from the horse's croup almost to the ground.

Meanwhile, there are also differences. These are associated with the general style of composition and the technique of reproducing

human and animal characters, which seems simplified by comparison with the Kylyshchyar. Just as in the case of Orlat plate with a hunting scene, the natural proportions of a man and a horse are distorted, but the stylization moments and detailing of images on the drawings of the Takhtisanga plates are less pronounced and, in general, the overall composition and all characters look quite naturalistic *(fig. 7: 3).*

The similar variants of plot compositions of the Kylyshzhar plates and hornware from the site of Kalalygyr 2 should be noted. There are also enough points of contact here, in particular:

– equestrian rider firing a compound bow, who sits on a thoroughbred horse with a trimmed mane; the horse's equipment is marked with a side rounded phaleras;

– a two-penny arrow-head, and a wide compartment for a fighting bow;

– pronounced «V»-shaped completion at the end of the shaft of the arrow after the plumage (apparently, it is a bone pusher); the arrow has almost complete similarity to the arrows that are struck by argali on Plate 1 of Kylyshzhar;

– the presence of a tassel (tassel) dangling at the hind legs of the horse, on the left;

– a flared trimmed caftan with a notch on the chest and long sleeves with cuffs (a character sitting on the ground with his legs crossed; *fig. 7: 5).*

Regarding the artistic features of the drawings on the horn plate from Kalalygyr settlement 2, we may note that they differ from the images of hunting scenes on the kylyshzhar plates in quality and naturalism: as in the case of Orlat plates, there is a clear disproportion in the size of characters (large rider – small horse), there is a subtle and accurate drawing of many accessories, which looks simplified. Apparently, this artistic style was traditional in the Central Asian region at that time, and therefore it was implemented in this way.

Let us note an aspect that clearly distinguishes the Kylyshzhar archer from all the others deFigted on the horn (bone) artifacts in the above plots: this is a completely different seating position of the rider on the horse in the saddle (the pose of a low sitting jockey with his legs tucked), which is recorded for the first time. Apart from everything, in the above-mentioned subjects all the characters lack such details as a fur cloak in the form of a man's burka with a long pile (probably, it is a hide of a trophy animal taken in the hunt), noted in the archer on the Kylyshzhar plate 1, and in the appearance – a neatly curled up mustache *(fig. 4: 2).*

Thus, according to several key parameters: thematic content of compositions (hunting), socio-cultural content of subjects (empowered equestrian elite riders-archers, armament, gorytos-quivers, horse equipment, clothing of characters) execution technique (engraving on bone, horn), kylyshzhar plates, despite some differences, confidently fit in a range of similar artifacts found in Central Asia and Kazakhstan.

Interpretation of the overall composition of the plot of horn hunting in social and semantic contexts.

The content of the compositional plots on the two horn-plates of the Kylyshzhar bow illustrates the hunting of one animal, the mountain sheep (argali). The difference is related only to the participants: in the first case, it is a mounted nomad rider, a person, judging by the accessories and investiture regalia, a representative of the elite of nomadic society, most likely, a clan owner or the head of one of the clans.

The rider is equipped and appropriately armed to take part in a long, most likely, round-up hunt, which was often practiced in nomadic communities of ancient Eurasia. However, hunting is a rather mass event: apparently, for a number of reasons (first of all, the limited artistic space), the ancient master «Figked out» from the general context of this act the most important and significant action according to his understanding. Namely: participation in the hunt for a person of noble birth and power, in order to emphasize the great importance of the whole plot both for the owner of the weapon himself with such highly artistic fixation of the event, and for the surrounding subordinate society (tribesmen).

The second case is hunted by a mythical polymorphic beast with a bear's head and a lion's body, the «bear-lion. And both participants succeeded in the hunt: on the first plate some animals were wounded by the shooter in the head and in the croup (Fig. 4: 1), as evidenced by the spurts of blood from the arrow sites; on the second plate the mythical «bear-lion» grabbed the last of the three argali from behind with his long claws in a rush, clutched his body with his mouth with wedge-shaped large teeth and ready to torment him (fig. 5: 1-2). Both characters hunt the same animal, the mountain sheep (argali), whose image

in the worldview of the Sako-Sarmato-Kangju tribes is filled with sacred content, and the argali itself is one of the embodiments of the global cult «farn-khvarna» (xᵛarənah) with many hypostases, which was extremely popular among the Iranian-speaking peoples of Central Eurasia in the early Iron Age (and later times).

It was noted above that the Kylyshzhar plots do not fit into the canons of the animal style, but in both studied compositions we can still indirectly trace some motifs of this art form not in the traditional, but in the transformed Sarmato-Sunnu-Kangju format, which is still to be understood. In any case, it is impossible to explain the deFigted animals and plots as a whole only by the fact of primitive animalism and fixation of trivial hunting: apparently we are dealing with deeper concepts of social, mythological, semantic and ideological order, associated with the worldview of the ancient population, which is «encoded» in the studied artifacts (Lıtvınskıı, 2002:206; «...the animals deFigted in the hunting scene had a certain religious and magical significance»).

It was hunting that united the compositional plots on the two plates on the hilt of the bow into a single sacred action, in which the man and the mythical «bear-lion» participate as characters endowed with special social and religious functions. There is no doubt that the subjects of hunting on both bow plates are compositional and illustrate the same process. This is evidenced by the general direction of movement of both the mounted rider and the argali, which on the first plate gallop from left to right, and on the second – from right to left, which on one bow hilt fixes a closed circular counterclockwise dynamics when one composition (hunting rider) flows smoothly into another (hunting mythical «bear-lion»).

The impression is that we see a Figture of hunting, when the rider-archer with his pursuit (chasing) of animals as if on purpose directed them towards another hunter («bear-lion»), who took advantage of the situation and grabbed one argali. That is, the interaction of one hunter-rider in the person of an elite by origin and endowed with high power, which in the eyes of society is close in status to the deity (about the «divine» status of the rider on the level of rulers of ancient states see: Rostovtsev, 1927:143; Belenıtskıı, 1981:216), and another hunter in the person of the mythical «bear-lion» whose essence in the views of the ancient Sako-Sarmatian population was divine in itself. Besides, such an «alliance» unambiguously guaranteed the success of hunting in organizational and mythical-religious senses, which is reflected in the stories.

If we keep in mind that both characters hunt the argali, also endowed with a mass of divine functions and that the killing of a divine animal in the traditions of the Iranian-speaking peoples of Central Eurasia, involved in Zoroastrianism, is perceived as a dual action «death-rebirth», the semantic content of the artistic compositions on the horn-plating on the bow from the Kylyshzhar burial ground becomes clear in general terms.

Finally, a compound bow with the listed sacred functions, recorded in the plots on the plates of the hilt, in the hands of a real man-ruler of noble descent and with a high social status (buried in Catacomb 14 of the Kylyshzhar burial ground) fully corresponded to his status, and must have played the role of a weapon sanctified by «divine luck» during hunting as a ritual action.

Conclusion

Questions of Chronology. Almost all artifacts found in catacomb 14 of the southwestern group of the Kylyshzhar burial mounds act as chrono-indicators. These are primarily bladed weapons: an iron sword and dagger, two iron buckles (fig. 2: 1-4). For instance, iron swords and daggers without tips and crossbones, as well as swords with stone tips, are characteristic of the end of the Middle Sarmatian and the whole Late Sarmatian culture (Moshkova, 1989:195-197, table 81, 59, 60-61). They were recorded at that time and in the funerary monuments of Central Asia (Obelchenko, 1972:57-62, fig. 1; Obelchenko, 1973:159-171).

Analogies to the framed iron buckle 1 with a running tongue were noted in the Southern Urals in the Late Sarmatian time of the middle - second half of the II century AD. (Malashev, Yablonsky, 2008:51; Pokrovka 10 burial mound, burial in the mound 57; fig. 202: 2).

Horn and bone articles with artistic compositions from Orlat, Takhtisangin, Kalalygyr 2, and Turgeni, which overlap with the Kylyshzhar plates in terms of plot content, can also act as convincing chrono-indicators, especially since the finds of the above artifacts are accompanied by thorough archaeological complexes.

For example, the discoverer of the Orlat Complex, G.A. Pýgachenkova, dated it to the II-I cc B.C. (Pýgachenkova, 1987:62). Analyzing the images on the belted plates of the Orlatsk burial ground, V.E. Maslov dates them to the I-II centuries AD (Maslov, 1999: 229); J.Y. Ilyasov agrees with this opinion as well (Ilyasov, 2003:298-299). B.A. Litvinski is inclined to date the Takhtisanga plates to the 3rd c. E. (The same is true for the buckles from the Orlatsk burial ground; Lıtvınskıı 2002:201.) However, J. Ilyasov cites weighty arguments in favor of the fact that the Takhtisanga plates should be dated to an earlier time, «...within the I c. BC. - II century AD». (The same time he defines the chronological framework of the hornware with a carved plot from Kalalygyr 2, i.e. I c. BC. - II century AD. (Ilyasov et al. 2013:195). Turgen bone plate from the archaeological complex of Kyzylbulak-IV settlement the authors chronologically refer to the II century BC. -II century AD. (Gorıachev et al., 2016: 93).

It seems that the archaeological complex of catacomb 14 of the Kylyshzhar burial site as a whole and the horny bow plates with carved artistic subjects found there can be dated to the I century BC. – II century AD.

Ethnocultural and anthropological conclusions. The narrative content of the carved composition of Plate 1 from the Kylyshzhar burial ground, where the image of a noble horseman-archer is reproduced with great skill with such important for researchers moments as his appearance, clothes, weapons, regalia of power, horse outfit, and other, allows to reasonably address the issues of ethnocultural affiliation of the character and his anthropological image. Researchers have already made relevant conclusions on such issues based on the above artifacts from Orlat, Takhtisangin, Kalalygyr 2, and Turgenei.

G.A. Pýgachenkova considers all characters on the bone buckles of the dialed belt from Orlat as Kangju and that «...on the plates from the kurgantepa burial site are deFigted representatives of the Fumui branch of Kangju». (B.A.Lıtvınskıı only briefly touched the question of ethnic and anthropological belonging of the riders on the Takhtisangi plates, who apparently were Bactrians in the ethno-state structure (Lıtvınskıı, 2002:181;189-201).

The characters on the horn object from Kalalygyr 2 are considered by J.Y. Ilyasov as Khorezmian, but with a subtext that they were simultaneously representatives of «...nomadic Kangju (Kangju) empire», as both Khorezm and Sogdiana in the first centuries A.D. were subordinated to Kangju (Kangju; Ilyasov 2013:103). A. A. Gorıachev interpreted the ethnocultural belonging of the participants of the scene of presenting an enemy's severed head to a ruler in the plot on the Turgen plate as Kangju. However, he left open the question of how «...the object of the Kangju bone carving art found itself on the territory (in the center) of the Wusun state», suggesting that the plate could be a trophy of war (Gorıachev et al., 2016: 96).

The conclusions about the ethnocultural affiliation and the appearance of the characters reproduced on the above horned (bone) artifacts are not conclusive.

For example, G.A. Pýgachenkova considers the Orlatian buckles-plates to be Kangüü, while the archaeological complex of the kurgan 2 of the Orlatsk burial ground, where these artifacts were found, correlates with «...the Sarmatian culture». (Pýgachenkova, 1987: 62). B.I. Marshak believed that the Orlat plates deFigted not Kangju but Central Asian Hsiung-nu, stressing that «...the images... reflect not local, but Central Asian nomadic artistic tradition» (Marshak 1987: 235). (Marshak, 1987: 235-236). Following G.A. Pýgachenkova, J. Ilyasov and D. Rusanov interpreted the images on Orlat plates as belonging to the Kangju (which at that time included Sogd), but pointed to the possible involvement of other ethnic groups to the Orlat plots (Sak, Hsiung-nu, Yuezhi and Asian Sarmatians; Ilyasov, Rusanov, 1998: 134).

Similarly, V.E. Maslov connected the Orlat materials with the Asiatic Sarmatians and not with the Kangju state (Maslov, 1989:219-236). P. Bernard and K. Abdýllaev consider the Orlat complex close to the «Pazyryk barrows», and suggest that «...the bearers of the culture of the Orlat burial ground» could be Yuezhi (Bernard, Abdýllaev, 1997:84).

Against such a background, new information of historical, cultural and anthropological nature, coming from the subjects of the plates and archaeological complex of Kylyshzhar cemetery, 14, is of particular interest, it will give a new view of some problems of ethnocultural order of the Sak-Sarmatian-Sunnu circle tribes, some of which were part of the Kangju state in the 2nd century BC – 4th century AD.

Consider the appearance of our character on the Kylyshzhar plate 1 (Fig. 4: 2). According to all visual attributes of this image, it is an eastern-looking person whose appearance (including the face) differs from the recorded faces of the characters on the bone (horn) articles in the Central Asia – Kazakhstan region in the Kangju time *(fig. 7: 1-5).*

For example, according to G.A. Pýgachenkova, Eagle warriors and hunters had narrow, long faces with claw-like beards bent upward; saggy mustaches; small, diamond-shaped eyes (Pýgachenkova, 1987: 58-59; it is specified that «… There are no signs of mongoloidism in the faces»). It is also noted that all the characters «...have a single anthropological type», close to the East-Mediterranean Europoid type of the ancient Sogd (fig. 7: 1-2; Pýgachenkova, 1987:59).

Comparing the Orlatian and Takhtisanginian plates, B.A. Lıtvınskıı writes that «...despite certain differences, the images on the Orlatian and Takhtisanginian plates are close, although far from identical» and emphasizes the difference in the appearance of the characters: «...the narrow-faced bearded characters of Orlatian plates are opposed by beardless broad-faced Takhtisanginian hunters» (Fig. 7: 3; Lıtvınskıı, 2002:93-94). J.Ya. Ilyasov, analyzing the appearance of the characters on the plate from Kalalygyr settlement 2, finds some similarities with the Orlatsk and Takhtisangi images but does not mention the anthropological type of a rider and a seated man with crossed legs (fig. 7: 5; *Ильясов*, 2013:101).

Finally, all the characters of the Turgen plate, according to A.A. Gorıachev, «...have a similar anthropological type» close to the Orlatsk horsemen and warriors, characterized by their narrow elongated faces with wedge-shaped beards, small eyes and mustaches (Fig. 7: 4; Gorıachev et al, 2016:95, photo 4).

The ethnicity of the rider deFigted on Kylyshzhar plate 1 still leaves the question open. In an attempt to highlight this toFig, anthropological and craniological studies of the bone remain of a man buried in catacomb 14 of the Kylyshzhar burial site (owner of a bow, on the hilt of which horn plates with corresponding plots are fixed) were undertaken. It turned out that the buried warrior-nomad was a young man (age 25-35 years), anthropologically the closest to the softened Caucasoid appearance of the eastern type, with a slight lifetime deformation of the cranium ((conclusion by E. P. Kitova, c.h.s., Center for Anthropoecology of the Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences). According to E.P. Kitov, the craniological characteristics of the population of the Arys River basin «...record a significant mixture of different ethnic groups of Jetasar, Late Sarmatian and sedentary agricultural southern European, descendants of Sako-Usun groups and others» (Kitov et al., 2019:52-70).

This is also evidenced by the graphic reconstruction of the face of this man on craniological data, performed at the Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences by paleoanthropologist D.V. Pozdnyakov (Novosibirsk). It shows us a man with a narrow elongated face, bent eyebrows, small rounded and almond-shaped eyes, a straight nose with a prominent hooked nose, and well expressed and advanced chin (*fig. 8*).

It is clear that the buried owner of the elite bow with the compositions on the hilt from the Kylyshzhar burial site is closer to the characters from Orlat, Takhtisangin, Kalalygyr 2 and Turgen than to the rider on Plate 1, which decorated his bow.

Most likely, the bow could have been presented to a noble Kangju representative buried in barrow 14 of the Kylyshzhar burial mound as a gift from one of the powerful rulers of the nomadic elite, which was part of that state.

In connection with the appearance of the noble Kangju hunter deFigted on the Kylshjar plate 1, we should note one circumstance: The iconography of his broad face (as well as such moments as the shape of mustache, locks of hair at the temple) is radically different from all the faces deFigted on other similar monuments of fine art made on bone (horn) carriers from Central Asia and Kazakhstan (Orlat, Takhtisangin, Kalalygyr 2 and Turgen), where characters with narrow, elongated faces of Caucasian appearance appear. This fact suggests that we face a representative with the features of Mongoloid features in his appearance, which are well fixed in the drawing, which is noted in the field of fine ancient art for the first time.

In the context of reflection on the image of an elite horseman in the artistic culture of Central

Asia of the first centuries B.C. – first centuries A.D. it would be appropriate to quote the opinion of G.A. Pýgachenkova writes: «Cultural monuments of that time have a prominent theme of turning to the image of a victorious equestrian – a bearer of military glory and hunting valor, i.e. the highest ideal accepted in nomadic society... this motif is intertwined with the motif of honoring an ancestor who could not part with his racehorse. This direction in culture met the task of glorifying the rulers in power who came from the environment of nomadic tribes, who joined the local ethnocultural environment of areas with a highly developed urban culture» (Pýgachenkova, 1989:302).

According to the author, the image of a noble horseman-hunter, a demigod in the minds of his tribesmen, who, judging by his power regalia, was the leader of one of the nomadic tribes of Sarmatian or Hsiung-nu origin within the Kangju, is deFigted in the image of a noble horseman-hunter, a semi-divine in the minds of his tribesmen, The artistic image on the paired horn-plates of the bow emphasized the high social status of its owner among nomads and inspired him to military and hunting exploits.

To conclude, it should be noted that finds such as those from Kylyshzhar are extremely rare in the archaeology of Central Asia and Kazakhstan, and by their social, historical, cultural, semantic-religious, and sacred content, they will long continue to inform the thinking of scientists engaged in the history and culture of the Kangju state.

Fig. 8. *Kylyshzhar burial ground, southwestern group of mounds, barrow 14. Graphic reconstruction of the appearance of the buried man based on craniological materials*

Литература

1. Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. – Алма-Ата: Онер, 1983.

2. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука Казахской ССР,1984.

3. Беленицкий А.М. Хорезмийский всадник – царь или бог? Культура и искусство древнего Хорезма. – Москва: Наука, 1981. – С. 213-218.

4. Бернар П., Абдуллаев К. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации). *РА,* № 1. – Москва, 1997. – С. 68-86.

5. Горячев А., Потапов С., Егорова Т. Тургенская костяная пластина. Промышленность Казахстана, № 1(94), – Алматы: 2016. – С. 90-96.

6. Гуляев В.И. Образ медведя в скифо-сибирском зверином стиле. Археология евразийских степей, № 03. – Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, 2017. – С. 119-140.

7. Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве. СА, № 2, – Москва: 1971. – С. 64-85.

8. Ильясов Дж. Я. Об изображении на роговом предмете с городища Калалыгыр 2. *РА* (2), 2013. – С. 96-104.

9. Ильясов Дж. Я., Каниут К., Грубер М. Тахтисангинские пластины – шкатулка или поясной набор? Последний энциклопедист: к юбилею Б. А. Литвинского. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2013. – С. 186-197.

10. Китов Е.П., Болелов С.Б., Балахванцев А.С. Возвращение в Хорезм: исследования совместной российско-каракалпакской экспедиции на Устюрте и Большом Кырк-Кызе. Восток(Oriens). № 6, – Москва: РАН, 2019. – С. 52-70.

11. Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). – Душанбе: Дониш, 1968.

12. Литвинский Б.А. Бактрийцы на охоте. ЗВОРАО.Новая серия I (XXVI), 2002. – С. 181-213.

13. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. – Москва: Восточная литература, 2008.

14. Маслов В.Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника. Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову (материалы, публикации, статьи). – Москва,1999. – С. 219-236.

15. Маршак Б.И. Искусство Согда. Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – Москва,1987. – С. 233-248.

16. Мошкова М.Г. Среднесарматская культура //Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – Москва: Наука, 1989. – С. 177-191.

17. Обельченко О.В. Агалыксайские курганы // ИМКУ. – Ташкент,1972. Вып. 9. – С. 56-72.

18. Обельченко О.В. Курганы в окрестностях Самарканда.Афрасиаб,вып. II. – Ташкент: АН Узб. ССР, 1973. – С. 157-172.

19. Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. –VI в.н.э. – Туркестан: МКТУ им. А. Яссави, 2000.

20. Подушкин А.Н. Сарматы в Южном Казахстане // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию А. Н. Бернштама /Алекшин В.А., Кирчо Л.Б., Соколова Л.А., Стеганцева В.Я. (ред. колл.). – Санкт-Петербург: ИИМКРАН, 2010. – С. 207-217.

21. Подушкин А.Н. Сюнну в Южном Казахстане: археологический и исторический контексты // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири,II. Материалы VI международной научной конференции. – Хух-Хото, 2015. – С. 507-514.

22. Подушкин А.Н. Знатныйкангюец на охоте // STRATUM plus.2022. № 4. – С.183-208.

23. Пугаченкова Г.А. Образ кангюйца в согдийском искусстве. (Из открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции).Из художественной сокровищницы Среднего Востока. – Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1987. – С. 56-65.

24. Пугаченкова Г.А. Бактрийско-юэчжийский и согдийско-кангюйский синтез в искусстве //Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, Наука Казахской ССР, 1989. – С. 201-305.

25. Раев Б.А. «Стриженые гривы» и миграции кочевников. Об одном малозаметном элементе экстерьера коня //НАВ, 10. – Волгоград, 2009. – С. 260-271.

26. Ростовцев М.И. Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и Китае. «SeminarumKondakovianum», 1. – Praha, 1927. – С. 141-146.

27. Худяков Ю.С. Седла древних тюрок Центральной Азии //Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 119-143.

28. Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 1 (17). – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии, 2004. – С. 39-50.

29. Шенкарь М. А. Об иконографии xvarənah и его роли в идеологии древних иранцев // Последний энциклопедист (к юбилею Б. А. Литвинского) /Колганова Г. Ю., Кулланда С. В., Петрова А. А. (ред.). – Москва: ИВРАН, 2013. – С. 427451.

30. Ilyasov J. Covered Tail and «Flying» Tassels.Iranica Antiqua.– Gent, 2003.Vol. 38. – P. 259-325.

31. Ilyasov, Rusanov: IlyasovJ.Ya., Rusanov D.V. A Study on the Bone Plates from Orlat.Silk Road Art and Archaeology,5 (1997/98). – Kamakura, 1998. – P. 107-159.

32. Sims-Williams: Nicholas Sims-Williams. The sogdian inscriptions of Kultobe: text, translation and linguistic commentary //Труды Центральногогосударственного Музея. – Алматы, 2009. Т. II. – С. 153-171.

References

1. Akishev K.A. Drevnee zoloto Kazahstana. – Alma-Ata: Oner, 1983.

2. Akishev A.K. Iskusstvo i mifologiya sakov. – Alma-Ata: Nauka Kazahskoj SSR, 1984.

3. Belenickij A.M. Horezmijskij vsadnik – car' ili bog? Kul'tura i iskusstvo drevnego Horezma. – Moskva: Nauka, 1981. – S. 213-218.

4. Bernar P., Abdullaev K. Nomady na granice Baktrii (k voprosu etnicheskoj i kul'turnoj identifikacii). RA, № 1. – Moskva, 1997. – S. 68-86.

5. Goryachev A., Potapov S., Egorova T. Turgenskaya kostyanaya plastina. Promyshlennost' Kazahstana, № 1(94). – Almaty, 2016. – S. 90-96.

6. Gulyaev V.I. Obraz medvedya v skifo-sibirskom zverinom stile. Arheologiya evrazijskih stepej, № 03. – Kazan': IA im. A.H. Halikova AN RT,2017. – S. 119-140.

7. Il'inskaya V.A. Obraz koshach'ego hishchnika v ranneskifskom iskusstve. SA, № 2, – Moskva, 1971. – S. 64-85.

8. Il'yasov Dzh. YA. Ob izobrazhenii na rogovom predmete s gorodishcha Kalalygyr 2. RA (2), 2013. – S. 96-104.

9. Il'yasov Dzh.YA., Kaniut K., Gruber M. Tahtisanginskie plastiny – shkatulka ili poyasnoj nabor? Poslednij enciklopedist: k yubileyu B.A. Litvinskogo. – Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2013. – S. 186-197.

10. Kitov E.P., Bolelov S.B., Balahvancev A.S. Vozvrashchenie v Horezm: issledovaniya sovmestnoj rossijsko-karakalpakskoj ekspedicii na Ustyurte i Bol'shom Kyrk-Kyze. Vostok (Oriens). № 6, – Moskva: RAN, 2019. – S. 52-70.

11. Litvinskij B.A. Kangyujsko-sarmatskij farn (k istoriko-kul'turnym svyazyam plemen yuzhnoj Rossii i Srednej Azii). – Dushanbe: Donish,1968.

12. Litvinskij B.A. Baktrijcy na ohote. ZVORAO. Novaya seriya I (XXVI), 2002. – S. 181-213.

13. Malashev V.YU., Yablonskij L.T. Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya. Po materialam mogil'nika Pokrovka 10. – Moskva: Vostochnaya literatura, 2008.

14. Maslov V.E. O datirovke izobrazhenij na poyasnyh plastinah iz Orlatskogo mogil'nika. Evrazijskie drevnosti: 100 let B. N. Grakovu (materialy, publikacii, stat'i). – Moskva,1999. – S. 219-236.

15. Marshak B.I. Iskusstvo Sogda. Central'naya Aziya. Novye pamyatniki pis'mennosti i iskusstva. – Moskva, 1987. – S. 233-248.

16. Moshkova M.G. Srednesarmatskaya kul'tura //Arheologiya SSSR. Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. – Moskva: Nauka, 1989. – S. 177-191.

17. Obel'chenko O.V. Agalyksajskie kurgany // IMKU. – Tashkent, 1972. Vyp. 9. – S. 56-72.

18. Obel'chenko O.V. Kurgany v okrestnostyah Samarkanda.Afrasiab,vyp. II. – Tashkent: AN Uzb. SSR,1973. – S. 157-172.

19. Podushkin A.N. Arysskaya kul'tura Yuzhnogo Kazahstana IV v. do n.e.–VI v.n.e. – Turkestan: MKTU im. A. YAssavi, 2000.

20. Podushkin A.N. Sarmaty v Yuzhnom Kazahstane // Drevnie kul'tury Evrazii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu A.N. Bernshtama /Alekshin V.A., Kircho L.B., Sokolova L.A., Steganceva V.YA. (red. koll.). – Sankt-Peterburg: IIMKRAN, 2010. – S. 207-217.

21. Podushkin A.N. Syunnu v Yuzhnom Kazahstane: arheologicheskij i istoricheskij konteksty // Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri, II. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Huh-Hoto, 2015. – S. 507-514.

22. Podushkin A.N. Znatnyj kangyuec na ohote // STRATUM plus.2022. № 4. – S.183-208.

23. Pugachenkova G.A. Obraz kangyujca v sogdijskom iskusstve. (Iz otkrytij Uzbekistanskoj iskusstvovedcheskoj ekspedicii). Iz hudozhestvennoj sokrovishchnicy Srednego Vostoka. – Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva, 1987. – S. 56-65.

24. Pugachenkova G.A. Baktrijsko-yuechzhijskij i sogdijsko-kangyujskij sintez v iskusstve //Vzaimodejstvie kochevyh kul'tur i drevnih civilizacij. – Alma-Ata, Nauka Kazahskoj SSR, 1989. – S. 201-305.

25. Raev B.A. «Strizhenye grivy» i migracii kochevnikov. Ob odnom malozametnom elemente ekster'era konya //NAV, 10. – Volgograd, 2009. – S. 260-271.

26. Rostovcev M.I. Bog-vsadnik na yuge Rossii, v Indo-Skifii i Kitae. «SeminarumKondakovianum», 1. – Praha, 1927. – S. 141-146.

27. Khudyakov Yu.S. Sedla drevnih tyurok Central'noj Azii //Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoj Sibiri. – Gorno-Altajsk, 2005. – S. 119-143.

28. Cheremisin D.V. Rezul'taty novejshih issledovanij petroglifov drevnetyurkskoj epohi na yugo-vostoke Rossijskogo Altaya //Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 1 (17). – Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii, 2004. – S. 39-50.

29. Shenkar' M. A. Ob ikonografii xvarənah i ego roli v ideologii drevnih irancev // Poslednij enciklopedist (k yubileyu B. A. Litvinskogo) / Kolganova G. YU., Kullanda S. V., Petrova A.A. (red.). – Moskva: IVRAN, 2013. – S. 427451.

30. Ilyasov J. Covered Tail and «Flying» Tassels.Iranica Antiqua. – Gent,2003.Vol. 38. – P. 259-325.

31. Ilyasov, Rusanov: IlyasovJ.Ya., Rusanov D.V. A Study on the Bone Plates from Orlat.Silk Road Art and Archaeology,5 (1997/98). – Kamakura, 1998. – P. 107-159.

32. Sims-Williams: Nicholas Sims-Williams. The sogdian inscriptions of Kultobe: text, translation and linguistic commentary // Trudy Central'nogo gosudarstvennogo muzeya. – Almaty, 2009. T. II. – S. 153-171.

Подушкин А.Н.
ҚР Мемлекеттік орталық музейі
Алматы қ., Қазақстан
e-mail: *p_a_n_alex@mail.ru*

ҚАҢЛЫ МЕМЛЕКЕТІНІҢ ЖОҒАРЫ ӨНЕРІНІҢ СЮЖЕТТЕРІНЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Мақала Оңтүстік Қазақстан аумағындағы Қаңлы мемлекеті (б.з.д. I ғ.-б.з. II ғ.) кезеңіндегі бірегей артефактіндегі безендіру өнерінің көркемдік және тарихи-мәдени интерпретациясына арналады. Қазақстан археологиясында алғаш рет Қылышжар қорымының катакомбалық жерлеу орнынан әлеуметтік және семантикалық-ғұрыптық мазмұнға ие сюжеттері бар, садақ сабының жақтамасын безендіруге арналған мүйіз тіліктің беті аса жоғары көркем оюмен суреттелген екі жапсырма табылды.

Біріншісі қаңлы ақ сүйегінің арқарларға аңшылығымен байланысты. Мұнда биенің үстінде «жокей» тәрізді бүгілген күйде отырған шығыстық келбеттегі көшпелі шабандоздың ұзақ шауып, шаршап-шалдығып қаумалауға ұшыраған жануарларға садақ атып жатқан бейнесі суреттелген. Мерген жоғарғы билік нышанына ие, ол садақ және оған қосымша атрибуттармен (қосалқы садақ, мықты сауыт, қорамсақ, жауынгерлік жебе жиынтығы) қаруланған. Екінші сюжетте мифтік полиморфты тіршілік иесі «аю-арыстанның» арқарлар тобына шабуыл жасауымен байланысты: «жыртқыштан» қашып құтылу үшін шауып бара жатқан жануарлардың бірінің аяғына араны ашылған жыртқыш ұмсына төнген.

Екі композиция да аңшылықтағы сакралдық әрекетті білдіреді, онда адам (көшпелілер социумында жоғарғы билікке ие Құдайға жақын деген мәртебесі бар шабандоз) және мифтік «аю-арыстан» (бұл да құдай) арқар жануарларын аулауда ерекше әлеуметтік және діни функциялары бар кейіпкерлер ретінде қатысады. Орталық Азия және Оңтүстік Қазақстанның иран тілді халықтарының түсінігінде фарн (хварна) құдайы бақыт, байлық, денсаулық, «зұлым» күштерден қорғайтын күш.

Қаңлы мемлекетінің бейнелеу өнерлерінің шынайы шедеврі қатарына жоғары деңгейде оймаланып безендірілген сюжеттері бар мүйіз тіліктерді қояды.

Археологиялық кешен және тарихи-мәдени индикаторлар бұл бұйымдардың хронологиясын б.з.д. I ғ. – б.з. II ғасырымен мерзімдеуге мүмкіндік береді.

Материалдар мен зерттеу әдістері: Мақаладағы зерттеліп отырған материалдар ҚР Мемлекеттік орталық музейінің археология қорынан. Олар Түркістан облысы, Ордабасы ауданы, Сарыарық елді мекенінде орналасқан Қылышжар қорымы, №14 қорғаннан табылған.

Жерлеу орнынан табылған материалдар жүзді, сабында тастан жасалған қондырғысы бар қару-жарақтар, киім әшекейлері – тоғалар, үш қанатты темір жебе ұштары, әлеуметтік және семантикалық-ғұрыптық мазмұнға ие сюжеттері бар, садақ сабының жақтамасын безендіруге арналған мүйіз тіліктің беті аса жоғары көркем оюмен суреттелген екі жапсырма. Аталмыш материалдарды зерттеу кезінде стилистикалық талдаумен толықтырылған сюжеттің иконографиясын зерттеуде типологиялық әдіс қолданылды. Салыстырмалы әдіс арқылы жәдігерлердің ортақ және ерекше белгілері анықталды.

Сондай ақ, тарихи салыстырмалы әдіс арқылы тарихи-археологиялық байланыстар да ашылды. Хронологиялық атрибуция салыстырмалы және мерзімдеу арқылы жүзеге асырылды. Зерттеуде жазбаша дереккөздер, мұрағат материалдары және далалық қазба жұмыстарының есептері пайдаланылды.

Кілт сөздер: *Оңтүстік Қазақстан, Қылышжар қорымы, археологиялық кешен, көркем артефакт, мүйіз тіліктері, оймаланған сюжет, арқарларды аулау, Қаңлы.*

Подушкин А.Н.
Центральный государственный музей Республики Казахстан
г.Алматы, Казахстан,
e-mail: *p_a_n_alex@mail.ru*

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЮЖЕТОВ ВЫСОКОГО ИСКУССТВА ГОСУДАРСТВА КАНГЮЙ

Публикация посвящена историко-культурной и художественной интерпретации уникальных артефактов искусства периода государства Кангюй (I в. до н. э. – II в. н. э.) из Южного Казахстана. Впервые в археологии Казахстана, в катакомбном погребении могильника Кылышжар, обнаружены две срединные роговые накладки на рукоять лука с сюжетами социального и семантико-ритуального содержания, выполненные высокохудожественной гравировкой по рогу.

Первый связан с охотой знатного кангюйца на архаров. Здесь изображен всадник-номад восточного облика в позе низко сидящего жокея на лошади-кобылице, который стреляет из лука, охотясь на загнанных длительным преследованием животных. Стрелок имеет регалии власти, вооружен луком и вспомогательными к нему атрибутами (запасный лук, твердо корпусный горит-колчан с комплектом боевых стрел). Второй сюжет связан с охотой на группу архаров мифического полиморфного существа «медведе-льва»: животные стремятся ускользнуть от «зверя», который в броске схватил одну особь и готов ее терзать.

Обе композиции объединены охотой в сакральное действие, в котором человек (конный всадник с высокими властными полномочиями в социуме номадов со статусом, приближенным к божеству), и мифический «медведе-лев» (также божество) участвуют в качестве наделенных особыми социальными и религиозными функциями персонажей в охоте на архаров – животных, воплощающих у ираноязычных народов Центральной Азии и Южного Казахстана глобальное божество фарн (хварна), олицетворяющее счастье, богатство, здоровье, защиту от «злых» сил.

Высокий уровень художественного исполнения рисунков ставит роговые пластины с гравированными сюжетами в ряд подлинных шедевров изобразительного искусства государства Кангюй. Археологический комплекс и историко-культурные индикаторы позволяют определить хронологию изделий в пределах I в. до н. э. – II в. н. э.

Материалы и методы исследования: Материалами исследования послужили артефакты кургана 14, могильника Кылышжар расположенного близ с. Сарыарык Ордабасинского района, Туркестанской области, из археологического фонда ЦГМ РК. Погребальный инвентарь представлен клинковым вооружением – железные черешковые меч и кинжал с каменными навершиями, аксессуарами одежды – две железные пряжки и железными трехлопастными черешковыми наконечниками стрел, которые находились в кожаном колчане представлен двумя срединными роговыми накладками на рукоять лука с сюжетами социального и семантико-ритуального содержания, выполненные высокохудожественной гравировкой по рогу. При изучении накладок был применен формально-типологический метод исследования иконографии изображений, дополненный стилистическим анализом. При помощи сравнительного метода были выявлены общие и особенные черты артефактов. Так же были выявлены историко-археологические связи с помощью историко-сравнительного метода. Хронологическая атрибуция проведена с помощью относительной и абсолютной датировки. При исследовании использовались письменные источники, архивные материалы и полевые отчеты.

Ключевые слова: *Южный Казахстан, могильник Кылышжар, археологический комплекс, художественный артефакт, роговые пластины, сюжетная гравировка, охота на архаров, Кангюй.*

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.05

Джафаров Г.Ф.
Азербайджанский государственный экономический университет – UNEC
г. Баку, Азербайджан
e-mail: *hidayet-jafar@mail.ru*
hidayetjafarov1946@gmail.com

О ТАНДЕМЕ НЕОЛИТ – ЭНЕОЛИТ

В предлагаемой статье рассматривается ряд вопросов, связанных с периодами неолит – энеолит, которые охватывают основной этап первобытно-общинного строя. На основе фактов в понятия «неолит» и «энеолит» вносится ясность, анализируются предположения, имеющие отношение к их хронологической последовательности. В отличие от некоторых исследователей, которые отрицают понятие «энеолит», автор показывает, что сам период неолита, состоящий из двух этапов – докерамического и керамического периода, характеризуется переходом от собирательства к производству в сфере домашних хозяйств. Хотя имеется много сходного, значительное количество новых признаков отличает период энеолита от периода неолита. Сюда относится начало применения металла, развитие домашнего производства на новой стадии, переход к семейной паре, нововведения в различных сферах производства, инновации в строительной технике и многое другое. Принимая во внимание эти признаки, автор считает, что будет правильнее сохранить понятие периода неолита и понятие энеолита в соответствии с традиционной системой разделения.

Ключевые слова: *Азербайджан, неолит, энеолит, памятники, артефакты.*

I. Introduction (Введение)

Вторая половина XX века и первые годы XXI века характеризуются в изучении истории первобытно-общинного строя Азербайджана началом новой, специфической стадии, **которая отличалась во многих аспектах.** Археологические исследования, проводимые с начала 50-х годов XX века, позволили выдвинуть предположение о зарождении истории Азербайджана и о наличии одного из первых поселений человека с древних времен. Научные исследования выявили многочисленные факты, свидетельствующие о непрерывном продолжении жизни, возникшей в нашей стране 2 миллиона лет назад, об объективной замене исторических эпох и их взаимосвязи.

Наряду со всеми другими факторами, обнаружение стадии энеолита в истории первобытно-общинного периода Азербайджана, её включение в научные круги на основе аргументов являются самыми большими достижениями национальной науки археологии.

Энеолит был относительно коротким, но очень важным этапом в истории первобытного общества. В период энеолита ускорился социально-экономический прогресс, улучшилось и обрело новое качество ремесленное хозяйство, начался и усилился процесс между племенами и с другими отдаленными территориями, в связи с увеличением численности населения осваивались новые земли для земледельческо-

скотоводческого хозяйства. Материнско-родовая структура проходила этап своего расцвета, начали формироваться зачатки факторов, обуславливающих последующий переход от матриархата к патриархату, выхода последнего на главенствующее место. В этот период в некоторых областях Древнего Востока также начали формироваться предпосылки, заложившие основу первого классового общества.

Слово Энеолит образовано из словосочетания, состоящего из латинского слова «энеос», что означает медь, и греческого слова «литос», что означает камень. В редких случаях вместо него используется греческое слово «халколит», состоящее из двух частей (χαλκός — медь + λίθος — камень). Независимо от вышеуказанного, в обоих случаях эти выражения имеют по существу то же значение, то есть медно-каменный век.

Как правило, обнаружение меди происходило в районах, где имелись богатые месторождения руды, где развитие населения находилось на более высоком культурно-экономическом уровне. В древние времена люди принимали медную руду яркого расцвета за разновидность камня, но из-за того, что куски медной руды даже при ударе в холодном состоянии не разламывались, а в лучшем случае под воздействием высокой температуры в огне менялась их форма, путем ковки в холодном или горячем состоянии из неё можно было готовить примитивные изделия. Такие медные изделия встречались и на памятниках новокаменного века, до изобретения гончарного дела. Например, во время археологических раскопок в Малой Азии в поселении Чайену были обнаружены пластинчатые предметы из чистой меди и другие медные изделия, относящиеся к периоду, предшествующему VIII–VII тысячелетию до н. э. Вследствие обнаружения ряда медных изделий в памятниках каменного века изменилось традиционное формально-семантическое отношение к энеолиту. Это означает, что период энеолита не характеризуется только использованием меди, энеолит должен отражаться и нашел свое отражение в наличии комплекса материалов, олицетворяющих жизненный уклад эпохи и уровень развития хозяйства. На памятниках периода энеолита наблюдается преобладание каменных орудий, продолжается широкое применение орудий труда, сделанных из кости. Эти факты никак не указывают на низкую значимость металла. В том случае, когда медное орудие становилось тупым, путем ковки можно было восстановить его высокое качество, и оно успешно применялось в различных ремеслах. В то же время в результате процесса производства медных изделий, и, в частности, начала плавления меди многократно увеличилась производительность труда, было положено начало общему прогрессу.

На основании системных исследований, проводимых на многих памятниках Азербайджана эпохи энеолита, было выявлено возникновение качественно новых условий в области использования металла на последней стадии энеолита. Например, материалы, извлеченные в поселении Лейлатепе, расположенном на территории сел Хындырыстан и Эйвазлы Агдамского района, в конце V тысячелетия до н. э. или в первой половине IV тысячелетия до н. э., относящемся к позднему периоду энеолита (по некоторым предположениям в период Обейд и/или самое позднее в период Урук), свидетельствуют о том, что в тот период в некоторых областях металлические изделия вытесняют из употребления орудия из кости. Применение изделий из обсидиана (прозрачный стекловидный камень) и кремневого камня в тот период резко уменьшается. Искусство работы с камнем начинает в существенной мере терять свое прежнее значение.

В системе археологических памятников Азербайджана хорошо известны комплексы, отражающие период, связанный с энеолитом. Памятники Шомутепе, Гаргалартепеси, Гырлартепе, Тойратепе, Рустепеси, Кечилитепе, Гейтепе на нашей нынешней границе с Грузией, которые находятся на обширной территории, начиная с Газах-Агстафа, а также Товуз-Шамкир, где проводились фундаментальные и стационарные археологические раскопки, а также группа памятников Гыраг Кясаман, которые после недавних исследований вселяют надежду в возможность внести вклад в эпоху энеолита; каждый по отдельности и все вместе богатые поселения Карабаха – Чалагантепе, Иланлытепе, Хынытепелери, Валибейтепелери, Шомулутепе, Чардахлытепе, Каблахусейнтепе, Бановшалартепе, Лейлатепе, Исмайылбейтепе и др. внесли весомый вклад в прояснение

ряда проблем. Нам следует включить в этот ряд памятники, которые позволили впервые доказать становление и формирование энеолита на обширной зоне Кавказа – это Культепе, находящийся в Нахичевани, и десятки других памятников данного региона того же периода; а также комплексы Аликемектепе, Мишарчай, Полутепе, свидетельствующие о заселении ранних земледельческо-скотоводческих племен на Мугани, Алхантепе, который во многом сходен с Лейлатепе, а также десяток других памятников того же периода этой зоны. Если добавим не подключенные до сих пор по разным причинам в широкие исследования остатки поселений Губа-Хачмаз, Шеки-Балакен, то не составит какого-либо труда понять масштабы интенсивности жизни в Азербайджане в период энеолита.

2. Defining of the Neolithic and Eneolithic cultures (Взаимосвязи между культурами неолита и энеолита)

Факты свидетельствуют о том, что культура энеолита в Азербайджане и на всем Кавказе с начала его формирования была тесно связана с Передней Азией. Именно эти тесные связи создали благоприятные условия для качественного скачка – для перехода к ремесленному хозяйству и его дальнейшему развитию. Эти реалии также хорошо отражаются и на примере вышеупомянутых комплексов памятников.

Известно, что памятники, принадлежащие к ранним земледельческо-скотоводческим племенам на Южном Кавказе, обнаруживались с начала 30-х годов XX века. Идея об их принадлежности к эпохе энеолита была выдвинута и обоснована Б.А. Куфтиным в 40-х годах. Б.А. Куфтин пришел к выводу, что одна группа археологических материалов, известных на территории Закавказья, между реками Кура и Араз, относится к общему культурному комплексу, и обобщил их под названием «Энеолит Кура-Араз» (Куфтин, 1944).

В качестве ведущего фактора, объединяющего памятники в одной культуре, за основу были взяты несколько специфических аспектов, присущих гончарным изделиям, а также выполнение ручек посуды полукруглой и/или широкой лентообразной формы, полировка посуды до «металлического блеска», нанесение уникальных многокрасочных узоров, своеобразная особая конструкция у очаговых сооружений и другие характерные признаки. Вследствие слабого исследования памятников в те времена, незначительного количества металлических предметов, незнания о древних земледельческо-скотоводческих поселениях Кура-Аразской культуры другие кавказоведы также приняли предположение о принадлежности памятников Кура-Аразской культуры к энеолиту.

Наряду с этим некоторые исследователи попытались отнести эти памятники не к Кура-Аразскому энеолиту, а к «медному веку» (Пиотровский, 1949: 33). Выдвигались различные предположения относительно возраста памятников, вероятности их принадлежности к Кура-Аразскому энеолиту и/или к медному веку, были высказывания о соответствии с периодом до III–II тысячелетия до н. э. или III тысячелетия, а также о частичном переходе в IV тысячелетие до н. э. (Мунчаев, 1955: 5–20).

Широкомасштабные археологические исследования, проводимые в Азербайджане с 50-гг. XX века, в корне изменили отношение к истории заселения ранних земледельческо-скотоводческих племен на Кавказе и к проблеме энеолита. Раскопки, начатые азербайджанским археологом О.А. Абибуллаевым в 1951 г. в поселении Культепе, расположенном на расстоянии 9 км к северу от Нахичевани, показали, что под 8-метровым культурным слоем, относящимся к предполагаемой «Кура-Аразской культуре эпохи энеолит», скрывается ещё более культурный и более древний слой, который отражал отличающийся уклад жизни оседлого земледельческо-скотоводческого населения. В 1955 г. работы по раскопкам в Кюльтепе с площадью в 32 м^2 на глубине 21 м достигли материковой, невозделанной почвы. Учитывая тот факт, что на этой площади в нижнем слое не встречаются металлические изделия, О.А. Абибуллаев (Абибуллаев, 1959: 94) выдвинул предположение о том, что нижний культурный слой Культепе относится к неолиту – т. е. к «новой каменной эпохе» (Абибуллаев, 1957), (Абибуллаев, 1963: 167), (Абибуллаев, 1982). В действительности причисление слоев Кура-Аразской культуры к энеолиту, а памятников, предшествующих им, – к неолиту было для того времени

революционным и в то же время естественным событием. О.А. Абибуллаевом в Кюльтепе I выделено четыре слоя общей мощностью более 22 м. Наиболее мощным оказался нижний, энеолитеческий слой (9,2 м). Он разделил нижний слой на две части. Слой ниже уровня 19 м он обозначил как слой Iа и отнес его к неолиту, а вышележащие уровни до отметки 12, 8 м (слой Iб) приурочил к переходному периоду от неолита к куро-аракскому энеолиту (Абибуллаев, 1957: 94). В другом участке, ниже уровня 19 м были найдены расписная керамика, а выше – семь медных предметов. Эти данные, вероятно, привели к тому, что О.А. Абибуллаев отказался от разделения нижнего слоя на два периода и отнес его целиком к энеолиту, а вышележащий - к эпохе ранней бронзы (Абибуллаев, 1963: 167; Нариманов, 1985: 6–7). Раскопки в Кюльтепе еще с 1959 г. расширились и продолжались до 1964 года, и проводились с охватом площади в 310 м^2, на глубине 22,2 м и достигли материковой почвы. Хотя во время этих раскопок на верхнем ярусе нижнего 9 метрового культурного слоя было обнаружено несколько металлических изделий, тем не менее, на нижнем ярусе не было зафиксировано признаков металла. Надо отметить, что в нижних слоях, наряду с местными примитивными керамическими изделиями, обнаружение высококачественных образцов расписной посуды с украшениями, явно Халафского круга, вынудило автора раскопки О.Абибуллаева пересмотреть ранее высказанные свои же соображения о принадлежности самых нижних слоев к Неолиту.

Эти факты вызвали сомнение относительно первоначального предположения наличия Неолита в 9-метровом нижнем слое. Кроме того, на втором (снизу) 8-метровом слое Культепе, принадлежащем к Кура-Аракской культуре и на других синхронных памятниках Южного Кавказа были обнаружены вещественные доказательства, отражающие возникновение и развитие металлообработки и металлургии.

А.А. Иессен, опираясь на добытые материалы из древних поселений Азербайджана, а также сравнительных анализов, опубликованных в 1965 году, доказал, что до Кура-Аракской культуры здесь существовала более ранняя земледельческо-скотоводческая культура. Поэтому он справедливо считал, что нет каких-либо оснований причислить Кура-Аракскую культуру к энеолиту. Уже в середине 50-х – начале 60-х гг. XX века в распоряжение у ученых накопились достаточные основания причислить нижний, 9-метровый культурный слой Культепе к «подлинному энеолиту» (Иессен, 1965: 10–17).

Такое отношение к этому вопросу соответствовало уровню развития науки археологии на Кавказе в то время. Но исследователи, которые придерживались отличающейся точки зрения и защищали другое предположение, предпочли подойти к данному вопросу с другого ракурса. Например, И.Р. Салимханов, который был химиком по специальности и принял за основу наличие мышьяка и никеля в составе некоторых металлических предметов, случайно обнаруженных на верхних слоях культурного слоя поселения Культепе, выдвинул идею о том, что в Азербайджане и на всем Южном Кавказе «наличие энеолита было гипотезой». Однако проведенный самим И.Р. Салимхановым спектральный анализ металлических предметов, обнаруженных в ранних жилых поселениях Гаргалартепеси, Аликомактепе и Чалагантепе и принадлежащих к земледельческо-скотоводческому населению, выявил, что они были изготовлены из чистой меди, без каких-либо примесей. Тем самым стало очевидным, что идея о прохождении населением Азербайджана и всего Кавказа этапа развития энеолита не является гипотезой. Таким образом, при характеристике эпохи энеолит был положен конец попыткам представить определенную идею со ссылкой не на общий комплекс материалов памятников, а на отдельные металлические предметы, и предпринятая в этой области неудачная инициатива не сумела приобрести научного значения.

Таким образом, в результате систематических археологических исследований, проведенных с начала второй половины XX века, было обнаружено наличие многочисленных поселений на равнинных территориях Нахичеванской, Гянджа-Казахской, Карабахской, Муганской областей Азербайджана. А многочисленные материальные свидетельства различного содержания, полученные при археологических раскопках, доказали принадлежность Азербайджана к очагам древней культуры

земледелия. В настоящее время в Азербайджане зафиксировано более 200 поселений эпохи энеолит.

Еще в 50-х гг. XX века на двух памятниках Азербайджана – Культепе в Нахичевани и в поселке Бабадервиш (Агстафачай), расположенном в районе Газах, ниже Кура-Аразского культурного слоя эпохи энеолит был обнаружен более древний, отличающийся от него культурный слой. При взаимоотношении этих двух культурных слоев различных эпох учитывалось наличие некоторых аспектов, связующих их в определенной степени. Наряду с этим указывалось, что у них (т. е. слоев) не прослеживался прямой переход от одного к другому (Мунчаев, 1955).

3. Leylatepe Phenomenon (Феномен Лейлатепе)

Раскопки, начатые в 1984 г. в поселении Лейлатепе, расположенном на территории сел Хындырыстан и Эйвазлы Агдамского района, внесли весомую ясность в этот вопрос. Это то самое поселение Лейлатепе, которое на основе своих материалов создало возможность определить наличие культуры, известной Лейлатепе, связанной с Передней Азией, начавшейся в Азербайджане и распространившейся в других регионах Южного Кавказа (Нариманов, 1987: 130). Открытая и обоснованная с научной точки зрения Идеалом Наримановым новизна этой новой культуры, внесенной в науку кавказской и мировой археологии, имеет уникальное значение и однозначно высоко оценивается в научных кругах.

Кстати, считаем важным также выразить своё мнение по одному вопросу, имеющему отношение к памятникам Лейлатепинской культуры. Совершив экскурс, вспомним знаменитый доклад Идеала Нариманова под названием «Племена Месопотамии культуры Обейд в Азербайджане» на Всесоюзной археологической конференции, проведенной в Баку в мае 1985 г., который вызвал сенсацию среди ученых мира сего (Мунчаев, 1955: 271–272). Посредством этого доклада, который на первых порах не воспринимался однозначно, Идеал Нариманов заложил начало новой эры, пролив свет на проблемы позднего энеолита на Кавказе. Он настоятельно высказался в защиту тезиса, раскрывающего причину оставления одной группой носителей этой культуры своих первых поселений (из Передней Азии) и обоснования в Карабахе.

Отличающийся здесь (в Лейлатепе) метод строительства, керамика с характерной чертой, детские захоронения в керамических сосудах, факты, свидетельствующие о возникновении и наличии металлургии и т. д. действительно свидетельствовали о том, что данная культура выделялась среди предыдущих культур.

В моей (Г.Джафаров) докторской диссертации, которую я защитил в 1996 году, принимая во внимание принадлежность памятника Лейлатепе во многом своими узами к первому бронзовому периоду, я включил его в число памятников первого бронзового века Карабаха. Данный факт сохранился и в монографии, опубликованной в 2000 г. (Джафаров, 2000: 24–25). Профессор Нариманов, всегда внимательно относившийся к любому нововведению, независимо от его сущности, и незамедлительно реагировавший на «партизанщину», противоречащую его мнению, тем не менее не выразил своего несогласия по данному факту.

Мы основывали наши аргументы на отсутствии смеси соломы в керамике Лейлатепе, чистоты глины, наличием следов ручного гончарного колеса на многих образцах высококачественной посуды, а также и на образцах керамики с тонкими стенками, чёрной полировкой и с ручками из различной формы. В дополнение к сказанному наличие как готовых металлических предметов, так и сплавов, полученных в результате плавки металла, позволило предположить, что имеющиеся следы относятся, скорее всего, к раннему бронзовому периоду, а не к эпохе позднего энеолита. Вообще-то, правильно будет датировать Урукским периодом.

Обнаружение также на позднем этапе в зоне прокладки и воздействия нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан могильных памятников культуры Лейлатепинского типа (Н. Мусеибли, 2008), (Н. Мусеибли, 2010) создало условия для выявления новых доказательств распространения этого этнического и культурного массива также и в других зонах Азербайджана. В такой ситуации стали появляться новые идеи, связанные с принадлежностью и периодизацией культуры

Лейлатепе. В действительности здесь нет ничего удивительного. Это наука, и каждый имеет право высказать свою точку зрения. Поэтому мы нормально подходим к вопросу об однозначном причислении различными исследователями носителей культуры Лейлатепе к кочевому населению, а также к научным рассуждениям, высказанным исключительно относительно позднего энеолита (халколита). Доводы, основанные на принадлежности этой культуры к периоду урукской культуры, а не к периоду поздней обейдской культуры, также относятся к этому типу.

Несмотря на всё это, подытоживая эти краткие примечания, по нашему суждению, идея о том, что Лейлатепинская культура является носителем эпохи, включающей основные элементы переходного этапа от позднего энеолита до первого бронзового периода, может считаться более приемлемой. Относительно вопроса этнической и культурной принадлежности населения, создавшего эту культуру, на наш взгляд, отведение места доводам, высказанным по поводу миграции, переселения, заселения, не отражают здесь объективности процесса. В данном случае, как часть объективной закономерности исторического развития, необходимо, скорее всего, вести поиски в местных условиях, в благополучном существовании и жизнедеятельности древних жителей Азербайджана энеолита в переходный процесс из одной исторической стадии на другую.

Да, оппоненты могут возразить, что не так-то просто выявить тесную связь между культурой энеолит и культурой Кура-Араз. В таком случае возникает другой вопрос. Разве легко и можно ли проследить полную преемственность между первой Кура-Аразской культурой и культурой Узерликтепе среднего бронзового периода или же между последней и Ходжалы-Кедабекской археологической культурой эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Даже если, будучи твердо уверенными, мы примем какое-либо постороннее воздействие расселения, вероятно, очень незначительное переселение, в действительности история культуры, созданная древним коренным населением Азербайджана на всех этапах истории, была тесно связана с объективной закономерностью исторического развития. Как и другие цивилизованные народы мирового человечества, древние племена Азербайджана увековечили и развили своеобразную культуру, связанную с местными корнями и неразрывными узами с традициями, извлекли пользу от нововведений, имевших место на Древнем Востоке при помощи экономических и культурных связей и контактов, приняли всё, что имелось прогрессивное, посредством отбора и в то же время сумели передать элементы передовой культуры другим, даже на Ближний Восток. По нашей оценке, в этом и есть истинная правда.

Возвращаясь к Лейлатепе, следует отметить, что в результате стационарных археологических исследований, проведенных на данном памятнике, стало ясно, что в Азербайджане существовала ещё одна культура между памятниками Кура-Аразской культуры эпохи энеолит и культурами Культепе-Шомутепе, истинной эпохи энеолита, т. е. до Кура-Аразской культуры и после культур Культепе и Шомутепе. Лейлатепе и другой гармонично созвучный во всех отношениях новый комплекс памятников были включены в археологическую литературу под названием «Культура Лейлатепе» открывшим эту культуру Идеалом Наримановым. С самого начала была условно обозначена его принадлежность к последней стадии энеолита.

Таким образом, археологические исследования и раскопки, проводимые за более чем полувековой период, создали условия для обобщения археологии Азербайджана эпохи энеолит и форме одного сборника. Охватив каждый из памятников энеолита, обнаруженных за последнее время во всех регионах Азербайджана, Идеал Нариманов успешно защитил в 1982 г. докторскую диссертацию, которая была высоко оценена корифеями археологической науки всего мира. Одним из аспектов, привлекших внимание к этой обобщенной работе, опубликованной в 1987 г. в виде отдельной монографии (Нариманов, 1987), было то, что, основываясь на исследуемых памятниках на территории Южного Азербайджана (нынешний Иранский Азербайджан), также не ускользнуло от внимания разъяснение степени развития той территории в период энеолита и, напротив, максимально используя имеющиеся возможности, была сделана попытка описать и проанализировать культуру периода

энеолит в масштабе всего Азербайджана. По сути, данная цель была полностью достигнута И.Нариманoвым.

4. Ceramic of the Neolithic (Керамика неолита)

При жизни Идеала Нариманова керамические памятники эпохи неолит, можно сказать, не изучались в Азербайджане. Первый памятник такого типа был зарегистрирован Яковом Гуммелем в 30-х гг. XX столетия в бассейне реки Гянджачай. В археологической литературе данный памятник известен под названием лагерь № 133. Лагерь располагался на левом берегу реки Гянджачай, на западе от г. Еленендорф (в советское время он назывался Ханлар, ныне – Гейгель), в зоне пересечения горной местности с равниной. Слой поселения периода неолит был значительно разрушен от воздействия углублений очагов и каменных опор здания позднего бронзового века. Почва вокруг лагеря – темно-коричневого цвета; поэтому извлеченные материалы покрыты темно-серыми пятнами. Обнаруженная здесь в неолитовом слое керамика имеет архаическое происхождение, а в нижней части устья имеются несколько отверстий. Основания имеют округлую форму. Однако на краю устья имеются надрезанные линии, керамики здесь очень мало. В лагере № 133 были найдены более 50 сердечников, сделанных из различных пород камней, часть из которых имеет тесанную форму, ножеобразные пластины, стреловидные предметы. Среди находок лагеря имеются кремневые скребницы, микролитовые орудия прямоугольной и трапециевидной формы, каменный молоток, мотыга и т. д. Вследствие того, что остатки костей находятся в плохом состоянии, не удалось определить принадлежность их вида. Но наличие керамических образцов (для сохранения белизны) свидетельствует о том, что обитатели лагеря разводили домашних животных (Нариманов, 1987: 35).

Другой памятник эпохи неолита, недалеко от Гянджачая, связан с Гиллигдагом. Здесь имеются следы, связанные с производством в древнее время кремниевого камня, отходы производства и много предметов готовой продукции. В Гилликдаге чаще всего встречаются каменные молотки, топоры и различные пластины (Гуммель, 1941: 27–40).

По предположению Я. Гуммеля и замечанию И. Нариманова, Гилликдаг и лагерь № 133 относятся к памятникам эпохи неолита. Керамические изделия этого лагеря № 133 указывают на то, что данный памятник значительно опережает памятники типа Шомутепе (Нариманов, 1987: 35).

В настоящее время в Азербайджане начался новый этап в изучении эпохи энеолита. Археологические исследования последних лет, тесный контакт с зарубежными учёными (в особенности с археологами из Франции, Японии и Германии), совместные исследования, обмен научными данными привели к возникновению ряда отличающихся мнений на проблему энеолита. Сюда включены многие вопросы, а также место и значение периода неолит, совместное и индивидуальное исследование пары (тандема) неолит – энеолит, единое значение этих двух стадий и/или принадлежность каждого из них к разным периодам, наличие переходной стадии и прочие подобные проблемы.

Одна группа исследователей считает, что вместо отдельно используемых выражений «неолит» и «энеолит», завоевавших до настоящего времени в археологической литературе право на гражданство, было бы более уместным использовать понятие «неолит – энеолит». А их более радикальные единомышленники, перещеголяв их, утверждают, что вообще нет необходимости в выражении «энеолит», а можно довольствоваться термином «неолит», что будет более приемлемым. Другие представители археологов нового поколения предпочитают вместо «энеолит» использовать более модное на Западе слово «халколит». В действительности за исключением нескольких «Шепиловцев» ведущую силу «старой гвардии» представляют сторонники сохранения в силе классического археологического разделения (неолит, энеолит). Другими словами, XXI век принёс с собой многочисленные научные споры и волну новых, различных идей.

В научной литературе имеются обширные данные о характерных признаках, ведущих чертах, цикле и т. д. каждого периода: палеолита, мезолита, неолита, энеолита, бронзового и первого железного века, отражающих различные этапы первобытно-общинного общества и издавна разграниченных

учеными мира соответствующими понятиями. А также в многочисленных произведениях высказывались самые разнообразные мнения о неолите и энеолите. Во многих случаях неолит классифицируется как качественно новый этап развития мезолита, а отличающимся свойством становится повсеместное формирование ремесленного хозяйства в эпоху неолита. При таком подходе на передний план выходит принцип сближения керамического неолита с энеолитом. С другой стороны, именно из-за этой особенности и большого сходства в развитии других отраслей производства они придают преобладающее значение вопросу о прямой взаимосвязи неолита с энеолитом. Всё это всегда находилось в центре внимания учёных, данный вопрос неоднократно выносился на повестку дня и всё ещё находится в процессе решения.

Известно, что переход к неолиту на разных территориях начинался и завершался в различные периоды. Например, неолит, начавшись в Ближневосточном регионе с IX–VIII тысячелетий до н. э., завершился в VI тысячелетии до н. э. (Иерихон, Зеви-Чеми-Шанидар, Чанидар, Хасилар, Чатал-Хоюк, Кармо, Джебель, Джейтун и др.), (Брентес, 1976: 16–130).

Предполагается, что на других территориях неолит охватывает формирование и конец пятого климатического периода, т. е. от тёплого и влажного атлантического периода (5500–2000 гг. до н. э.) до сухого, но жаркого климатического периода (до 1000 г. до н. э.) (Авдусин, 1977: 45). Неоспоримым является тот факт, что в зависимости от экологических, географических условий, природных и материальных ресурсов, а также вследствие многих других факторов неолит развивался в разные периоды и в отдельных регионах.

Как мы уже упоминали выше, в большинстве регионов Ближнего Востока, а также в Передней Азии был обнаружен и изучен комплекс грандиозных памятников, характерных для неолитового периода. Наряду с традиционными памятниками в качестве эталонного показателя важное место в их ряду занимают неолитовые памятники докерамического периода Анатолийского полуострова. Среди них Халлан Чеми Хойугу (методом С14 10.200 – 9.200 гг.), Чайону (10.200 – 8000 гг. до н. э.), Невали Чори, Гобеклитепе (каждый из двух памятников методом С14. 9.200 г. до н. э.), Гюрджютепе, Акарчай, Гритилли, Хаязхоюк, Джаферхоюк, Бойтепе, Сарайбахча, Ашыглыхоюк (в период между 8000–7500 гг. до н. э.), Галатепе, Мусулар, Джан Хасан Хоюк III и др. включают в себя памятники эпохи неолита при отсутствии керамики (Севин (Sevin), 2003: 18–147).

При повторном рассмотрении памятников периода неолит Анатолийского полуострова можно заметить следующее: керамические памятники периода неолит делятся здесь на две группы. Это памятники начального и позднего периода.

Среди керамических памятников первого периода неолит Чаталхоюк (7000–6500 гг. до н. э.), памятники Юмуктепе (7000 г. до н. э.), Чайону, Амик Оваси, Мезраа-Телейлат, Хоюгу, Куручай, (6700 г. до н. э), Бучак Овас (Хоюджек), Бадам-агаджи (Кызылкая) Хоюгу (6400–6100 гг. до н. э.), Кошхоюк, Ходжачешме Хоюгу (6400–6300 гг. до н. э) были включены в научную циркуляцию вместе с обширными археологическими исследованиями (Севин (Sevin), 2003: 48–67).

К памятникам второго или позднего этапа Неолита Анатолии относятся такие памятники, как Хаджилар, Гуручай II (6000 гг. до н.э.), Юмуктепе, Гозлукуле, Домузтепе, Кошхоюк, Джан Хасан, Улуджак, Архродисайас, Икихоюк, Фикиртепе, Пендик, Лиджапинар, Мектешехоюк и др. (Севин (Sevin), 2003: 67–77). Интересно, что многие из этих памятников были многослойными, отражали в себе как следы обитания этапа Неолита, так и Энеолита. Относительно памятников эпохи Энеолита, то количество поселений данного периода на территории Анатолии в несколько раз выше. Цель приведения вышеперечисленных примеров заключается не в изучении археологических памятников на территории соседней Турции, а всего лишь в демонстрации того, что жизни формировалась здесь с самых древних времен, и население было очень плотно заселено. Другой целью наших высказываний является наглядное обозначение того, что наши братья – турецкие археологи также выступают за классический принцип разделения этапов, как Неолит и Энеолит.

Прослеживание данной преемственности продолжающейся жизни создает для археологов благоприятные условия в изучении

проблемы потребительского хозяйства с самого начала до последующего этапа, изобилующего очень интересными, разнообразными и сложными процессами древности.

Изучение этого процесса на одинаковом уровне, как в Азербайджане, так и в целом в регионе Южного Кавказа, сопряжено с определенными трудностями. Дело в том, что трудный путь, начинающийся от классических памятников периода неолит, т. е. начиная с неолита до освоения производства керамики, развитие культуры ремесленного производства до его последней эпохи – периода энеолит – халколит практически не прослеживается в Азербайджане и на прилегающих к нему соседних территориях. К сожалению, за исключением известного до настоящего времени в научной литературе Килликдага, соответствующих слоев ряда палеолитических памятников, памятников Гобустана, неолитовый памятник, не вызывающий какого-либо сомнения, к сожалению, не был до сих пор полностью исследован**.** После составления и завершения данной статьи появилась информация Ф. Гулиева и Н. Мусеибли об обнаружении на территории Товузского и Агстафинского районов именно памятников-поселений неолита – Гаджиалламхан и Гырахкасаман. Если эта новость подтвердится, то идея принадлежности неолита и энеолита к действительно разным периодам окончательно доказывается.

Как мы уже упомянули выше, в свое время О. Габибуллаев высказал своё мнение о том, что в нижнем слое Культепе I, а И. Нариманов и Дж. Рустамов о том, что в нижней части Тойратепе, присутствует неолит, однако в начале 60-х гг. XX века они отказались от своих первоначальных предположений. Некоторые археологи высказывались о том, что «в конце своей жизни профессор Идеал сам признал, что исследованный им Шомутепе и другие такого типа памятники, относящиеся к эпохе «неолит», являются не чем иным, как необоснованным и далеким от действительности утверждением. Идеал Нариманов, которого я знал с 1970 г. и был его студентом, детально изучил его характер и стиль научной деятельности и утверждаю, что он никогда не скрывал своего мнения, а после окончательного формирования незамедлительно публиковал его.

В последние годы памятник Гейтепе (Товузский район), зарегистрированный ещё в 60 гг. XX века Идеалом Наримановым и включенный в монографию, которая была опубликована в 1987 г., некоторые исследователи, в том числе один из последних воспитанников Идеала Нариманова Ф. Гулиев, относят к эпохе неолита (Гулиев, 2013: 309–319).

Если данное предположение действительно подтвердится, для нас это будет хорошим известием. Однако следует помнить, что археология – это точная наука. В данной области следует вместо предположений аргументировать фактами. Те же слова можно причислить к памятнику Н. Мусеибли (Мусеибли, 2015: 50–53), исследование которого началось около деревни Гырагкесаман (зарегистрированное в свое время самим И. Наримановым под названием «Чепиш тепе»).

Summary (Выводы)

Как и во всех областях, мы ежегодно становимся свидетелями инноваций в науке археологии. На эту сферу также оказывает своё воздействие технический прогресс. За последние годы устанавливаются тесные взаимосвязи между рядом научных центров мира и сотрудниками Института археологии и этнографии НАНА: проводятся совместные мероприятия, применяются новые технологические методы. По этой причине многие постулаты, которые мы до сих пор воспринимали в качестве аксиом, уступают свое место новым постулатам. В этом случае мы также будем вынуждены внести коррективы в свои предположения**.** Однако на данный момент новые идеи находятся в начальной стадии и, скорее всего, в стадии гипотез. Итак, мы могли бы заявить, что представляем отношение к проблеме энеолита без изменений, с очень незначительными дополнениями, которые мы унаследовали от одного из корифеев археологии Азербайджана, Кавказа и, скажем без преувеличения, мировой археологии Идеала Нариманова.

После публикации статьи мы сумеем ответить на замечания и высказываемые претензии. Несомненно, в дальнейшем, если понадобится, в последующих исследованиях мы внесем коррективы.

Литература

1. Абибуллаев О.А. Некоторые итоги изучения холма Кюльтепе в Азербайджане // Советская Археология. – 1963. – № 3. –167 с.

2. Абибуллаев О.А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. – Баку: Элм, 1982. – 315 с.

3. Авдусин Д.А. Археология СССР. – Москва: Высшая школа, 1977. – 45 с.

4. Брентес Б. От Шанидара до Аккада. – Москва, 1976. – С. 16–130.

5. Габибуллаев О.А. Археологические раскопки в Культепе. – Баку, 1959. – 128 с.

6. Габибуллаев О.А. Первые итоги раскопок Кюльтепе // Материалы по истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана. – Баку, 1957. Т.II. – 94 с.

7. Гулиев Фархад, Нишияки Йочихиро и др. Археологические исследования в жилых поселениях Гейтепе и Хаджалламханлы в период Неолита // Археологические исследования в Азербайджане (2012). – Баку, 2013. – С. 309–327.

8. Гуммель Я.И. Памятники древности в окрестностях Килик-дага. –Изв. АФАН СССР. – 1941. – № 2. – С. 27–40.

9. Джафаров Х.Ф. Азербайджан в конце IV тысячелетия до н.э. – в начале I тысячелетия до н. э. г. Баку: Элм, 2000. –187 с. 101 таблица.

10.Иессен А.А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. – МИА СССР. – 1965. – № 125. – С. 10–17.

11.Куфтин Б.А. Урартский Колумбарий у подошвы Арарата и Кура-Аракский энеолит. ВГМГ. – Тбилиси, 1944. – Вып. XIII-B.

12.Мунчаев Р.М. Каякендское поселение и проблемы Кавказского энеолита // Советская Археология. – Вып. XXIII. – Москва, 1955. – С. 5–20.

13.Мусеибли Н.А. Поселение Беюк-Кясик эпохи Энеолита. – Баку: Нафта-пресс, 2008. – 228 с.

14.Мусеибли Н.А. Раскопки курганов Союгбулаг // Азербайджанская археология и этнография. – Баку, 2010. – № 1. – С. 5–29.

15.Мусеибли Н.А., Агаларзаде А.М., Ахундова Г.К. Археологические раскопки в поселении Чапиштепе, относящемся к культуре Шомутепе // Археологические исследования в Азербайджане (2013–2014). – Баку, 2015. – С. 50–53.

16.Нариманов И.Г. Археологические исследования поселения Шомутепе в 1963 году // В сб.: Археологические исследования в Азербайджане. – Баку, 1965. – С. 47–51.

17.Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. – Баку: Элм, 1987. – 260 с.

18.Нариманов И.Г. Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов. – Баку, 1985. – С. 271–272.

19.Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. – Ленинград, 1949. – 33 с.

20.Севин Вели. Анатолийская археология. Топкапы. – Стамбул, Дер йынлары, 2003. – 128 с.

References

1. Abibullaev O.A. Nekotorye itogi izuchenia holma Kültepe v Azerbaijane // Sovetskaia Arheologia. – 1963. – № 3. –167 s.

2. Abibullaev O.A. Eneolit i bronza na teritorii Nahichevanskoi ASSR. – Baku: Elm, 1982. – 315 s.

3. Avdusin D.A. Arheologia SSSR. – Moskva: Vysşaia şkola, 1977. – 45 s.

4. Brentes B. Ot Şanidara do Akkada. – Moskva, 1976. – S. 16–130.

5. Gabibullaev O.A. Arheologicheskie raskopki v Kültepe. – Baku, 1959. – 128 s.

6. Gabibullaev O.A. Pervye itogi raskopok Kültepe // Materialy po istorii Azerbaijana. Trudy Muzeia istorii Azerbaijana. – Baku, 1957. T.II. – 94 s.

7. Guliev Farhad, Nişiaki İochihiro i dr. Arheologicheskie issledovania v jilyh poseleniah Geitepe i Hajallamhanly v period Neolita // Arheologicheskie issledovania v Azerbaijane (2012). – Baku, 2013. – S. 309–327.

8. Gummel İa.İ. Pamätniki drevnosti v okrestnostäh Kilik-daga. –İzv. AFAN SSSR. – 1941. – № 2. – S. 27–40.

9. Jafarov H.F. Azerbaijan v konse IV tysächeletia do n.e. – v nachale I tysächeletia do n. e. g. Baku: Elm, 2000. –187 s. 101 tablisa.

10.İessen A.A. İz istoricheskogo proşlogo Milsko-Karabahskoi stepi. – MİA SSSR. – 1965. – № 125. – S. 10–17.

11.Kuftin B.A. Urartski Kolumbari u podoşvy Ararata i Kura-Arakski eneolit. VGMG. – Tbilisi, 1944. – Vyp. XIII-V.

12.Munchaev R.M. Kaiakendskoe poselenie i problemy Kavkazskogo eneolita // Sovetskaia Arheologia. – Vyp. XXIII. – Moskva, 1955. – S. 5–20.

13.Museibli N.A. Poselenie Beiuk-Käsik epohi Eneolita. – Baku: Nafta-pres, 2008. – 228 s.

14.Museibli N.A. Raskopki kurganov Soiugbulag // Azerbaijanskaia arheologia i etnografia. – Baku, 2010. – № 1. – S. 5–29.

15.Museibli N.A., Agalarzade A.M., Ahundova G.K. Arheologicheskie raskopki v poselenii Chapiştepe, otnosäşemsä k külture Şomutepe // Arheologicheskie issledovania v Azerbaijane (2013–2014). – Baku, 2015. – S. 50–53.

16.Narimanov İ.G. Arheologicheskie issledovania poselenia Şomutepe v 1963 godu // V sb.: Arheologicheskie issledovania v Azerbaijane. – Baku, 1965. – S. 47–51.

17.Narimanov İ.G. Kültura drevneişego zemledelchesko-skotovodcheskogo naselenia Azerbaijana. – Baku: Elm, 1987. – 260 s.

18.Narimanov İ.G. Obeidskie plemena Mesopotamii v Azerbaijane // Vsesoiuznaia arheologicheskaia konferensia «Dostijenia sovetskoi arheologii v XI pätiletke». Tezisy dokladov. – Baku, 1985. – S. 271–272.

19.Piotrovski B.B. Arheologia Zakavkäzä. – Leningrad, 1949. – 33 s.

20.Sevin Veli. Anatoliskaia arheologia. Topkapy. – Stambul, Der iynlary, 2003. – 128 s.

Джафаров Г.Ф.
Әзірбайжан мемлекеттік экономикалық университеті – UNEC
Баку қ., Әзірбайжан
e-mail: *hidayet-jafar@mail.ru*
hidayetjafarov1946@gmail.com

НЕОЛИТ-ЭНЕОЛИТ ТАНДЕМІ ТУРАЛЫ

Ұсынылып отырған мақалада алғашқы қауымдық жүйенің негізгі кезеңін қамтитын неолит – энеолит кезеңдерімен байланысты бірқатар мәселелер қарастырылған. Фактілерге сүйене отырып, «неолит» және «энеолит» ұғымдары нақтыланып, олардың хронологиялық реттілігіне байланысты болжамдар талданады. «Энеолит» ұғымын жоққа шығаратын кейбір зерттеушілерге қарағанда автор екі кезеңнен – керамикаға дейінгі және керамикалық кезеңдерден тұратын неолит кезеңінің өзі тұрмыстық саладағы жинаудан өндіріске көшумен сипатталатынын көрсетеді. Ұқсастықтары көп болғанымен, жаңа белгілердің айтарлықтай саны энеолит кезеңін неолит кезеңінен ажыратады. Бұл металды қолданудың басталуы, отандық өндірістің жаңа кезеңде дамуы, ерлі-зайыптыларға көшу, өндірістің әртүрлі салаларындағы жаңалықтар, құрылыс техникасындағы жаңалықтар және т.б. Осы белгілерді ескере отырып, автор неолит дәуірі концепциясы мен энеолит концепциясын дәстүрлі бөлу жүйесіне сәйкес сақтау дұрысырақ болар еді деп есептейді.

Кілт сөздер: *Әзірбайжан, неолит, энеолит, ескерткіштер, артефактілер.*

Jafarov G.F.
Azerbaijan State Economic University – UNEC
Baku, Azerbaijan
e-mail: *hidayet-jafar@mail.ru*
hidayetjafarov1946@gmail.com

ABOUT NEOLITHIC-ENEOLITHIC TANDEM

Several issues, relating to the Neolithic-Eneolithic stage, covering the main stage of the primitive communal system are discussed in this article. On the basis of the facts, the concepts of the Neolithic and Eneolithic are clarified, the assumptions regarding their chronological sequence are analyzed. In contrary to denial by several researchers of the Eneolithic concept, the author indicates, that the Neolithic period is characterized by two stages - the pre-ceramic period and ceramic period and transition from gathering to handicraft production. Although there are many similarities, the Eneolithic period is distinguished from the Neolithic period with many new features. This includes beginning of metal use, development of household production in the new stage, transition to a married couple, introduction of novelties in various areas of household, innovations in construction tools and much more. Taking into account these parameters, the author believes, that preservation of Neolithic and Eneolithic periods in accordance with traditional division system would be more corresponding.

Keywords: *Azerbaijan, Neolithic, Eneolithic, sites, artefacts.*

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.06

Джафарова Д.
Институт археологии и этнографии НАНА
г. Баку, Азербайджан
e-mail: *dianajafarova@yahoo.com*

ПАМЯТНИКИ КАРАБАХСКОЙ ГРУППЫ ХОДЖАЛЫ-КЕДАБЕКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНОВ ДОВШАНЛЫ – БАЛЛУКАЯ – АХМАХИ)

В статье освещается краткая история изучения археологических памятников горного Карабаха, а также результаты раскопок в группе курганов, расположенных в долине реки Хачынчай, произведенных в 90-х годах XIX века Э. Реслером. Это курганы Довшанлы, Ахмахи, Баллукая, датируемые вторым этапом развития Ходжалы-Кедабекской археологической культуры, то есть XII–XI вв. до н. э.

В Довшанлинской группе были раскопаны два кургана, в группе Ахмахи – пять курганов, а в Баллукая – три кургана. Исходя из того, что, за редким исключением, во всех группах этих памятников прослеживается схожий тип погребений (подкурганные каменные склепы), обряд захоронения (одиночные, или коллективные, в основном ингумация) и состав артефактов (керамика, бронзовые, кремневые или обсидиановые оружия, конские сбруи, украшения) – они объединены в единый комплекс.

Анализ материалов комплекса Довшанлы – Ахмахи – Баллукая позволяет установить, что в эпоху поздней бронзы и раннего железа во всем Азербайджане и в частности в Карабахе общественно-политическое и социально-экономическое развитие достигают нового, более высокого уровня.

Ключевые слова: *Азербайджан, Карабах, Довшанлы, памятники, культура, курганы, артефакты.*

Введение (общие сведения)

Среди памятников Ходжалы-Кедабекской археологической культуры, хронологические рамки которой, по последним данным, определяются XIV–VIII вв. до н. э., особое место занимает Карабахская группа. В числе этих памятников по некоторым особенностям выделяются курганы, расположенные у сел Довшанлы – Ахмахи – Баллукая – Сырхавенд. Эти памятники, как и многие другие археологические комплексы, впервые были зафиксированы преподавателем Шушинского реального училища Эмилем Александровичем Реслером. Получив разрешение от Российской императорской археологической

комиссии на проведение поисков и раскопок археологических памятников, он в 1891–1898 гг. развернул бурную деятельность в Нагорной и частично предгорной зоне Карабаха на территории Азербайджана (Джафаров, 2000: 6–7). Сюда входят археологические памятники Шуши и ее окрестности, а также т. н. каменные ящики около сел Дашалты, Чанахчи, Мехтикенд (Гуммель, 1939: Листы 42, 57; QAK, 1998: 155; Гуммель, 1939: Л., 10–26, 44–51; ZEVBGAEU, 1892: 566–568; ZEVBGAEU, 1894: 213–221.; Гуммель, 1939: Л., 48; QAK, 1897: стр. 51; Гуммель, 1939: Л., 44–45; QAK, 1898: 109; Гуммель, 1940: Л., 41–47, 57, 58; QAK, 1900: 99, 150, 154–155; ZEVBGAEU, 1899: 418–423, 278–279; Гуммель, 1931: Л. 42, 57).

Почти одновременно Э. Реслер в силу своих возможностей, в основном в свободное от преподавательской деятельности время, обследовал памятники Ходжалы, Баллукая – Сырхавенд, Хачынчай, Дамголу, Довшанлы, Ахмахи, Серти, Сенгер, Кетти-тепе и др., расположенные в горных регионах, а также Гюлаблы, Гаракепектепе, Гала-тепе – в предгорной зоне. Он проводил археологические работы в различных точках Карабаха вплоть до перевода его в 1898 г. в город Гянджа (к нашему великому сожалению, все перечисленные памятники, как и другие, расположенные на территории соседних Лачинского, Кельбаджарского, Кубадлинского, Джебраильского, Физулинского, Агдамского районов, с начала 90-х гг. XX в. находились под оккупацией армянских вооруженных сил и были освобождены доблестной азербайджанской армией 10 ноября 2020 года). В последующем (в 1896, 1926, 1938–1939, 1954–1956 гг., в 1984 г.), помимо Э. Реслера, в некоторых памятниках, например, в Ходжалы, Ханкенди, Гюльятаге, Карабулаке, А. Ивановским (Ивановский, 1911: 143–186), И. Мещаниновым (Мещанинов, 1927: 104–107; Мещанинов, 1926: 217–240; Джафарзаде, 1941: 15–26), Я. Гуммельем (Дело АК, 1967: 67; Дело АК, 1981: 52, 77–82; Дело АК, 1996: 82–88; Дело АК, 1996: 1–2; Дело АК, 1997: 212–213), К. Кушнаревой (Кушнарева, 1957: 370–386), Г. Джафаровым (Джафаров, 1997: 153–162) были проведены кратковременные археологические раскопки. Но, как это не парадоксально, до сих пор основным источником по изучению древних материальных остатков горной части населения Карабаха остаются результаты археологических раскопок Э.А. Реслера. Он не был профессиональным историком и археологом, его методы ведения раскопок были примитивными; как и всех остальных, в тот период работавших «археологов», его интересовали только целые предметы, он не обращал внимания на обломки и фрагменты. Раскопки проводил только в центральной части курганов путем проведения траншеи. О принадлежности раскопанных памятников, материальной культуры к местному, азербайджанскому населению, ни разу не упомянул. Артефакты отправлял в Москву (ГИМ), Санкт-Петербург (Эрмитаж), в некоторых случаях в Германию и т. д. Оговоримся, что некоторые второстепенные предметы им были оставлены в Шушинском реальном училище, а затем странным образом оказались в Тифлисском историческом музее. Э. Реслера можно обвинять во многих ошибках и заблуждениях, но в силу многих объективных и субъективных причин основные памятники горного Карабаха были раскопаны этим т. н. «примитивным» археологом. Кроме всего этого, в силу оккупации указанных выше территорий вести какие-либо археологические изыскания по крайней мере пока не представляется возможным. Поэтому возвращение время от времени к этим памятникам и наши попытки освежить память молодому поколению оправданы со всех точки зрения.

Начав раскопки в Шуше и ее окрестностях, Э. Реслер в 1893 г. приступил к обследованию курганных памятников Довшанлы (Гуммель, 1939 (почему-то отчеты раскопок 1891, 1893 и 1894 гг. были представлены как раскопки 1891 года): Л. 52–61; ZEVBGAEU, 1894: 221–235, рис. 12 (рисунки кургана), рис. 13 (схематический рисунок погребения); ZEVBGAEU, 1894: 228–233, рис. 11–54; Кушнарева, 1957: 137, 140, 141, рис. 2, 1–14, рис. 3, 1–7, рис. 4; Джафаров, 2020: 148–152). Село Довшанлы расположено на левом берегу реки Хачынчай, протекающей по глубокому и живописному ущелью. Рядом находилась группа конусообразных курганов, сооруженных из чернозема и речных булыжников различной величины. Там, где находятся курганы, открывается захватывающая и прекрасная панорама на нагорья Карабаха. Наши предки воистину были ценителями красоты окружающей природы. Даже для загробного мира своих сородичей они выбирали экологически чистые, покрытые

пышной зеленью господствующие высоты с прекрасной панорамой, на берегу реки или рядом с родниками.

В 1893 г. Э. Реслер начал обследование на одном кургане, но не довел раскопки до конца. В следующем, 1894 г., приступая к раскопкам, выяснил, что тот курган разграблен местным населением. Ему удалось собрать у населения остатки бронзового шлема и фрагмента бронзового пояса, каменных (кремневых) наконечников стрел. По сообщению населения, там были еще какие-то бронзовые предметы (например, фигуры барса?) (Джафаров, 2020: 140). В 1894 г. Э. Реслер в двух курганах Довшанлинской группы памятников вел археологические раскопки. Курганы Довшанлы, как правило, сооружены из чернозема и речных каменных валунов. По форме конусообразные. О наличии кромлеха ничего не сообщается.

Комплексы
Довшанлы – Ахмахи – Баллукая

Курганы Довшанлы

Курган № 1 (Гуммель, 1939: Л. 52–61; ZEVBGAEU, 1894: 221–235, рис. 12 (рисунки кургана), рис. 13 (схематический рисунок погребения); Джафаров, 2020: 140–41). Насыпь этого конусообразного Карабахского большого кургана была сложена из земли, мелкого гравия и крупных речных камней. Диаметр у основания – 27 м, высота – 10 м. Под насыпью на глубине 3 м был зафиксирован вместительный т. н. «каменный ящик», сложенный из крупных неотесанных плит. Размеры каменного ящика: длина – 3,7 м, ширина – 1,4 м, глубина – 1,56 м. Ящик был перекрыт такими же пятью каменными неотесанными плитами. Могила была заполнена речным просеянным песком, дно было земляное.

По сведению Э. Реслера, в могиле были захоронены четыре покойника: основной захороненный (племенной вождь) и три сопровождающих. Останки основного захороненного покоились в юго-восточной части могильной камеры, головой на восток, в вытянутой позе, на спине, с руками вдоль туловища; на голове у него был бронзовый налобник (диадема?), рядом находились бронзовые меч, кинжал, навершие посоха, плоское долото, а у ног стоял керамический сосуд, наполненный раковиной «каури» из семейства «купре монета».

Остальные три сопровождающих покойника были захоронены в разных углах могильной камеры в скорченном положении, на правом боку. Причем, по Э. Реслеру, двое из них были мужчины-воины, а третий скелет принадлежал женщине (жене или наложнице, хотя твердое доказательство этому не приводится). Один из мужеских скелетов находился в юго-западном углу, голова его была обращена к востоку. На черепе найдены остатки бронзового шлема, а рядом лежали удила, вилы, кинжал, а также мелкие украшения; останки второго покойника (тоже мужчины) лежали в средней части у северной стены могильной камеры. На его черепе также сохранились остатки бронзового шлема, рядом были найдены вилы, удила, браслеты, каменная ступка. Третий покойник, предположительно женщина, находился в северо-западном углу камеры, головой к востоку. На лбу была диадема из плохо сохранившейся листовой бронзы, на пальцах были надеты бронзовые кольца, на ногах – бронзовые браслеты, а рядом стоял маленький сосуд, заполненный сердоликовыми и золотыми бусами, а также бронзовыми украшениями.

Таким образом, обряд захоронения и остатки материальных образцов доказывают, что этот курган был предназначен для местного племенного вождя. Нижеперечисленные многочисленные и разнообразные артефакты являются тому подтверждением. Итак, предметы из кургана № 1: узкий, своеобразно изготовленный бронзовый меч; бронзовые наконечники стрел с длинными опушенными крыльями, т. н. «Карабахского типа» (40 штук); обсидиановые наконечники стрел миндалевидной формы, с выемкой у оснований (15 шт.); 4 бронзовых кинжала с ажурными набалдашниками «Гянджа-Карабахского» типа; бронзовый топор – секира, хорошо известная в памятниках второго этапа развития Ходжалы-Кедабекской археологической культуры; 4 экземпляра бронзовых удил классического типа; 3 экземпляра бронзовых втульчатых вил с двумя зубцами; 2 бронзовых втока; шлем из листовой бронзы; 2 бронзовых ножа; бронзовые орудия долотообразной формы со спиральным вкованным бронзовым орнаментом; очень красивая бронзовая пряжка для пояса с

инкрустациями из полудрагоценных камней и четырьмя головками каких-то хищников; бронзовое колечко с такой же головкой; кругло-выпуклые бронзовые бляхи – обоймы с пастовыми вставками; круглая бронзовая бляха – обойма со спиральным орнаментом и пастовой сердцевиной; бронзовое кольцо с выкованным спиральным орнаментом; различные бронзовые браслеты; кольца, бляшки, щипчики, шилья. Больше всего в погребении находилось различных по форме и назначению, богато орнаментированных керамических сосудов (40 экземпляров), а также 350 штук различных бус и подвесок *(рис. 1, 2)*.

Курган № 2 (Гуммель, 1940: *Л*. 34–41; QAK за 1896: 17; ZEVBGAEU, 1896: 90; Кушнарева, 1957: 141–142, 145; *Джафаров Г.Ф. Древний* Карабах, стр. 141–142). Он был расположен в 420 м восточнее кургана № 1 и 60 м севернее дороги, идущей параллельно реке Хачынчай. Насыпь также имела конусообразную форму, однако, в отличие от первого, несколько сплющенную сверху. Диаметр у основания достигал 16 м, диаметр верхней площадки – 6,4 м, высота – 5,5 м. Насыпь состояла, как и в первом кургане, из чернозема, перемешанного с булыжником. На глубине 3 м, на искусственно сооруженной земляной платформе, были вскрыты, как описывает Э. Реслер, три прямоугольные могильные камеры, лучеобразно расходящиеся в трех направлениях: условно обозначенные литерами «а», «б» и без обозначения, так как оно осталось без обследований, т. е. вне передела раскопа; могила «а» – с С.–З. на Ю.–В., могила «б» – с С.–В. на З., третья могила, не попавшая в узкую траншею раскопа, осталась неисследованной, однако, как указано в чертеже Э. Реслера, она была ориентирована с Ю.–З. на С.–В. За исключением глубины (1,2 м) размеры могилы не указаны. В каждой могиле по одному были обнаружены останки покойника, уложенного на спине, в вытянутом положении, ногами к общему центру, с сопровождающим инвентарем. После совершения погребального процесса могила была засыпана землей и булыжником, а затем была сооружена курганная насыпь.

В могиле «а», судя по описанию Э. Реслера, был захоронен юноша, череп которого принадлежал к долихоцефальному (длинноголовому) типу. На черепе обнаружены остатки бронзового венчика (показатель принадлежности к высшему сословию), а рот был заполнен золотой пылью (еще одно доказательство о принадлежности к семейству вождя племени). По правой стороне покойника лежал череп лошади, здесь же были зубы кабана, бронзовые кольца, сердоликовые бусы. Слева от скелета был положен кувшин с рифленой поверхностью, около бедра лежали меч, кинжалы, вилы, наконечники, копья и т. д. В могиле «б» был обнаружен скелет без черепа. Около останков покойника находились бронзовые наконечники стрел с опущенными крыльями, обсидиановые наконечники стрел миндалевидной формы, фрагменты керамических сосудов, удила, отдельные элементы конского убора. Там же были найдены отдельные кости лошади, собаки, и, по словам Э. Реслера, кости хищных птиц.

Итак, обнаруженные в Довшанлынском кургане № 2 артефакты: цельнолитый бронзовый меч с деревянными вставками на рукоятке, двузубые бронзовые вилы, три экземпляра бронзовых удил, бронзовые кинжалы с деревянными вставками на рукоятке (два экземпляра), два простых бронзовых кинжала, бронзовый узкоперый наконечник копья, тридцать экземпляров бронзовых наконечников стрел с опущенными крыльями, шесть экземпляров обсидиановых наконечников стрел, рукоятка долотообразного орудия, украшенная спирально выкованными бронзовыми лентами и инкрустированная цветными камнями, бронзовые ножи, бронзовое кольцо с каменными вставками, бронзовые выпукло-круглые бляхи-обоймы с пастовыми вставками, бронзовые пуговицы, костяные бляшки с бронзовой инкрустацией. Бронзовое колечко с птицеобразной головкой, бронзовый молоточкообразный литой предмет, крупная сердоликовая бусина боченкообразной формы, керамический одноручный кувшин с рифленой поверхностью, маленький полый цилиндр из листового золота с тисненными изображениями животных *(рис. 3)*.

Курганы Баллукая – Сырхавенд

Эти деревни, как и Довшанлы, находятся на левом берегу р. Хачынчай, в небольшой живописной долине, окруженной с трех сторон лесистыми горами, на расстоянии 8 км восточнее села Довшанлы. Расстояние

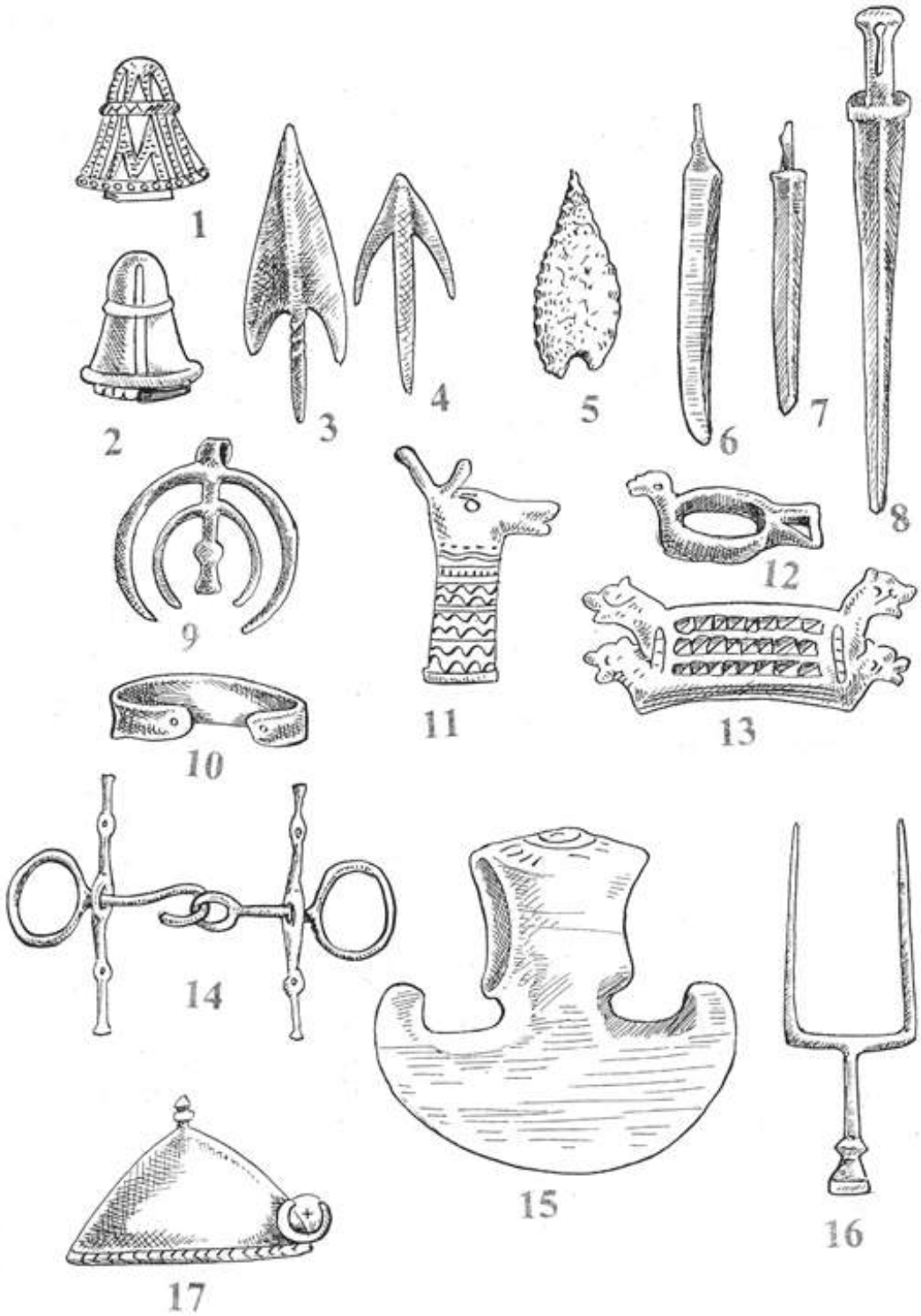

Рис. 1. *Предметы из кургана № 1 Довшанлы: 1, 2, 7, 8 – кинжалы; 3, 4, 5 – наконечники стрел; 6 – нож; 9, 10 – браслет и лунница; 12, 13 – пряжки от пояса; 17- украшение в виде шлема; 14 – удила; 15 – топор-секила; 16 – вилы*

Fig. 1. *Items from barrow № 1 Dovshanly: 1, 2, 7, 8 – daggers; 3, 4, 5 – arrowheads; 6 – knife; 9, 10 – bracelet and crescent; 12, 13 – buckles from the belt; 17 – decoration in the form of a helmet; 14 – bit; 15 – ax-axe; 16 – pitchfork*

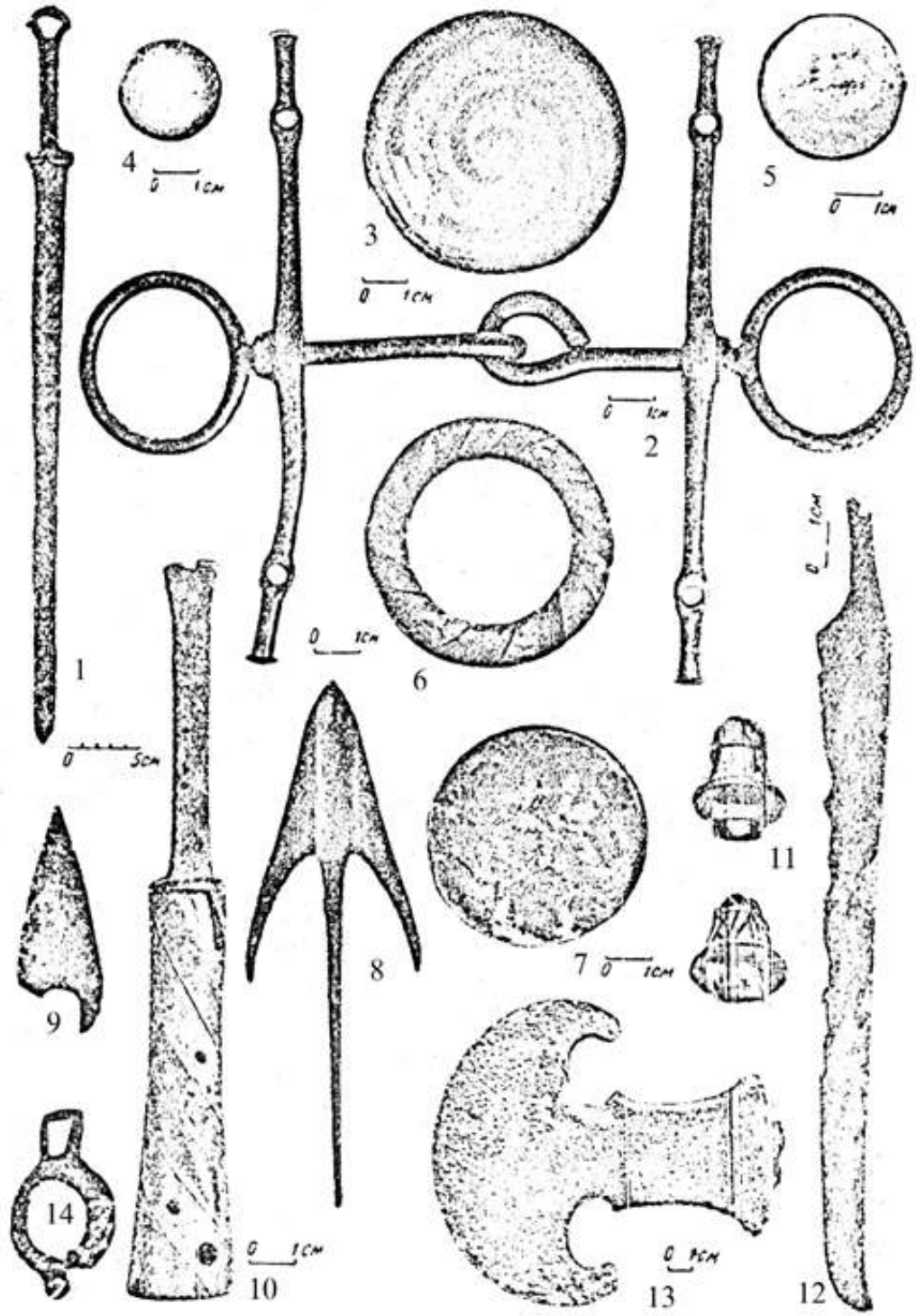

Рис. 2. *Предметы из кургана № 1 Довшанлы: 1 – меч; 2 – удила; 3, 7 – бляхи; 4, 5 – пуговицы; 6 – кольцо; 8, 9 – наконечники стрел; 10 – долото; 11 – кинжалы; 12 – нож; 13 – секира; 14 – колечко-пряжа*

Fig. 2*. Items from barrow № 1 Dovshanly: 1 – sword; 2 – bit; 3, 7 – plaques; 4, 5 – buttons; 6 – ring; 8, 9 – arrowheads; 10 – chisel; 11 – daggers; 12 – knife; 13 – ax; 14 – ring yarn*

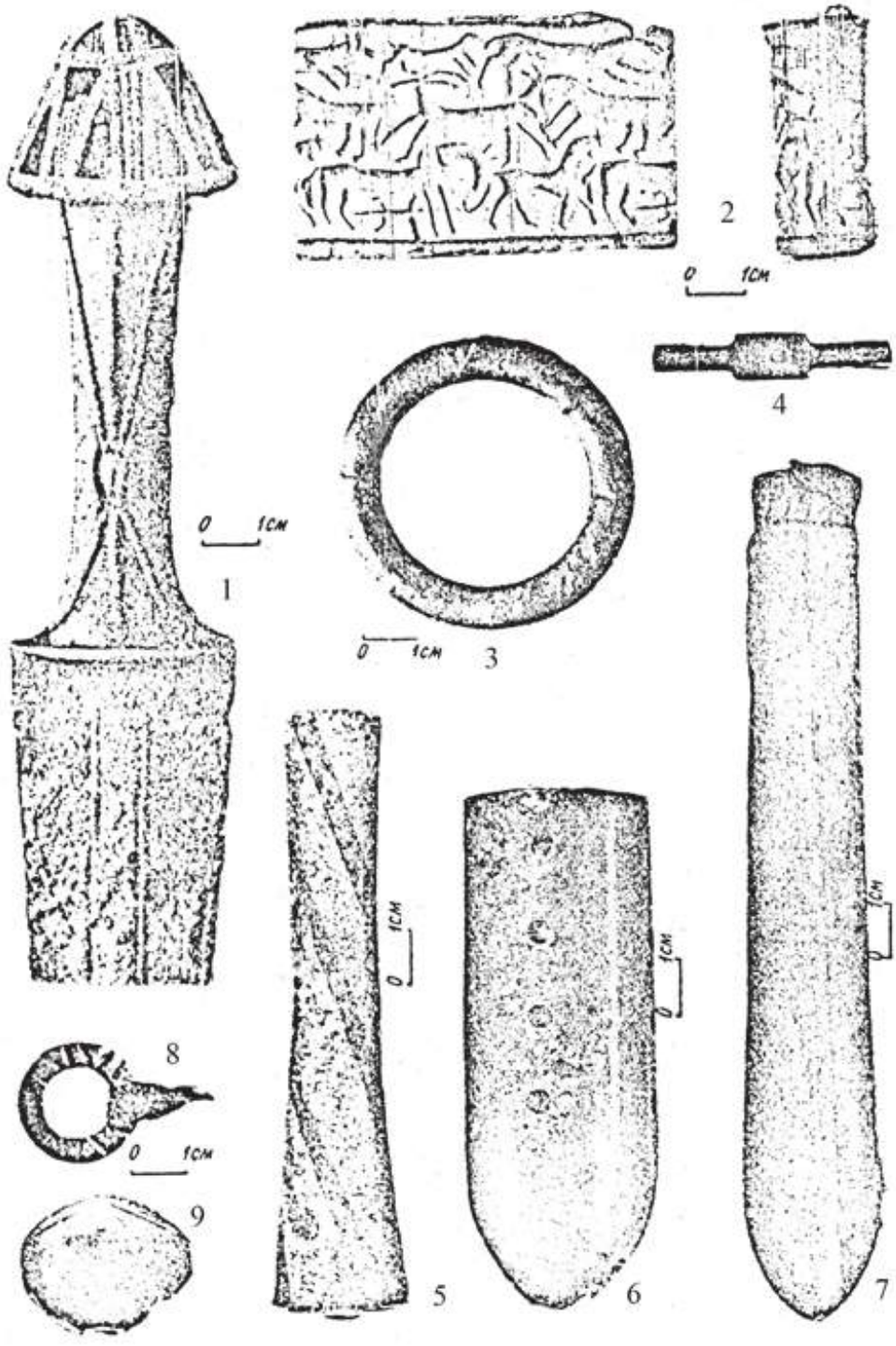

***Рис. 3**. Предметы из курганов № 1 (16) и № 2 (1-5, 8, 9) и из кургана № 1 Баллукая (7): 1 – кинжал; 2 – золотой цилиндр; 3 – кольцо; 4 – молоткообразный предмет; 5 – рукоятка орудия; 6, 7 – втоки; 8 – колечко; 9 – бусина*

***Fig. 3.** Items from barrows № 1 (16) and № 2 (1-5, 8, 9) and from barrow № 1 of Ballukaya (7): 1 – dagger; 2 – golden cylinder; 3 – ring; 4 – hammer-shaped object; 5 – gun handle; 6, 7 – inflows; 8 – ringlet; 9 – bead*

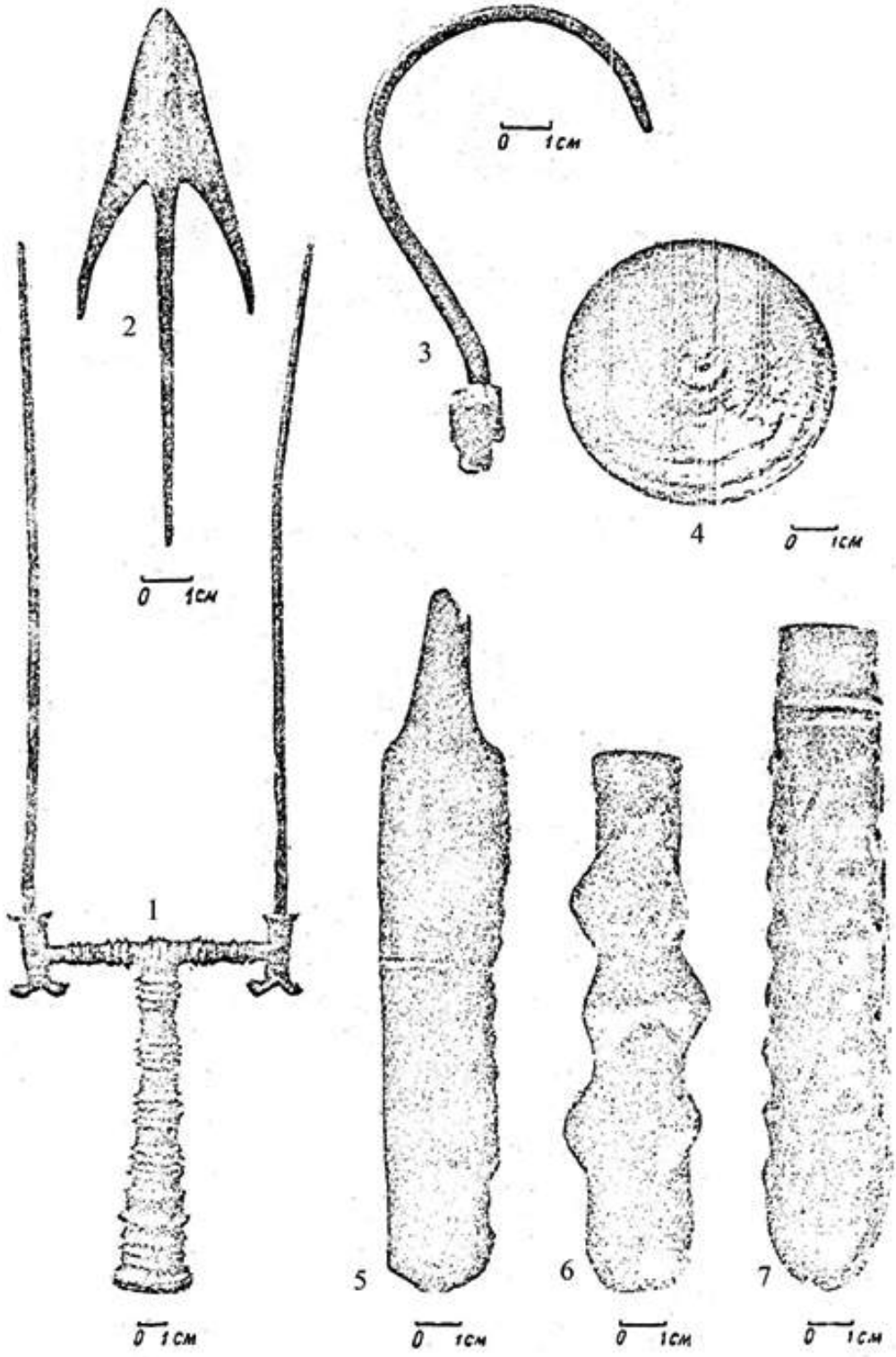

Рис. 4. *Предметы из курганов № 1 Баллукая-Сирховед: 1 – вилы; 2 – наконечник стрелы; 3 – крюк; 4 – бляха; 5 – нож; 6, 7 – втоки*

Fig. 4. *Items from mounds № 1 of Ballukaya-Sirkhoved: 1 – pitchfork; 2 – arrowhead; 3 – hook; 4 – plaque; 5 – knife; 6, 7 – inflows*

между селениями Баллукая и Сырхавенд – 1 км. В архивные материалах, а также в отчетах Э. Реслера, опубликованных как в немецком издании (ZEVBGAEU, 1899: 258), так и в сборнике Императорской археологической комиссии (QAK, 1900: 160), приводятся разные данные относительно раскопок курганов Баллукая и Сырхавенд. Естественно, при ознакомлении с материалами такое разночтение создает путаницу. Однако сравнение всех имеющихся данных позволяет выяснить следующие моменты: судя по всему, Э. Реслер вел раскопки в курганах, расположенных между селениями Баллукая и Сырхавенд в два приема – в 1894 г. и 1897 г. (Гуммель, 1940: *Л*. 44–52; Гуммель, 1931: *Л*. 216–217, 218–219; QAK, 189: 19; ZEVBGAEU, 1897: 258–261, рис. 20 (Схематический план размещения курганов Баллукая – Сырхавенд, стр. 147). В 1894 г. он начал раскопки в кургане № 1, но по какой-то причине не довел их до конца. После длительного перерыва, в 1897 г. раскопки здесь возобновились, и, помимо кургана № 1, были исследованы еще два кургана – № 2 и 3. В связи с тем, что сведения об этих двух курганах отрывочные (Кушнарева., 1957: 147, рис. 10, 1–7, рис. 11, 1–4), они долгое время оставались вне поля зрения исследователей. На них впервые обратил внимание Г. Джафаров (*Джафаров*, 2020: 143). Как было установлено, в кургане № 2, под насыпью из песка и камней, на глубине 3 м был обнаружен толстый слой (60 см) золы, где находились обгоревшие и обуглевшие фрагменты человеческих костей со следами окисления (от бронзовых предметов?), также зубы и кости крупного рогатого скота, обломки бронзовых листов и керамики.

В кургане № 3, раскопанном в том же году, на глубине 0,75 м курганной насыпи были обнаружены останки человека в скорченном положении, обложенные камнями. Рядом находились фрагменты от толстостенного керамического сосуда. Как отмечает Г. Джафаров, видимо, отрывочность и скудность археологических материалов послужили причиной того, что исследователи не обратили должного внимания на эти половинчато исследованные памятники (*Джафаров*, 2020: 143). Между тем внимательный анализ полученных данных, даже очень скудных, позволил установить, что в кургане № 2 был совершен обряд трупосожжения, т. е. кремация покойника (*Джафаров*, 2020: 143).

Баллукая-Сырхавендский курган № 1, раскопанный в два приема (1894 и 1897 гг.), был расположен между двумя селениями, ближе к селению Сырхавенд. Курган, диаметром у подножья 22 м, а у верхней площадки – 10 м, высотой – 9 м, был сложен из песка и земли, без камня. На глубине 5 м было обнаружено множество остатков истлевшего дерева (*Джафаров*, 2020: 143). По-видимому, они являлись остатками деревянного помоста, предназначенного для захоронения богатого члена племенной верхушки. Найденный на дне могилы круглый камень, по мнению Э. Реслера, служил одним из столбов для поддержки деревянного помоста. Однако так как он вел раскопки узкой траншеей, точные размеры могильной камеры и обряд захоронения не были установлены. В могиле, как и во втором кургане Довшанлы, были обнаружены останки человека без черепа. Здесь же были найдены кости лошади, быка и собаки. Рядом находились металлические и костяные предметы, керамические сосуды; маленькие сосуды были вложены в более крупные. В целом инвентарь из кургана включал следующие артефакты: небольшие двузубые бронзовые вилы, скрепленные деревянными штифтами и украшенные рельефными головками хищников; бронзовые наконечники стрел с опущенными по бокам крыльями; бронзовый крюк; 4 бронзовых массивных втока с различными украшениями; бронзовые кольца; костяные поделки; массивная круглая бляха – обойма со спирально вкованной бронзовой лентой, бронзовый нож *(рис. 4)*.

Керамика из этого кургана: небольшой чернолощеный кувшин с одной ручкой и с врезным орнаментом, также небольшой широкогорлый чернолощеный одноручный кувшин с сетчатым и волнообразным орнаментом, похожий кувшин, украшенный лощением в виде широких вертикальных и волнообразных линий, фрагмент крупного сосуда с врезным орнаментом.

Артефакты по хронологии идентичны с курганами Довшанлы и датируются XII–XI вв. до н. э.

Курганы Ахмахи

Несомненно, расположения всех курганных групп как на левобережье, так и на правобережье реки Хачынчай являются не случайностью, а

носят закономерный характер. Дело в том, что долина реки Хачынчай во всех отношениях выгодно отличается от других прилегающих территорий; здесь и прекрасные лесные массивы, обилие родниковых вод, плодородная долина, возвышенности с красивыми пейзажами и т. д. Поэтому то, что следующие курганные группы расположены возле селения Ахмахи, а также находятся ближе к долине Хачынчай, не кажется удивительным. Только в отличие от памятников Довшанлы – Баллукая, Ахмахинские курганы были зафиксированы на правобережной зоне, недалеко от курганов эпохи ранней бронзы, также раскопанные Э. Реслером. В 1897 г. он из восьми курганов только в пяти вел археологические раскопки, так как, как отмечает сам Э. Реслер, три из них были разграблены местным населением до его прихода (Гуммель, 1931: 219; ZEVBGAEU, 1899: 261–262; OAK за 1897 г., səh. 157). Курганы, в которых Э. Реслер вел археологические раскопки, следующие:

Курган № 1. Насыпь кургана в плане удлиненного конуса высотой 1 м, диаметром у основания около 16 м, а верхней площадки – 5 м, состояла из песка и камней. Под насыпью кургана была выявлена погребальная камера в виде каменного ящика (размеры: 2,4 м * 1,2 м * 1,5 м), ориентированного с запада на восток и покрытого каменными плитами большего размера. Дно могилы было земляное.

В могиле были выявлены останки четырех покойников. У восточной стены лежал скелет основного захороненного (племенной вождь), уложенного на правом боку, ориентированного с запада на восток, со сложенными на животе руками. Как пишет Э. Реслер, череп скелета принадлежал долихоцефальному типу. Рядом с покойником находились следующие артефакты: керамические сосуды грубой выделки (4 экз.), наполненные золой и костями мелких животных, бронзовый кинжал и нож, бронзовый литой наконечник копья, кремневые миндалевидные наконечники стрел. О к о л о западной, северной и южной стенок находились три других скелета, похороненных в сидячем положении; головы их были обращены в центр могилы, руки уперты в землю. Около них лежали мелкие предметы – кольцо и бусы, шило и т. д. Черепа этих сопровождающих основного (главного) покойников принадлежали к брахицефальному типу (Гуммель, 1931: *Л.* 220–221; ZEVBGAEU, 1899: 262–264, рис. 29 (схематический план погребения № 1), рис. 21–28 (артефакты); Джафаров , 2020: 144).

Курган № 2 (Гуммель, 1931: *Л.* 222; QAK, 1900: 158, 264–265, рис. 40 (схематический план второго кургана); Джафаров, 2020: 144–145). Курган был расположен около 400 м западнее кургана № 1. Под курганной насыпью, состоящей из песка и крупных камней высотой 2,5 м, диаметром у подошвы 16 м, а в верхней площадке 6,7 м, был обнаружен каменный ящик (4,2 м * 1,5 м * 1,4 м) неправильной формы, ориентированный с запада на восток, перекрытый четырьмя каменными плитами. В западной части могилы, перпендикулярно к ее дну, была поставлена большая плита из известняка. Здесь были найдены останки двух покойников, захороненные в сидячем положении с наклоненными вперед головами, – один в восточной стороне, другой – в западной. Основные артефакты, обнаруженные в могиле, были расположены около скелета в западной части: это два бронзовых кинжала т. н. закавказского типа с ажурным набалдашником, бронзовое шило, наконечники стрел, сердоликовые бусы. Рядом с останками второго покойника стояло пять керамических сосудов, три из них были наполнены золой и лошадиными зубами (Гуммель, 1931: *Л.* 222–225; ZEVBGAEU, 1899: 264–268; рис. 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39).

Курган № 3 (Гуммель, 1931: 225; QAK, 1900: 158; ZEVBGAEU, 1899: 263 (см.: рис. 48, план кургана № 3); Джафаров, 2020: 145). Этот курган находился в 75 м к югу от кургана № 2, имел, как и предыдущие курганы, сплюснуто-конусовидную каменную, смешанную с песком насыпь, диаметром у подошвы – 9 м, верхней площадки – 5,5 м, высотой 2,5 м. Под насыпью была выявлена могильная камера в виде каменного ящика, ориентированная с запада на восток, перекрытая двумя большими плитами. Размеры могилы: длина – 2.7 м, ширина – 1.7 м, глубина – 1,8 м. В могиле с земляным дном было обнаружено девять человеческих скелетов; западная часть была отведена для захоронения основного покойника (племенного вождя); череп его относился к долихоцефальному типу. Он был уложен в вытянутом положении, на правом боку, с руками, сложенными на животе. Артефакты, расположенные рядом, состояли из керамического сосуда грубой выделки,

заполненного пеплом и золой, бронзовых кинжалов закавказского типа, костяного наконечника копья, кольца и бус. У восточной стенки были очищены восемь скелетов людей, похороненных в сидячей позе, по сведению Э. Реслера, сопровождающих основного покойника. Ноги их были поджаты, головы наклонены вперед, руки уперты в дно могилы. Э. Реслер отмечал, что они принадлежали брахицефальному типу, на черепах были следы повреждений, свидетельствующих об их насильственной смерти.

Курган № 4 по внешнему виду схож с предыдущими, диаметром у подошвы – 9,5 м, верхней площадки – 3.8 м, высотой – 1.8 м, был расположен в 10 м к северу от кургана № 3. Насыпь, как и у предыдущих курганов, состояла из песка, земли и крупных камней. Из публикации К. Кушнаревой (24. стр. 152–153) выясняется, что под насыпью кургана был обнаружен каменный ящик (размеры отсутствуют), в котором находились раздробленные обломки человеческих костей, а также несколько бронзовых браслетов и колец. Однако, как выяснил Г. Джафаров, об этом кургане имеются и другие сведения (ZEVBGAEU, 1899: 270–271, рис. 49, 50; 16. стр. 146). Так, в немецком издании (VBGAEU) отмечено, что под насыпью этого кургана высотой всего 60 см были обнаружены фрагменты человеческих костей, бронзовое колечко и обломки керамики (ZEVBGAEU, 1899: 270–271, рис. 49, 50). В годовом отчете Императорской археологической комиссии относительно этого кургана приводятся данные, согласно которым под насыпью кургана, сложенного из земли и камней, высотой 0,6 м, были зафиксированы обломки человеческих костей, фрагменты орнаментированных керамических сосудов, 3 экз. простых бронзовых браслетов и кольцо (QAK, 19900: 158–159; Джафаров, 2020: 146).

Курган № 5 находился в 100 м к западу от кургана № 1. Конусообразная насыпь состояла из земли, песка и камней (Гуммель, 1931: Л. 228; QAK, 1900: 159; ZEVBGAEU, 1899: 271–272. рис. 80 (схематический план пятого Ахмахинского кургана); Кушнарева, 1957: 153). Диаметр у подошвы – 9 м, диаметр верхней площадки – 5,7 м, высота достигает 2 м. Под насыпью была обнаружена погребальная камера типа каменного ящика неправильной конструкции, длиной – 3,3 м, шириной – 1,3 м. В могиле найдено четыре человеческих скелета: два из них находились у восточной стенки в сидячем положении, с руками, упертыми в дно; два других были расположены в таких же позах, посередине могилы, у западной стенки, друг за другом, а головы их были обращены на восток. Основные артефакты находились у восточной стенки и в середине камеры – это около 20 керамических сосудов, крупное бронзовое втульчатое копье, фигурка оленя, обсидиановые наконечники стрел миндалевидной формы, бусы, костяные проколки, бронзовые кольца, бронзовые браслеты (ZEVBGAEU, 1899: 272–274, рис. 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 66–78; QAK 1900: 319, 320; Джафаров, 2020: 146–147).

К вопросу об обряде захоронения

Таким образом, мы прослеживаем в упомянутых курганах, за редкими исключениями, общие как для карабахских, так и всех ведущих памятников Ходжалы-Кедабекской культуры, схожие по конструкции могильные камеры и погребальные обряды. Это в основном конусообразные курганы, подкурганные погребения в виде каменного ящика (Довшанлы № 1, Ахмахи), также подкурганные грунтовые погребения (Довшанлы № 2) или подкурганные погребения в виде деревянного помоста (Баллукая), захоронения основных и сопровождающих покойников (почти во всех курганах). Среди перечисленных курганов особо выделяется первый Довшанлинский курган. Здесь, помимо основного захороненного в вытянутом положении покойника, были еще три сопровождающих. Это были вооруженные воины-дружинники, охранявшие своего военачальника после его смерти. Судя по оставшимся артефактам, все погребенные в этом кургане были конными воинами, так как в могилу с ними были положены столько же конские удила, сколько и людей, хотя сами конские трупы отсутствовали. Положение в могилы конских атрибутов – это обычное и часто встречающееся явления в памятниках Ходжалы-Кедабекской археологической культуры, указывающее на наличие культа коня у местного населения.

Не менее интересным, с точки зрения погребального обряда, представлен второй Довшанлинский курган. Интересно, что здесь,

под курганной насыпью, вместо каменного ящика были сооружены лучеобразно расположенные три грунтовые могилы. По всей вероятности, все три могилы были сооружены одновременно. Хотя Э. Реслер очистил только две могилы, наверное, здесь также были основные и сопровождающие персоны. Интересно, что в некоторых могилах (в могиле «б» 2-го Довшанлинского и в кургане Баллукая) зафиксировано отсутствие черепов покойных.

По сравнению с курганами Довшанлы и Баллукая, памятники Ахмахи в целом являются более бедными, хотя 5-й курган из этой группы по некоторым параметрам отличается от остальных четырех. По составу и разнообразию артефактов, а также по обряду захоронения этот курган сопоставим с вышеперечисленными памятниками.

Состав и типы артефактов

Артефакты курганов включают керамические сосуды, бронзовое оружие, различные украшения из металла, пасты, камней и т. д.

Исходя из того, что среди археологических материалов для определения принадлежности комплексов к той или иной культуре ведущее место занимают керамические сосуды, мы обращаем внимание прежде всего на эти материалы. С сожалением приходится констатировать, что основная масса керамических сосудов, добытых при раскопках в виде обломков, Э. Реслером были оставлены на месте. Он подобрал только привлекающие внимание целые керамические материалы. По сведению К. Кушнаревой, после долгих скитаний по различным фондам и коллекциям (в археологическом кабинете Шушинского реального училища, Кавказском музее, в фонде Императорской археологической комиссии) уцелевшие 17 сосудов попали в Московский исторический музей (Кушнарева, 1957: 169). Так что приходится анализировать керамические сосуды из комплекса Довшанлы – Баллукая – Ахмахи на основании этих скудных материалов. Среди керамических сосудов ведущее место занимают кувшины с шаровидно-вздутыми туловами, с двумя или одной ручкой, богатыми орнаментальными мотивами, а также разные миски. По типологии кувшины делятся на две группы: а) в первую группу входят тонкостенные, чернолощеные, с лощеными орнаментациями и цилиндрическими горловинами сосуды, изготовленные в гончарных кругах; б) во второй группе представлены толстостенные, ручной работы, не лощеные кувшины и миски. Аналогии сосудам из комплекса Довшанлы – Баллукая – Сырхавенд – Ахмахи хорошо известны в таких памятниках, как Мингечаур (1. табл. XVI), Гарабулаг (Ивановский, 1911: X табло, 47; XI табло, 5), Беимсаров (Джафаров, 1992: рис. 5; Джафаров, 2020: табло 87) и т. д.

Среди артефактов ведущее место занимают металлические (бронзовые) изделия. Сюда входят оружия, предметы домашнего обихода, конские снаряжения, различные украшения (браслеты, серьги, кольца, шейные обручи и т. д.). Часть оружия представлена длинными мечами, т. н. закавказского типа. Один из мечей входил в состав кургана № 1. Этот меч сравнительно короткий, имеет узкое лезвие и отлитую отдельно от лезвия рукоятку. На выемке рукоятки было вставлено древко (ZEVBGAEU, 1896: 228–233; Джафарова, 2008: 92, рис. 8, 1).

Второй меч происходит из Довшанлинского кургана № 2. Этот меч по некоторым параметрам отличается от первого. У него плоский, сильно суживающийся и заостренный на конце клинок. С обеих сторон клинок украшен глубокими желобками, сходящимися внизу. Рукоятка имеет двойную втулку, сделанную отковкой и закруглением боковых сторон. Втулка рукоятки заполнена деревом (QAK, 1896: 17; 34, 90; Джафарова, 2008: 92, рис. 9, 1). Такие мечи известны также из синхронных по хронологии памятников Гейгеле (Еленендорф-Ханлар) (Дело АК, 1897: 23–14, табл. VI, 110), Мингечаура (Асланов, 1959: 78, т. XIII, 1, 2), Кедабека (Wolfram Nagel, 1985: p. 2698; Иессен, 1935: 103, 132–133), Сарычобанского кургана (Джафаров, 1993: 200–201, рис. 3, 6; табло 97, 6) и т. д.

Другую группу оружия составляют кинжалы. В большом количестве кинжалы найдены в курганах Довшанлы (9 шт.) и Ахмахи (5 шт.). В Довшанлинском кургане № 1 среди артефактов были обнаружены 4 бронзовых кинжала: два из них представляют собой цельнолитые с рукояткой, а два экземпляра были обычные, с заостренными клинками, с черешком для насадки, деревянной ручкой и ажурными набалдашниками, с ажурными

украшениями (Джафаров, 2000: 149, табло 44, 4, 5; Джафарова, 2008: 83, рис. 9, l, 5, 6, 7). Наибольшее количество кинжалов найдено во втором кургане Довшанлы – 5: из них 3 кинжала со свернутой в виде втулки рукояткой; 2 кинжала обычной, то есть с черешком и отдельно отлитым навершием формы (Кушнарева, 1957: 142, 145, 77; Джафарова, 2008:83, рис. 9, 5, 6, 7; рис. 10, 1). Из пяти Ахмахинских курганов в трех (№ 1 – 1 экз., № 2 – 2 экз., № 3 – 2 экз.) были обнаружены также бронзовые кинжалы, всего 5 экз. (Джафарова, 2008: 83, рис. 12, 10, 11, 12, 15, 16). Здесь представлены оба типа – как цельнолитные, так и черенковые (Джафарова, 2008: 83, рис. 12, 10, 11, 12, 15, 16). Подобное оружие известно и из других синхронных памятников (Ханлар-Гейгель, Мингечаур, Хошбулаг, Ходжалы, Дамголу, Гюльятяг и др.) Азербайджана (Джафаров, 2020: 149), (Джафарова, 2008: 84–90).

Как известно, с древних времен к числу вооружений относились также бронзовые топоры – секиры. Один из таких топоров был обнаружен в Довшанлинском кургане № 1. Доказано, что сложные по форме и модификации топоры-секиры приходят на вооружение воинов значительно позже, как и мечи различной модификации, со второй половины II тысячелетия до н. э. Топоры-секиры различных типов обнаружены во многих памятниках Ходжалы-Кедабекской культуры (Асланов;1982: 97–105).

Из двух исследованных богатых курганов Довшанлы только в одном (№ 2) был обнаружен единственный экземпляр наконечника копья. Довшанлинский наконечник имеет очень изящную форму – узкое ланцетовидное перо и широкую длинную втулку с двумя отверстиями для заклепок (Джафарова, 2008: 73, рис. 9, 4). Из пяти курганов Ахмахи указанные предметы вооружения входили в состав погребального комплекса 3-х курганов. Так, в курганах № 1 и № 5 были обнаружены по одному бронзовые копья. Ахмахинские образцы гораздо более грубые, чем Довшанлинские. У них широкие, с плоскими краями перья и широкая несомкнутая втулка с отверстиями для заклепок (Джафарова, 2008: 73 рис. 12, 1). Аналогичные типы оружия известны больше всего из синхронных по времени памятников Мингечаура (Асланов, 1959: 79, табл. XV, 16–22). В отличие от двух курганов Ахмахи, где в составе инвентаря были бронзовые наконечники копья, в кургане № 3 был найден очень редкий тип – наконечник копья из кости.

В числе артефактов по количеству выделяются бронзовые и каменные наконечники стрел. Как известно, лук и стрела с давних времен являлись одним из ярких видов оружия дальнего боя. Они обнаружены почти в каждом погребении Довшанлы-Баллукаянского комплекса. В Баллукая-Сырхавендском кургане № 1 в числе других бронзовых изделий выделялись прекрасно сохранившиеся наконечники стрел классической формы с опущенными крыльями (Джафаров 150, табло 48, 12; Джафарова, 2008: 60, рис. 11, 2).

Из пяти исследованных курганов Ахмахи в числе материальных остатков в трех погребениях находились наконечники стрел. В кургане № 1 возле основного захороненного были найдены кремневые наконечники стрел треугольной формы с выемкой у основания.

Во втором Ахмахинском кургане (Джафарова, 2008: 60, рис. 12, 2, 3, 4, 8, 9, 13, 14, 17, 18) находились как каменные (обсидиановые) наконечники стрел миндалевидной формы с выемкой у основания, тщательно ретушированные, так и бронзовые наконечники стрел с опущенными крыльями «Южно-Кавказского» или, как раньше называли, «закавказского» типа.

Наконец, в пятом кургане (Джафарова, 2008: 60, рис. 12), как и во втором, помимо бронзовых наконечников стрел с опущенными крыльями были найдены и обсидиановые образцы миндалевидной формы с выемкой у основания.

В курганах, где были захоронены знатные военачальники или племенные вожди, нередко были обнаружены также целые скелеты, иногда части лошадей, а в некоторых случаях голова или атрибуты (узда и т. д.) лошадей.

В кургане № 1 Довшанлы был захоронен крупный военачальник в сопровождении трех дружинников. Основной покойник лежал в вытянутом положении, трое остальных – в сидячей позе.

На голове воинов были остатки бронзового шлема, рядом – многочисленное оружие. Судя по остаткам боевых шлемов на черепах мужских скелетов, а также по большому количеству вооружения, положенного рядом,

это были воины-дружинники, охранявшие своего военачальника и после его смерти. Исходя из того, что в погребении обнаружено много конских удил, можно полагать, что, очевидно, все погребенные были конными воинами. Только в могилы с ними положили вместо трупов коней конские атрибуты (удила, украшения), олицетворяющие боевых коней (Джафарова, 2008: 146, рис. 8, 2).

Положение в могилу конских атрибутов – обычай, связанный с культом коня, широко практиковавшийся и в других регионах Азербайджана и Переднеазиатского мира в целом. Роль атрибутов целого коня иногда играют, наряду с предметами конского убора, голова коня или части его туши, положенные в могилу.

Так, во втором Довшанлинском кургане, где были захоронены также военачальник и сопровождавшие его в иной мир дружинники, были найдены три удила (такие же, как в первом Довшанлинском кургане) и голова коня.

В кургане Баллукая вместо каменного ящика, как в двух Довшанлинских курганах, были обнаружены остатки бревенчатого помоста, покоившегося, по-видимому, на деревянных столбах. Здесь также, как во втором Довшанлинском кургане, были найдены кости лошадей. Однако в отличие от Довшанлинских курганов отсутствовали конские атрибуты (т. е. удила и т. д.) (Джафарова, 2008: 147).

Группа предметов состояла из бронзовых вил. Примечательно, что наибольшее количество бронзовых вил Азербайджана происходят из памятников Карабаха, в частности, верхнего Карабаха. При этом обращает на себя внимание тот факт, что, как правило, во многих богатых погребальных памятниках бронзовые вилы были найдены вместе с удилами различных типов. Особенно с так называемыми удилами Переднеазиатского типа (т. е. I типа). Этот факт был зафиксирован в памятниках всего Азербайджана и Карабаха в частности.

Так, в кургане № 1 Довшанлы в числе других предметов были обнаружены три экземпляра бронзовых вил (Джафарова, 2008: 78).

В первом Довшанлинском кургане вместе с основным захоронением были погребены еще три сопровождающих лица, как полагают археологи, воина. По всей видимости, бронзовые боевые вилы принадлежали этим воинам.

Бронзовые, литые, цельнометаллические с втульчатым насадом двузубые вилы сохранились превосходно.

Еще два экземпляра бронзовых двузубых вил с втульчатым насадом входили в состав инвентаря второго Довшанлинского кургана (Джафарова, 2008: 79).

Эти вилы идентичны таковым из первого Довшанлинского кургана. В отличие от первого кургана, под насыпью второго кургана были обнаружены три прямоугольные могилы, лучеобразно расходящиеся в трех направлениях: могила «а», могила «б» и безымянная, неисследованная могила. Причем вилы находились рядом с захороненным в могиле «а». Там же находился другой инвентарь – кинжалы, меч, наконечники стрел, удила и другое.

Еще одни двузубые бронзовые вилы известны из кургана № 1 Баллукая. Этот экземпляр по некоторым особенностям отличается от предыдущих образцов. Маленький размер этих вил, крайне легкое скрепление отдельных частей при помощи тонких деревянных заклепок, а также скульптурные украшения говорят о том, что эти вилы скорее носили не боевые функции. Может быть, вилы такого типа служили штандартом или же скипетром. Не исключено, что баллукаянский экземпляр принадлежал именно военачальнику, нечто вроде знака отличия. Как мы указали, баллукаянские вилы имеют небольшие размеры, скреплены деревянными штифтами и украшены рельефными головками хищников (Джафарова, 2008: 79).

Помимо перечисленных предметов в состав артефактов в указанных курганах входили также различные украшения и другие вещи. Среды них выделяются бусы из пасты, сердолика, бронзовые браслеты, бляшки и бляхи – обоймы, кольца, щипчики, скульптурные головки хищников (барс, пантера?) на пряжке и колечке из первого Довшанлинского кургана и на вилах из кургана Баллукая (Кушнарева, 1957: 168).

Из других предметов особого внимания заслуживает золотой полый цилиндр, покрытый тисненными изображениями борьбы зверей и служивший, как потом выяснились, печатью (Кушнарева, 1957: 168, 227).

Заключение

Анализ комплексов Довшанлы – Ахмахи – Баллукая позволяет сделать ряд выводов. Как видно из состава материалов, в эпоху поздней бронзы и раннего железа социально-экономическое и общественно-политическое развитие в целом на территории Азербайджана достигает нового, более высокого уровня.

Основной хозяйственной отраслью продолжало оставаться земледелие. Развивается садоводство и виноградарство. Наибольшего развития в указанный период достигают различные отрасли скотоводства, особенно разведение мелкого рогатого скота. Увеличение численности мелкого рогатого скота еще было связано и с развитием отгонной, или яйлажной формой скотоводства. Разведение крупного рогатого скота не только не отстает, наоборот, получает новый импульс в своем развитии.

В Карабахских памятниках обнаружены, помимо костей мелкого и крупного рогатого скота, также остеологические доказательства наличия лошадей. Говоря об общем прогрессе в социально-экономической жизни местных племен, непременно надо упомянуть и о такой важной отрасли, как ремесленное производство. Оно было тесно связано, с одной стороны, с возрастающей потребностью населения в товарах ремесленного сегмента, а с другой – с наличием многочисленных местных залежей металлоносных рудных месторождений, как в Азербайджане целом, так и в Карабахе в частности. О высоком уровне ремесленного производства можно судить по материалам керамики, оружия, орудий труда, украшений, предметов личного пользования, конской узды и др., обнаруженных в богатых курганах. Таким образом, развитие всех отраслей хозяйства – земледелия, скотоводства, ремесла и подсобных отраслей привело к существенным изменениям на всех уровнях жизни местных племен в эпоху поздней бронзы. Развитие производительных сил привело к специализации в производстве, а это, в свою очередь, способствовало появлению излишков продукции. Ведение хозяйства силами отдельных семей требовало их превращения в устойчивые, целостные коллективы. Начатая еще в эпоху ранней бронзы, набирающая обороты в эпоху средней бронзы имущественная и социальная дифференциация в указанный период достигает наибольшего уровня. В одном и том же могильнике встречаются погребения, значительно отличающиеся по элементам сооружения, пышностью погребального обряда, по богатству и т. д., указывающие на наличие богатых и бедных. Эти факты встречаются в некрополях по всему Азербайджану, в том числе в памятниках Ахмахи, Довшанлы, Баллукая. В некоторых случаях при погребении богатого человека убивали его жену, наложниц, слуг, рабов, любимых коней – всех хоронили вместе с ним.

Происходит постепенная индивидуализация в производственной сфере. Семьи, которые находились в более выгодном положении, нежели другие члены племени, занимали лучшие пастбища (скотоводы), более плодородные речные долины, расположенные у водных источников. Использование рабского труда, то есть эксплуатация чужих производительных сил, повсеместно было применено в эпоху разложения первобытно-общинного строя.

Наличие рабов в эпоху поздней бронзы хорошо документируется археологическими материалами. В курганах Гянджачайского бассейна (Ханларские курганы № 1, 2), Мингечаура, а также Карабаха (Ходжалы, Довшанлы, Ахмахи, Баллукая, Гарабулаг, Сарычобан, Беимсаров, Борсунлу и т. д.) неоднократно зафиксировано захоронение рабов со своими хозяевами.

Все эти факторы неоднократно документированы исследованиями азербайджанских археологов на базе изучения многочисленных памятников указанного периода.

Что касается хронологии комплекса Довшанлы – Ахмахи – Баллукая, то надо отметить, что в далекие пятидесятые годы XX века памятники были датированы IX–VIII вв. до н. э. В свете последующих исследований данного комплекса Г. Джафаровым (Джафаров, 2020: 147, 266–267) была выделена хронологическая ниша в пределах XII–XI вв. до н. э., что соответствует второму этапу существования Ходжалы-Кедабекской археологической культуры. С этой датировкой согласно подавляющее количество исследователей, в том числе и мы.

Литература

1. Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур. – Баку: изд. АН Азерб. ССР, 1959, табл.

2. Асланов Г.Г. Бронзовые топоры Азербайджана. – Баку: Элм, 1982. – 65 с. (на азерб. языке).

3. Дело АК, архив ЛОИА (ныне архив Института истории материальной культуры РАН) № 48/1897, Л., 42, 57.

4. Дело АК, архив ЛОИА № 130/1891, Л., 44–51.

5. Дело АК, архив ЛОИА, № 36/1896, Л., 44–45.

6. Дело АК, архив ЛОИА, № 36/1896, Л., 41–47; 57, 58.

7. Дело АК, архив ЛОИА, № 48/1897, Л. 42, 57.

8. Гуммель Я.И. Археологические раскопки в районах Азерб. ССР (отчеты за 1938 г.) – Изв. Аз. ФАН СССР. – 1939. – № 3. – стр. 67.

9. Гуммель Я.И. Раскопки в Нагорно-Карабахской Автономной области в 1938 г. // Изв. Аз. ФАН. СССР, 1939. – № 4. – стр. 52, 77–82.

10. Гуммель Я.И. Раскопки в Нагорно-Карабахской Автономной области, стр. 82–88.

11. Гуммель Я.И. Отчеты по экспедициям 1939 года. Археологические разведки и раскопки по районам Азерб. ССР. // Науч. архив Института истории НАНА, д. № 931. – стр. 1–2.

12. Гуммель Я.И. Из памятников материальной культуры древного Азербайджана. – ВДИ, 1940. – № 1. – стр. 212–213.

13. Гуммель Я.И. Погребальный курган (№ 1) около Еленендорфа. – Баку: АзГНИ, 1931. – с. 23–14, табл. VI, 110.

14. Джафаров Г.Ф. Азербайджан в конце IV – начале I тысяч до н. э. – Баку: «Элм», 2000. – 187 с. 101 таблица.

15. Джафаров Г.Ф. Археологические исследования в Ходжалах в 1984 г. // «История и ее проблемы»: научно-теоретический и методический журнал. – 1997. – № 1. – стр. 153–162.

16. Джафаров Г.Ф. Древний Карабах (на азерб. языке). – Баку: Элм, 2020. – стр. 148–152.

17. Джафаров Г.Ф. Курган у селения Беимсаров в Азербайджане // Российская Археология. – М., 1992. – № 2, рис. 5.

18. Джафаров Г.Ф. Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана // Российская Археология. – М., 1993. – № 3. – с. 200–201, рис. 3, 6.

19. Джафаров Г.Ф. Цилиндрические печати из позднебронзовых памятников Азербайджана и некоторые вопросы связей с Древним Востоком. // Проблемы археологии Кавказа и Передней Азии (неолит и поздняя бронза). Сборник, посвящ. 90-летию И.Г. Нариманова. – Баку, 2017. – С. 227.

20. Джафарова Д.Г. Оружие племен Карабаха в эпоху поздней бронзы и раннего железа. – Баку: «Хазар», 2008. – с. 92, рис. 8, 1.

21. Джафарзаде И.М. Ходжалинская экспедиция. Земляной курган № 5. // Изв. Аз. ФАН СССР. – 1941. – № 2. – стр. 15–26.

22. Ивановский А.А. По Закавказью. // МАК, вып. VI. – М., 1911, X табло, 47; XI табло, 5.

23. Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Изв. ГАИМК, вып. 120. – 1935. – с. 103, 132–133.

24. Кушнарева К.Х. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы. СА, 1957, вып. XXVII, стр. 137, 140, 141, рис. 2,1–14, рис. 3, 1–7, рис. 4.

25. Кушнарева К.Х. Археологические работы 1954 г. в окрестностях сел. Ходжалы. – М-Л.: МИА, 1957, 67, – стр. 370–386.

26. Мещанинов И.И. Археологическая экспедиция Общества в Нагорный Карабах и Нахичеванский край // Изв. ООИА. – Баку, 1927. – № 4. – стр. 104–107.

27. Мещанинов И.И. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край, снаряженной в 1926 г. Обществом изучения Азербайджана. // Сообщ. ГАИМК. – Л., 1926. – № 1. – стр. 217–240.

28. QAK за 1894 г. – СПб, 1896, стр. 17–28.

29. QAK за 1895 г. – Спб., 1897, стр 51, 153–161.

30. QAK за 1896 г. – Спб., 1898, стр.109, 117–125.

31. QAK за 1897 г. – Спб., 1900, стр. 47-49; 99;155–169.

32. ZEVBGAEU (Zeitschrift fur Ethnologie. Verhandlungen der Berliner Gesellscaft fur Anthropologie, Ethnologie und Urgesehichte). – Berlin, 1892. – стр. 566-568.

33. ZEVBGAEU, 1894, стр. 213–221; 221–235, рис. 12 (рисунки кургана), рис. 13 (схематический рисунок погребения).

34. ZEVBGAEU, 1896, стр. 90.

35. ZEVBGAEU, 1897, стр. 258–261, рис. 20 (схематичный план размещения курганов Баллукая – Сырхавенд), стр. 147.

36. ZEVBGAEU, Berlin, 1898. – стр. 418–423.

37. ZEVBGAEU, 1899, стр. 2; 262–272. рис. 29 (схематический план погребения № 1), рис. 21–28.

38. Wolfram Nagel, Eva Strooenger/ Kalakent/ Fruheiseneitliche grabfunde aus dem Transkaukasischen gebiet von Elizavetopol. Berlin, 1985, p. 2698.

References

1. Aslanov G.M., Vaidov R.M., İone G.İ. Drevni Mingechaur. – Baku: izd. AN Azerb. SSR, 1959, tabl.

2. Aslanov G.G. Bronzovye topory Azerbaijana. – Baku: Elm, 1982. – 65 s. (na azerb. iazyke).

3. Delo AK, arhiv LOİA (nyne arhiv İnstituta istorii materiälnoi kültury RAN) № 48/1897, L., 42, 57.

4. Delo AK, arhiv LOİA № 130/1891, L., 44–51.

5. Delo AK, arhiv LOİA, № 36/1896, L., 44–45.

6. Delo AK, arhiv LOİA, № 36/1896, L., 41–47; 57, 58.

7. Delo AK, arhiv LOİA, № 48/1897, L. 42, 57.

8. Gummel İa.İ. Arheologicheskie raskopki v raionah Azerb. SSR (ochety za 1938 g.) – İzv. Az. FAN SSSR. – 1939. – № 3. – str. 67.

9. Gummel İa.İ. Raskopki v Nagorno-Karabahskoi Avtonomnoi oblasti v 1938 g. // İzv. Az. FAN. SSSR, 1939. – № 4. – str. 52, 77–82.

10. Gummel İa.İ. Raskopki v Nagorno-Karabahskoi Avtonomnoi oblasti, str. 82–88.

11. Gummel İa.İ. Ochety po ekspedisiam 1939 goda. Arheologicheskie razvedki i raskopki po raionam Azerb. SSR. // Nauch. arhiv İnstituta istorii NANA, d. № 931. – str. 1–2.

12. Gummel İa.İ. İz pamätnikov materiälnoi kültury drevnogo Azerbaijana. – VDİ, 1940. – № 1. – str. 212–213.

13. Gummel İa.İ. Pogrebälnyi kurgan (№ 1) okolo Elenendorfa. – Baku: AzGNİ, 1931. – s. 23–14, tabl. VI, 110.

14. Jafarov G.F. Azerbaijan v konse IV – nachale I tysäch do n. e. – Baku: «Elm», 2000. – 187 c. 101 tablisa.

15. Jafarov G.F. Arheologicheskie issledovania v Hojalah v 1984 g. // «İstoria i ee problemy»: nauchno-teoreticheski i metodicheski jurnal. – 1997. – № 1. – str. 153–162.

16. Jafarov G.F. Drevni Karabah (na azerb. iazyke). – Baku: Elm, 2020. – str. 148–152.

17. Jafarov G.F. Kurgan u selenia Beimsarov v Azerbaijane // Rosiskaia Arheologia. – M., 1992. – № 2, ris. 5.

18. Jafarov G.F. Kurgan epohi pozdnei bronzy vblizi Sarychobana // Rosiskaia Arheologia. – M., 1993. – № 3. – s. 200–201, ris. 3, 6.

19. Jafarov G.F. Silindricheskie pechati iz pozdnebronzovyh pamätnikov Azerbaijana i nekotorye voprosy sväzei s Drevnim Vostokom. // Problemy arheologii Kavkaza i Perednei Azii (neolit i pozdnäia bronza). Sbornik, posväş. 90-letiu İ.G. Narimanova. – Baku, 2017. – s. 227.

20. Jafarova D.G. Orujie plemen Karabaha v epohu pozdnei bronzy i rannego jeleza. – Baku: «Hazar», 2008. – s. 92, ris. 8, 1.

21. Jafarzade İ.M. Hojalinskaia ekspedisia. Zemlänoi kurgan № 5. // İzv. Az. FAN SSSR. – 1941. – № 2. – str. 15–26.

22. İvanovski A.A. Po Zakavkäzü. // MAK, vyp. VI. – M., 1911, X tablo, 47; XI tablo, 5.

23. İessen A.A. K voprosu o drevneişei metalurgii medi na Kavkaze // İzv. GAİMK, vyp. 120. – 1935. – s. 103, 132–133.

24. Kuşnareva K.H. Nekotorye pamätniki epohi pozdnei bronzy. SA, 1957, vyp. XXVII, str. 137, 140, 141, ris. 2,1–14, ris. 3, 1–7, ris. 4.

25. Kuşnareva K.H. Arheologicheskie raboty 1954 g. v okrestnostäh sel. Hojaly. – M-L.:MİA, 1957, 67, – str. 370–386.

26. Meşaninov İ.İ. Arheologicheskaia ekspedisia Obşestva v Nagornyi Karabah i Nahichevanski krai // İzv. OOİA. – Baku, 1927. – № 4. – str. 104–107.

27. Meşaninov İ.İ. Kratkie svedenia o rabotah arheologicheskoi ekspedisii v Nagornyi Karabah i Nahichevanski krai, snaräjennoi v 1926 g. Obşestvom izuchenia Azerbaijana. // Soobş. GAİMK. – L., 1926. – № 1. – str. 217–240.

28. QAK za 1894 g. – SPb, 1896, str. 17–28.

29. QAK za 1895 g. – Spb., 1897, str 51, 153–161.

30. QAK za 1896 g. – Spb., 1898, str.109, 117–125.

31. QAK za 1897 g. – Spb., 1900, str. 47-49; 99;155–169.

32. ZEVBGAEU (Zeitschrift fur Ethnologie. Verhandlungen der Berliner Gesellscaft fur Anthropologie, Ethnologie und Urgesehichte). – Berlin, 1892. – str. 566-568.

33. ZEVBGAEU, 1894, str. 213–221; 221–235, ris. 12 (risunki kurgana), ris. 13 (shematicheski risunok pogrebenia).

34. ZEVBGAEU, 1896, ctr. 90.
35. ZEVBGAEU, 1897, str. 258–261, ris. 20 (shematichnyi plan razmeşenia kurganov Balukaia – Syrhavend), str. 147.
36. ZEVBGAEU, Berlin, 1898. – str. 418–423.
37. ZEVBGAEU, 1899, str. 2; 262–272. ris. 29 (shematicheski plan pogrebenia № 1), ris. 21–28.
38. Wolfram Nagel, Eva Strooenger/ Kalakent/ Fruheiseneitliche grabfunde aus dem Transkaukasischen gebiet von Elizavetopol. Berlin, 1985, p. 2698.

Джафарова Д.
ӘҰҒА Археология және этнография институты
Баку қ., Әзірбайжан
e-mail: *dianajafarova@yahoo.com*

ХОЖАЛЫ-ГЕДАБЕК АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МӘДЕНИЕТІ ҚАРАБАХ ТОБЫНЫҢ ЕСКЕРТКІШТЕРІ (ДОВШАНЛЫ-БАЛЛУКАЯ-АХМАХИ ҚОРҒАНДАРЫНЫҢ МАТЕРИАЛДАРЫ БОЙЫНША)

Мақалада таулы Қарабахтың археологиялық ескерткіштерін зерттеудің қысқаша тарихы, сондай-ақ Хачынчай өзенінің аңғарында орналасқан қорғандар тобында XIX ғасырдың 90-жылдарында Э. Реслер жүргізген қазба жұмыстарының нәтижелері сөз болады. Бұл – Ходжалы-Кедабек археологиялық мәдениетінің дамуының екінші кезеңіне, яғни б.д.д. XII-XI ғасырларға жататын Довшанлы, Ахмахи, Баллукая қорғандары.

Довшанлы тобында екі қорған, Ахмахи тобында бес қорған, Баллукая тобында үш қорған қазылған. Сирек ерекшеліктерді қоспағанда, осы нысандардың барлық топтарында жерлеудің ұқсас түрі (қорған астындағы тас скрипттер), жерлеу рәсімі (бір немесе ұжымдық, негізінен ингумациялық) және артефактілер құрамы (керамика, қола), шақпақтас немесе обсидиан қарулары, ат әбзелдері, зергерлік бұйымдар) кездесетіні назарға алынып, олар бір кешенге біріктірілген.

Довшанлы-Ахмахи-Баллукая кешенінің материалдарын талдау соңғы қола және ерте темір дәуірінде бүкіл Әзірбайжанда, атап айтқанда Қарабахта қоғамдық-саяси және әлеуметтік-экономикалық даму жаңа, жоғары деңгейге көтерілгенін танып білуге мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: *Әзірбайжан, Қарабах, Довшанлы, ескерткіштер, мәдениет, қорғандар, жәдігерлер.*

Jafarova D.
Institute of Archeology and Ethnography of ANAS
Baku, Azerbaijan
e-mail: *dianajafarova@yahoo.com*

SITES OF KARABAKH GROUP OF KHOJALY-GEDABEK ARCHAEOLOGICAL CULTURE (BY THE MATERIALS OF THE DOVSHANLY-BALLUKAYA-AHMAKHI MOUNDS)

The article highlights a brief history of the study of the archaeological sites of mountainous Karabakh, as well as the results of excavations in a group of burial mounds located in the valley of the Khachynchay River, carried out in the 90s of the 19th century by E. Resler. These are the mounds of Dovshanly, Akhmakhi, Ballukaya, dating from the second stage of development of the Khojaly-Gedabek archaeological culture, that is, the 12th-11th centuries BC.

Two mounds were excavated in the Dovshanli group, five mounds in the Akhmakhi group, and three mounds in the Ballukaya group. Based on the fact that, with rare exceptions, in all groups of these sites, a similar type of burials (under-kurgan stone crypts), the burial rite (single or collective, mainly inhumation) and the composition of artifacts (ceramics, bronze, flint or obsidian weapons, horse harness, jewelry) – they are combined into a single complex.

An analysis of the materials of the Dovshanly-Akhmakhi-Ballukaya complex allows us to establish that in the Late Bronze and Early Iron Ages throughout Azerbaijan, and in particular in Karabakh, socio-political and socio-economic development reached a new, higher level.

Keywords: *Azerbaijan, Karabakh, Dovshanly, sites, culture, mounds, artifacts.*

МӘДЕНИ МҰРА

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.07

Serhan Cinar
Ankara University, Türkiye
https://orcid.org/0000-0002-2381-3739
e-mail: *serhancinar@mail.ru*

SOME ARCHAEOLOGİCAL SITE AREAS IN UNESCO CULTURAL HERITAGE LİST İN TURKEY

With the ancient Taurus and Kachgar regions, Euphrates, Aras, and Kızılırmak basin and Menderes and Firtina valleys it features, Anatolian's geography is among the earliest that has been shaping the Asia Minor since the archaic period. In these regions, there exist numerous substantial archeological sites, sanctuarie, necropolises and urban remains of Anatolian Turkish archeological heritage from the Stone, the Bronze and the Iron, and the Early Medieval Age. Throughout Asia Minor's deep-rooted and multifaceted past, the Hittite, Lydia, Hellenistic Period, Roman Empire, Byzantine, Seljuk State and Ottoman Empires ruled in its lands. Seventeen archeological remains are present in Turkey's Unesco World Heritage List of cultural and natural history sites.

In this study, Turkish archaeological sites in the Unesco Cultural Heritage list will be examined. In this context, excavation sites of Gobeklitepe, Catalhoyuk, Hattusa, and Troy will be introduced.

Keywords: *Gobeklitepe, Chatalhoyuk, Hattusa, Troy, Archaeological Site, Unesco Cultural Heritage.*

Introduction

Asia Minor, which has a long archeological past, offers a unique and multicultural scope to the researchers in archeological and historical studies. Asia Minor has established political and economic relations with communities in different parts of the world in the historical process. As an example of these relations, we can show Alexander's famous Asian expeditions. Thanks to these expeditions, the first cultural relations between Anatolia and Kazakhstan started. These relations continued increasingly during the Roman, Byzantine, Seljuk and Ottoman Empires. Despite these long-standing relationships, the course of today's Kazakh archeological studies continue to be carried out in line with Russian archaeology. Especially, enlightening the archaeological and historical aspects of Kazakstan in the 19th and 20th century and local archaeological sites as Marxism, materialism and Communism were prioritized by the researches active in the Kazakh Arhaeology. As a result, the studies and the anthropological researches on the Asia Minor region were not properly recognized and cannot be used by the scientific circles of the Kazakh historiography. Thus, transferring the multi-disciplinary studies of the global and Turkish archaeology circles to the researches on the Kazakh cultural history is essential. This study features a general overview of the archeological studies that are conducted in

the Turkey's region and yet not used in the studies on Kazakh cultural history of archaic ages.

1. Gobekli Tepe

Turkish name Goebec'li te'pe: Potbelly Hill is a Neolithic archaeological site near the city of Shanlıurfa in Southeastern Anatolia, Turkey. Gobeklitepe is located in the foothils of the Taurus Mountains, overlooking the Harran plain and the headwaters of the Balikh River, a tributary of the Euphrates. The site is a tell (artifical mound) situated on a flat limestone plateau. In the north, the plateu is connected to the neigghbouring mountains by a narrow promontory. In all other directions, the ridge descends steeply into slopes and steep cliffs (Gobeklitepe Site of Unesco World Heritage Center; 2021).

Predating the Egyptian pyramids by 6.500 years, Gobeklitepe is the oldest place of worsihp ever discovered. Radiocarbon dating shows that the earliest exposed structures at Gobeklitepe were built between 9500 and 9000 BCE, towards the end of the Pre-Pottery Neolithic a (PPNA) period. The site was significantly expanded in the erarly 9th millennium BCE and remained in use until around 8000 BCE, or perhaps slightly later to the early Pre Pottery Neolithic period (Clare 2020, 81).

Monumental structures, interpreted as monumental communal enclosures, were erected by groups of hunter-gatherers in the Pre-Pottery Neolithic period. Evidence indicates that the inhabitants were hunter gatherers who supplemented their diet with early forms of domesticated cereal and lived in villages for at least part of the year. (Scham, 2008: 5). Probbably, Gobeklitepe was not a settlement but a sanctuary where early humans met in order to engage in sacred rites.The sites were used in connection with social events and rituals and feature distinctive limestone t-shaped pillars, some of which are up to 5.50 meters tall. The communities that built the monumental megalithic structures of Gobeklitepe lived during one of the most momentous transitions in human history. Most carvings depict animals: serpents, foxes and boars for the most part, but also aurochs, gazelles, mouflons, onagers, cranes, ducks and vultures. Insofar as they can be identifed, the animals are male and often depicted with an aggressive posture (Schmidt, 2012: 30).

As a result; Gobeklitepe is regarded as an archaeological discovery of great importance since it could profoundly change the understanding of a crucial stage in the development of human society.

Gobekli Tepe

Gobeklitepe contains all the elements necessary for the expression of its Outstanding Universal Value and is of adeguate size to ensure the complete presentation of the features and processes which convey its significance.

2. Chatalhoyuk

Chatalhoyuk is located overlooking the Konya Plain, southeast of the present day city of Konya in Turkey, approximately 87 miles from the twin coned volcano of Mount Hasan. Chatalhoyuk, Turkish spelling: Çatal Höyük (from Turkish çatal «fork»+ höyük «tumulus») was a very large Neolithic and Chalcolothic proto-city settlement in southern Anatolia, which existed from approximately 7500 BC to 6400 BC, and flourished around 7000 BC (Renfrew, 2006: 397-398). Two hills form the 37 hectar site on the Southern Anatolian Plateau. The taller eastern mound contains eighteen levels of Neolithic occupation between 7400 BC and 6200 BC, including wall paintings, reliefs, sculptures and other symbolic and artistic features. Together they testify to the evolution of social organization and cultural practices as humans adapted to a sedentary life (Chatalhoyuk Site of Unesco World Heritage Center; 2021).

Chatalhoyuk is a very rare example of a well preserved Neolithic settlement and has been considered one of the key sites for understanding human prehistory for some decades (Chatalhoyuk Site of Unesco World Heritage Center; 2021). The site was first excavated by James Mellaart int 1958. He later led a team which further excavated there for four seasons between 1961 and 1965. These excavations revealed this section of Anatolia as a centre of advanced culture in the Neolithic period (Mellaart, 1962: 45). The sites were set up as large numbers of buildings clustered together. Households looked to their neighbors for help, trade and possible marriage for their children. The inhabitants lived in mudbrick houses that were crammed together in an aggregate structure. No footpaths or streets were used between the dwellings, which were clustered in a honeycomblike maze. Most were accessed by holes in the ceiling and doors on the side of the houses, with doors reached by ladders and stairs. Houses had plaster interiors characterized by squared off timber ladders or steep stairs. These were ussually on the south wall of the room, as were cooking hearths and ovens. (Mary, 2012: 8-9).

As a result; the house clusters of Chatalhoyuk, characterized by their streetless neighbourhoods,

Chatalhoyuk

dwellings with roof access, and house types representing a highly circumscribed distribution of activity areas and features according to a clear spatial order aligned on cardinal directions, from an outstanding settlement type of the Neolithic period. The comparable sizes of the dwellings throughout the city illustrate an early type of urban layout based on community and egalitarian ideals.

3. Hattusha Capital of the Hittite Empire

The Hittite empire rose to dominance between the middle and late Bronze Age, between the 14th and 12th centuries BC. By 1280 BC., the Hittite empire was large enough to negotiate a treaty with the Egyptians at Qadesh, a city in the Levant. In the Amarna Letters, which have been dated to the 14th centruy BC, the Hittites were referred to by the Egyptians as a major power, alongside Assyria, Mitanni, Babylonia, and they were treated as equals (Hattusa Site of Unesco World Heritage Center; 2021).

Hattusa was the capital of the Hittite Empire in the late Bronze Age. Hattusha is an ancient city located near modern Bogazkale in the Corum Province of Turkey's Black Sea Region. Its ruins lie near modern Corum, Turkey, within the great loop of the Kızılırmak River. It lies at the south end of the Budaközü Plain, on a slope rising approximately 300m above the valley and is divided by the Kızlarkayası creek into the lower city in the north and the upper city in the south (Bryce, 2005: 8-9).

Hattusa was established by the Hatti, the indigenous people who were living in that area prior to the comming of the Hittites. The name Hattusa is first discovered from written documents dated to Assyrian period. Hattusha is an archaeological site remarkble for its urban organization, the types of construction and rich ornamentation that have been preserved and for the ensemble of rock art. The city was found to have been defended by a monumental wall that was more than 8km in length. Additionally, the upper city was further fortifed by a double wall with more than a hundred towers. (Hattusa Site of Unesco World Heritage Center; 2021). This wall is known to have five gates, including the famous Lion Gate and Sphinx Gate. Apart from these defensive structures, many temples have also been uncovered in Hattusa. There are remains of older walls around the lower city and section walls dividing the large city area in separate districst. The best preserved ruin of a Hittite Temple from the 13th centruy B.C., known as Great Temple, is located in the Lower City. Other temples of similar date and shape, albeit generally smaller, are situated in the Upper City, which mostly consisted of a temple city for the gods and goddesses of the Hittite and Hurrian pantheon. (Ceram, 2008: 44).

The famous rock sanctuary of Yazılıkaya, which is an open air temple with two natural chambers cut into the bedrock, lies 2 km northeast of the capital, on a slope of a mountain barrier. First mentioned in cuneiform inscriptions, it is a large fortifed settlement located 1.5 km east of the King's Gate (Hattusa Site of Unesco World Heritage Center; 2021).

The city was destroyed, together with the Hittite state itself, around 1200 BC, as part of the Bronze Age collapse. Excavations suggest that Hattusa was gradually abandoned over a period of several decades as the Hittite empire disintegrated. The site was subsequetly abandoned until 800 BC, when a modest Phrygian settlement appeared in the area(Bryce, 2005: 295).

4. Archaeological Site of Troy

Troy is located on the mound of Hisarlık, which overlooks the plain along the Turkish Aegean coast, 4.8 km from the southern entrance to the Dardanelles. Troy is the name of the Bronze Age city attacked in the Trojan War, a popular stroy in the mythology of ancient Greece and the name given to the archaeological site in the north-west of Asia Minor which revealed a large and prosperous city occupied over millennia (Carls, 1963: 15).

In Ancient Greek literature, Troy is portrayed as a powerful kingdom of the Heroic Age, a mythic era when monsters roamed the earth and gods interacted directly with humans. The city was said to have ruled the Troad until the Trojan War which led to its complete destruction at the hands of the Greeks (Brian , 2014: 115). Homer describes Troy as well founded, strong- built and well-walled; there are also several references to fine battlements, towers and high and steep walls. Indeed, in Greek mytholohy the walls were so impressive that they were said to have been built by Posedion and Apollo, who after an act of impiety were compelled by Zeus to serv the Trojan king Laomedon for one year. The story of its destruction was one of the cornerstones of Greek mythology and literature, featuring prominently in the Illiad and the Odyssey, as well as numerous other poems and plays (Schielman, 1875; 20).

Литература

1. Брайан К. Р., (2014) Археология греческой и римской Трои. издательство Кембриджского университета, Нью-Йорк. – С. 406.

2. Брайс Т., (2005) Царство хеттов. Происхождение хеттов / Оксфордский университет. Нажимать. Нью-Йорк. – С. 554.

3. Карл Б., (1963) Троя и троянцы, Темза и Гудзон, Лондон: Дайк Экспресс. – Стр. 240.

4. Ceram C.W., (2008), Tanrıların Vatanı Anadolu. Ремзди Китабеби. Анкара. – С.192

5. Клэр Л., (2020) Гёбекли-Тепе, Турция. Краткий обзор исследований нового объекта всемирного наследия (2015–2019 гг.) // E-Forschungsberichte, Немецкий археологический институт. – С. 81–88.

6. Мэри М., Уолтнер А., (2012) Семья: всемирная история, издательство Оксфордского университета. – С. 168.

7. Меллаарт Дж., (1962) Раскопки в Чатал-Хююке, Первый предварительный отчет 1961 г., Анатолийские исследования, т. 12, Кембриджский университет, Нью-Йорк. – С. 41-65.

8. Ренфрю К., (2006) Начало земледелия и животноводства на Ближнем Востоке, Палеонтология человека и предыстория, № 5. – С. 395-404.

9. Шам С., (2008) Первый в мире храм, археология // т. 61, № 6, Вашингтон. – С. 4-5.

10. Schielman H., (1875) Троя и ее останки, изд. Джонни Мюррей, Лондон. – С. 392.

11. Шмидт К., (2012) Гёбекли-Тепе, Святилище каменного века в Юго-Восточной Анатолии, Ex Oriente, Берлин. – С. 286.

References

1. Brıan C. R., (2014) The Archaeology of Greak and Roman Troy, Cambridge University Press, New York, p. 406.

2. Bryce T., (2005) The Kingdom of the Hittites the Origins of The Hittites/ Oxford University. Press. New York. p 554.

3. Carl B., (1963) Troy and the Trojans, Thames and Hudson, London, Daik Express, p.240.

4. Ceram C.W., (2008), Tanrıların Vatanı Anadolu. Remzdi Kitabebi. Ankara.p.192

5. Clare L., (2020) Göbekli Tepe, Turkey a Brief Summary of Research at a New World Heritage Site (2015-2019)// E-Forschungsberichte, Deutches Archaologisches Institut, pp. 81-88.

6. Mary M., Waltner A., (2012) The Family: A World History, Oxford University Press, p. 168.

7. Mellaart J., (1962) Excavations at Chatal Hüyük, First Preliminary Report 1961, Anatolian Studies, v. 12, Cambridge University, New York, pp. 41-65.

8. Renfrew C., (2006) Inception of Agriculture and Rearing in the Middle East, Human Palaeontology and Prehistory, No 5, pp. 395-404.

9. Scham S., (2008) The World's First Temple, Archaeology// v. 61, no 6, Washington, pp. 4-5.

10. Schıelman H., (1875) Troy and its remains, ed. Johny Murray, London, p. 392.

11. Schmidt K., (2012) Göbekli Tepe, A Stone Age Sanctuary in South-Eastern Anatolia, Ex Oriente, Berlin, pp. 286.

Websites

https://whc.unesco.org/en/list/377/: Hattusha: the Hittite Capital
https://whc.unesco.org/en/list/849 : Archaeological City of Troy
https://whc.unesco.org/en/list/1572 : Göbekli Tepe
https://whc.unesco.org/en/list/1405 : Neolithic Site of Çatalhöyük

Серхан Чинар
Анкара университеті, Түркия
https://orcid.org/0000-0002-2381-3739
e-mail: *serhancinar@mail.ru*

ТҮРКИЯДАҒЫ ЮНЕСКО-НЫҢ МӘДЕНИ МҰРАЛАРЫ ТІЗІМІНЕ ЕНГЕН КЕЙБІР АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕР

Анадолы географиясы, Ежелгі Тавр және Қашғар аймақтары, Евфрат, Аракс және Қызылырмақ бассейндері, сондай-ақ Мендерес пен Фиртина алқаптарымен, архаикалық дәуірден бері Кіші Азияны қалыптастырған ең ежелгі мекендердің бірі болып табылады. Бұл аймақтарда тас, қола, темір және ерте орта ғасырлардағы Анадолы-түрік археологиялық мұраларына жататын көптеген археологиялық ескерткіштер, қорымдар, қасиетті орындар мен қала қалдықтары бар.

Кіші Азияның соқпалы, сан қырлы өткенінде, хет, лидия, эллиндік дәуірлерде бұл жерлерде Рим империясы, Византия, Селжук мемлекеті және Осман империясы билік құрды. Он жеті археологиялық нысан ЮНЕСКО-ның Дүниежүзілік мұралары тізіміне енгізілген Түркияның мәдени мұра нысандары мен табиғи тарихи ескерткіштері тізімінде бар.

Бұл зерттеуде ЮНЕСКО-ның мәдени мұра тізіміне енгізілген түрік археологиялық нысандары зерделенеді. Осы тұрғыда Гобеклитепе, Чаталхойюк, Хаттус және Троядағы қазба орындары таныстырылады.

Кілт сөздер: *Гобеклитепе, Чаталхойюк, Хаттуса, Троя, археологиялық қазбалар, ЮНЕСКО-ның мәдени мұрасы.*

Серхан Чинар
Университет Анкара, Турция
https://orcid.org/0000-0002-2381-3739
e-mail: *serhancinar@mail.ru*

НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ, ВКЛЮЧЁННЫЕ В СПИСОК КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО В ТУРЦИИ

География Анатолии, с древними регионами Тавр и Качгар, бассейнами Евфрата, Аракса и Кызылырмака, а также долинами Мендерес и Фиртина, является одной из самых ранних, которая формировала Малую Азию с архаического периода. В этих регионах существует множество археологических памятников, святилищ, некрополей и городских остатков анатолийско-турецкого археологического наследия эпохи камня, бронзы, железа и раннего средневековья.

На протяжении многогранного прошлого Малой Азии в хеттский, лидийский, эллинистический периоды на её землях правили Римская империя, Византия, государство Сельджуков и Османская империя. Семнадцать археологических памятников находятся в списке объектов культурного наследия и естественноисторических памятников Турции, включённых в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

В этом исследовании будут изучены турецкие археологические памятники, внесенные в список культурного наследия ЮНЕСКО. В этом контексте будут представлены места раскопок в Гобеклитепе, Чаталхойюке, Хаттусе и Трое.

Ключевые слова: *Гобеклитепе, Чаталхойюк, Хаттуса, Троя, археологические раскопки, культурное наследие ЮНЕСКО.*

МӘДЕНИ МҰРА

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.08

МРНТИ: 03.41.91

Байтлеу Д.А.[1], Искаков А.Ш.[2], Акшабаева Е.Б.[3]
[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана
г. Алматы, Казахстан
e-mail: *baitileu@gmail.com*
[2]Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау»
п. Улытау, Казахстан
e-mail: *iskakov.aydar@list.ru*
[3]Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана
г. Астана, Казахстан
e-mail: *yakshabayeva@bk.ru*

ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МУГАЛЖАР*

Памятники наскального искусства Казахстана – это важный источник информации, который помогает узнать о мировоззрении древних народов и проследить отдельные культурно-исторические процессы. В Казахстане представлены множество памятников древнего изобразительного искусства, одним из уникальных образцов изобразительного творчества можно назвать Мугалжарский регион. Мугалжары являются особенно интересными с точки зрения исследования памятников наскального искусства периода позднего бронзового века. Однако огромное количество материалов, связанных с наскальным изобразительным творчеством древнего населения Мугалжар, зафиксированных в названном регионе в последние годы, не систематизировано, кроме того, не проведен анализ характерных признаков и особенностей древнего искусства. Эти проблемы, в свою очередь, затрудняют процесс реконструкции древней истории Мугалжарского региона. В настоящей статье представлены материалы по древнему наскальному искусству Мугалжар, выявленные в последние годы изучения в данном регионе.

Ключевые слова: *Мугалжар, эпоха бронзы, святилище, петроглифы, мировоззрение.*

Памятники наскального искусства являются ценным источником для реконструкции мировоззренческих основ древнего населения, а также позволяют осветить отдельные аспекты важнейших культурно-исторических процессов. На территории Казахстана на сегодняшний день зафиксировано множество памятников наскального искусства, из года в год поступают новые и интересные данные по древнему наскальному изобразительному искусству. В контексте изучения памятников наскального

* Работа выполнена в рамках реализации задач программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК. ИРН проекта BR11765630

искусства одним из интересных является Мугалжарский регион. Огромное количество материалов, связанных с наскальным изобразительным творчеством населения эпохи бронзы, выявленных в последние годы в названном регионе, к сожалению, большей частью не систематизировано, не проведен анализ характерных признаков и особенностей памятников древнего искусства, все эти проблемы тормозят процесс выхода на новый уровень историко-культурных реконструкций в археологии рассматриваемого региона.

Наскальные изображения Мугалжарского региона локализованы преимущественно в центральных районах Мугалжарской горной системы. В центральных Мугалжарах расположены компактные группы петроглифов, такие как: Кайракты, Есекжал и др. Здесь также локализуется известный памятник древнего искусства – святилище Толеубулак и близкорасположенные к названному памятнику группы петроглифов Ашысай, Жыландыбулак, Камыстыколь, Соркольидр. Вюжнойчасти Мугалжар известно местонахождение петроглифов Сарлыбай, входящее в комплекс археологических памятников Сарлыбайского микрорайона.

Одной из отличительных особенностей местонахождений петроглифов Мугалжар является их компактность и сгруппированность на местности. Группы петроглифов или одиночные наскальные рисунки концентрируются вокруг определенного центра, как в случае с местонахождением Толеубулак и сгруппированных вокруг него мелких местонахождений, а также как на местонахождении Сарлыбай либо же на скальных выходах на незначительном участке вдоль реки, как в случае с местонахождением петроглифов Кайракты и Есекжал. Так или иначе группы петроглифов вдоль реки могут группироваться в комплекс памятников, куда могут входить некрополи, поселения и древние рудники.

Наскальные рисунки Мугалжар встречаются на отдельно стоящих валунах, расположенных на открытой местности, также фиксируются петроглифы, нанесенные в укромных местах – на плоскостях под валунами, в гротах и под навесами. Ещё одной особенностью петроглифов Мугалжарского региона является своеобразная ориентированность по сторонам света. Если классическим расположением петроглифов Казахстана является восточная, южная, западная направленность на склонах горной гряды или плоскостях камней, то в мугалжарских петроглифах такая закономерность не прослеживается. В контексте названного аспекта необходимо отметить, что в данный момент статистических подсчетов не проведено, но можно заметить, что определенная часть известных наскальных рисунков Мугалжарского региона либо нанесена на плоскостях камней, ориентированных на север, либо в местах, ограниченных для дневного света.

Одним из интересных памятников наскального искусства Мугалжар является местонахождение Кайракты. Петроглифы Кайракты расположены в Актюбинской области, в 3,2 км к северо-западу от аула Кайракты, на правобережье р. Есекжал, являющейся правым притоком р. Кайракты, в 2,8 км от устья. Памятник выявлен в 1950-е гг. в ходе геолого-разведочных работ. В 2001 г. его посетил С.Ю. Гуцалов совместно с геологом В.Ф. Коробковым. В 2007, 2008, 2012 и 2014 гг. обследован Казахстанско-Российской комплексной экспедицией. В 2019 г. комплексное исследование памятника проведено сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана совместно с Актюбинским областным историко-краеведческим музеем.

Археологические памятники различных категорий группируются вокруг святилища с петроглифами Кайракты, расположенного в небольшой долине, окаймленной пологими горными грядами на правобережье реки Есекжал в 3 км от места ее впадения в реку Кайракты. Непосредственно на площади святилища в его юго-западной части локализуются курганы с «усами» Кайракты. В горном распадке у входа в святилище, маркированного двумя менгирами, располагавшимися на противолежащих склонах, обнаружено два местонахождения керамики и кремневого инвентаря Есекжал 4 и 5. В 300 м ниже по течению по обе стороны реки локализуются еще два местонахождения – Есекжал 6 и 7. Выше по течению реки на ее правом берегу на протяжении 800 м от западного выхода из святилища Кайракты выявлены еще три местонахождения керамики Есекжал 1-3, занимавшие мысообразные площадки первой надпойменной террасы. В приустьевой части реки Есекжал на обоих берегах рек, Есекжал и

Кайракты, зафиксированы местонахождения Есекжал 8, 9 и Кайракты 2, 3. Ниже по течению реки Кайракты на её левом берегу находится еще одно местонахождение керамики – Кайракты 1.

В геологическом отношении объект находится в центральной части Борлинского гранитоидного массива, который расположен на границе Западных и Восточных Мугалжар. В долине небольшого ручья Есекжал обнаружены развалы даек габбро-диоритового состава. Породы темно-серого цвета, средне- и крупнозернистые, массивные, с выделениями пироксенов. Это керсантиты – слюдяной лампрофир диоритового состава, содержащий плагиоклаз, биотит и небольшое количество калиевого полевого шпата, а также пироксен, оливин, амфибол. Породы образуют глыбы изометричной и округлой формы, которые сгруппированы в отдельные скопления и располагаются в виде вытянутых перциональных цепочек, фиксирующих положение дайки. Поверхность глыб гладкая, она частично выровнена и пришлифована процессами эрозии. По поверхности пород развит тонкий слой патины (так называемый «пустынный загар»), представленный в виде блестящей темно-коричневой пленки. При удалении слоя патины с поверхности пород (например, при прочерчивании или отколе) на камнях появляются четкие светлые линии или рисунки. Этим свойством, видимо, пользовались древние художники.

По всей видимости, Кайракты представлял собой святилище и являлся важным культовым центром населения эпохи бронзы бассейна р. Кайракты *(рис. 1)*. Вход в святилище располагается в распадке между двумя грядами гор в северо-восточной части долины. Он маркируется двумя менгирами, установленными на противолежащих склонах. Четыре группы изображений располагаются компактными группами вокруг округлой в плане горы у подножия окружающих долину небольших сопок.

В самой близкой ко входу юго-восточной группе изображений отмечены слабо различимые рисунки змееподобных образов в виде волнообразного зигзага с утолщением на одном конце и острым окончанием на

***Рис. 1**. Местонахождение петроглифов Кайракты* | ***Fig. 1.** Location of the petroglyphs of Kayrakty*

Рис. 2. *Петроглифы Кайракты. Алтарный комплекс южной группы изображений, «жертвенный стол» и «поющий камень»*

Fig. 2. *Petroglyphs of Kairakty. Altar complex of the southern group of images, «sacrificial table» and «singing stone»*

противоположном, а также спирали в полтора оборота, окончания которой имели аналогичное оформление. В южной части долины, видимо, являвшейся семантическим центром святилища, локализуются две группы изображений, демонстрирующих наибольшую количественную представительность и разнообразие сюжетов. Здесь сосредоточены три группы петроглифов, включавшие грибовидные наскальные изображения, рисунки колес со спицами, двухколесной одноосной колесницы. На выходе из долины в северо-западной части святилища располагалась последняя группа рисунков, включавшая изображение грибовидного изображения и ступни человека.

В каждом скоплении есть выраженные алтарные комплексы, представленные массивными каменными плитами с относительно ровной поверхностью *(рис. 2)*. Обязательными атрибутами в каждом скоплении являются центральный камень с петроглифами и выкладки из камней, образующие дуги. Совершенно уникальными объектами, присутствующими во всех группах изображений, являются «поющие камни». О «музыкальных» свойствах этих камней устроители ритуалов, несомненно, знали в древности и использовали их в культовых целях. На одном из наиболее эффектных объектов этой категории в южной группе есть солярный символ в виде колеса. Сам камень шарообразной формы диаметром 1,5–2 м приподнят и подклинен снизу более мелкими камнями. Вся поверхность с изображением покрыта следами от многочисленных ударов. При ударе по этому камню другим предметом раздается мелодичный «металлический» звон. Вероятно, способность такого рода объектов издавать мелодичные звуки объясняется наличием полостей, о чем косвенно свидетельствует их присутствие на некоторых расколотых крупных валунах. Хотя любопытно отметить: «поющие» камни вызывают еще и геомагнитные аномалии.

На южном и юго-западном участках святилища были зафиксированы еще четыре пункта петроглифов, включавшие изображения колес со ступицами и спицами, фаллических и крестообразных фигур.

Для датировки петроглифов Кайракты и других аналогичных объектов в Мугалжарах большое значение имеет то обстоятельство, что типичные для всех известных пунктов (Тикаша, Енбекши, Толеубулак) грибовидные изображения на одном из камней южной группы включены в единую композицию с рисунками колесницы. Иконографическое решение, использованное в этой композиции для изображения повозки, совпадает с

традиционной трактовкой колесниц в плане, характерной для евразийской изобразительной традиции, уверенно связываемой с андроновской общностью эпохи поздней бронзы.

Комплексное изучение и копирование наскальных рисунков на местонахождении Кайракты позволило уточнить имеющиеся сведения о наскальных рисунках, дополнить конкретные плоскости новыми наскальными рисунками, не выявленными ранее. Так, на местонахождении Кайракты, на плоскости с изображениями двух грибовидных рисунков и изображения колесницы эпохи бронзы, были выявлены еще пять грибовидных символов. Данное уточнение позволяет конкретизировать хронологические рамки появления данного археологического объекта. В уточнении культурно-хронологической позиции памятника большое значение имеет то обстоятельство, что в месте локализации святилища на р. Есекжал *(рис. 3, 4)* зафиксирована представительная группа памятников кожумбердынской культурной группы эпохи поздней бронзы.

Рис. 3. *Местонахождение петроглифов Есекжал 1*

Fig. 3*. Location of petroglyphs Esekzhal 1*

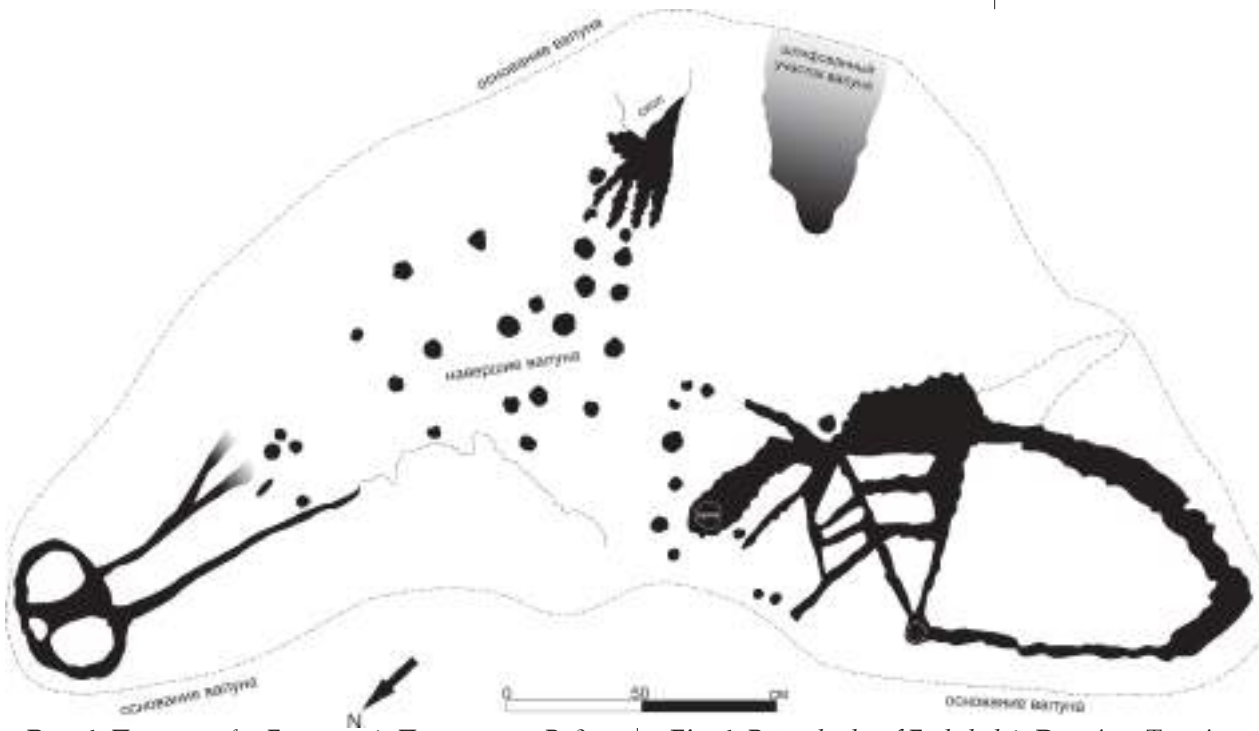

Рис. 4*. Петроглифы Есекжал 1. Прорисовка. Вид сверху валуна с наскальными изображениями*

Fig. 4*. Petroglyphs of Esekzhal 1. Drawing. Top view of boulder with rock carvings*

В целом местонахождения петроглифов Кайракты и Есекжал можно отнести к такому типу сакральных памятников, как святилище. Святилище – священное место или алтарь, который мог быть посвящён определенному божеству.

Интересно еще одно святилище в Южных Мугалжарах, а точнее в Шалкарском районе Актюбинской области, в 30 км к востоку от п. Биршогыр, на местонахождении петроглифов Сарлыбай *(рис. 5)*. Петроглифы Сарлыбай расположены в системе Сарлыбайского археологического микрорайона в 120 м к югу от карьера, в непосредственной близости от юго-восточной промплощадки рудника Сарлыбай II, который локализован в 1 км к западу – юго-западу от основного комплекса памятников Сарлыбайского археологического микрорайона. Общая протяженность «каменной галереи» составляет 350 м, ширина – 75–100 м. Наскальные изображения нанесены на отдельных глыбах и валунах габбро-диоритов, выходящих на дневную поверхность и образующих прерывистую гряду, ориентированную в субширотном направлении. Поверхность пород выровнена и прошлифована в результате процессов выветривания.

Детальное обследование площади местонахождения петроглифов Сарлыбай, представленного системой скальных выходов с рисунками, каменной конструкции (выкладки) ритуального назначения и отдельных пород камней, установленных в семантически значимых местах и имеющих определенные особенности, выраженные в вербальной, звуковой сигнализации, позволяет интерпретировать настоящий памятник как древнее святилище – культовое место, предназначенное для совершения древних обрядов или иных действий ритуального характера.

Отличительной особенностью святилища Сарлыбай является присутствие в его структуре «поющих» камней. Подобные объекты, как было отмечено ранее, также встречаются в святилище Кайракты на севере Центральных Мугалжар. Поющий камень был обнаружен в непосредственной близости от рудника Сарлыбай II. Так он был назван за уникальную способность издавать при ударе высокий звонкий звук, похожий на удар по металлу. Поющий камень находится в 70 м к востоку от «галереи» и представлен валуном габбро-диоритов пирамидальной формы. Валун целенаправленно возложен на широкий

Рис. 5. *Местонахождение петроглифов Сарлыбай* | ***Fig. 5.*** *Location of Sarlybai petroglyphs*

плоский постамент и со всех сторон приподнят каменными клиньями. Рядом на площадке находится скопление мелких по размеру глыб поперечником 20–30, в единичных случаях до 50 см. Глыбы так же имеют габбро-диоритовый состав, но подобными свойствами не обладают. В данном контексте необходимо отметить интересный факт – камень, издающий специфический металлический звон при ударе, также был зафиксирован на могильнике Сарлыбай, в структуре погребального сооружения.

В техническом отношении рисунки святилища Сарлыбай, так же, как и Кайракты, и Есекжал, выполнены точечной техникой. Скальные породы с рисунками подвержены сильной ветровой эрозии, в связи с чем сами петроглифы прослеживаются плохо, контуры и абрисы рисунков прослеживаются очень плохо и нечеткие. Рисунки нанесены на южных гранях плоскостей, в отдельных случаях на северных, и локализуются в основном на возвышенных участках ландшафта.

В ходе первоначального обследования площади святилища Сарлыбай было выявлено около 15 плоскостей с наскальными рисунками, на местонахождении Есекжал – около 11 плоскостей с рисунками.

Репертуар петроглифов Сарлыбай, Кайракты и Есекжал, обнаруживаемых на поверхностях валунов, включает символы, одинаково напоминающие почковидные (бобовидные) или грибовидные фигуры, фаллические знаки *(рис. 6)*, а также антропоморфов. Кроме того, среди петроглифов Сарлыбая и Есекжал обнаружены изображения раскрытой ладони, геометрические, неопределенные знаки и зооморфные фигуры. В целом репертуар петроглифов Сарлыбай во многом схож с петроглифами Кайракты и Есекжал, включавшими изображения грибовидных фигур.

Грибовидные знаки святилища Сарлыбай связаны с какими-то сложными ритуалами, во время проведения которых они выбивались и неоднократно использовались в обряде.

Интересны два зафиксированных на данный момент изображения раскрытой ладони в петроглифах Сарлыбай и Есекжал. Изображение ладони трактуют как особый талисман, приносящий счастье и оберегающий от дурного глаза. В Средней Азии культ руки с древнейших времен некоторые исследователи связывают с человеческим могуществом (Марр, 1970).

Скальные участки Сарлыбая, как изначально организованное пространство,

Рис. 6. *Петроглифы Сарлыбай. Наскальное изображение грибовидной фигуры и солярных знаков*

Fig. 6. *Sarlybai petroglyphs. Rock carving of a mushroom-shaped figure and solar signs*

привлекали внимание древних рудокопов, которые могли использовать плоскости в качестве святилища и наносить рисунки во время каких-то ритуалов. В предварительном порядке наскальные рисунки святилища Сарлыбай можно датировать временем функционирования древних рудников Сарлыбай I и II, то есть эпохой поздней бронзы, допуская при этом возможность и более ранней даты их появления.

Одним из уникальных памятников наскального искусства можно назвать местонахождение петроглифов – святилище Толеубулак. Местонахождение Толеубулак расположено в центральной части Мугоджарских отрогов Уральской горной системы, в верховьях р. Жем (Эмба) *(рис. 7)*. Местонахождение Толеубулак представляет собой комплекс археологических памятников, куда входят стоянки голоценового периода, погребальные сооружения периода бронзового и раннего железного веков. Одним из уникальных и интересных объектов на местонахождении Толеубулак являются петроглифы, которые можно назвать одним из древнейших памятников наскального искусства Казахстана. В целом на Толеубулаке обнаружено четыре основных скопления наскальных рисунков, которые локализуются в естественных гротах (три малых и один большой грот).

Наскальные изображения и окрестности грота с палеолитическими стоянками получили известность в ходе работ Российско-Казахской археологической экспедиции в 1999–2001 годах под руководством А.П. Деревянко и Ж.К. Таймагамбетова (Деревянко и др., 2001). В последующие годы в данной местности проводились разведочные работы по выявлению палеолитических объектов, а также по исследованию петроглифов (Самашев, 2006; Онгар и др., 2006; Таймагамбетов и др., 2010; Мамиров и др., 2012; Таймагамбетов и др., 2016; Мамиров и др., 2020). В 2020 году было произведено сплошное копирование наскальных рисунков большого грота Толеубулак, а также малых гротов в округе (Байтлеу и др., 2022).

Большой грот Толеубулак с наскальными рисунками представляет собой неглубокую пещеру со сводчатым потолком, образованную из кварцитопесчанника *(рис. 8)*. Грот, вероятно, сформирован в процессе естественных денудационных процессов, обвалов и выветривания.

Наскальные рисунки нанесены на десяти основных плитах грота, которые разделены

Рис. 7. *Местонахождение петроглифов Толеубулак. Фото Т.Б. Мамирова*

Fig. 7. *Location of Toleubulak petroglyphs. Photo by T.B. Mamirov*

между собой естественными расщелинами и трещинами. Цельных и самых больших плит две, они расположены в центральной и юго-восточной части грота.

В репертуаре наскальных изображений большого грота Толеубулак превалируют геометрические рисунки, которые образованы путем изображения простых прочерченных линий, штрихов, сеток, решеток. Поиск аналогий для подобных изображений не дает конкретных результатов. Близкими аналогиями в технике изготовления петроглифов и отдельные схожие сюжеты можно наблюдать в петроглифах у села Экибулак в Дагестане (Марковин, 2006: 59). Отдельные рисунки у села Экибулак датируются периодом неолита-энеолита (Марковин, 2006: 197–198).

Одним из косвенных свидетельств допалеометаллического происхождения данного памятника может служить наличие многочисленных стоянок периода неолита, расположенных в окрестностях близ большого грота Толеубулак (Мамиров и др., 2020). Горная порода, из которой сложена сопка с большим гротом, вполне возможно была источником сырья для изготовления каменных орудий для неолитического населения, а сам грот мог выполнять функции святилища.

Кроме наскальных рисунков линий и «сеток», в первом секторе наблюдаются множество изображений концентрических окружностей, выполненных в контурном стиле. Наскальные изображения окружностей достаточно вариативны. Встречаются окружности с несомкнутой дугой в хорде, с изображением двух лучей, образующих острый угол V-образной фигуры внутри, имеющие незначительные по глубине круглые лунки на окончаниях лучей. Направления углов V-образной фигуры разнообразны.

В единичных случаях концентрические окружности заполнены линиями, формирующими своеобразный графический символ в виде знака «А». Встречаются сюжеты, когда внутри наскального изображения круга прочерчены три-четыре коротких линии, не касающиеся краев окружности.

В петроглифах большого грота Толеубулак фиксируются лункообразные каплевидные фигуры, с внешней стороны огражденные желобами, образующие каплевидные контурные фигуры. Лункообразные каплевидные фигуры располагаются в ряд: как по вертикали, так и по горизонтали. Названные наскальные рисунки можно интерпретировать как «женские» знаки. Схожие наскальные

Рис. 8. *Местонахождение петроглифов большого грота Толеубулак. Фото Т.Б. Мамирова*

Fig. 8. *Location of the petroglyphs of the large Toleubulak grotto. Photo by T.B. Mamirov*

рисунки с толеубулакским женским знаком можно найти в петроглифах Дагестана (Марковин, 2006: 109). Наиболее близкой аналогией является наскальное изображение вульвы («горельеф»), обнаруженной у села Экибулак (Марковин, 2006: 59:).

В большом гроте Толеубулака фиксируются множество грибовидных и фаллических наскальных изображений, расположенных преимущественно в центральной части грота и у входа в грот. В центральной части грота наскальные рисунки достаточно рельефные и образованы глубокими и большими лунками, которые, в свою очередь, образуют полусферы на плоскости, чашевидные углубления, концентрические окружности, прочерченные линии, а также многочисленные грибовидные фигуры и фаллические символы.

К особенностям наскальных изображений грибовидных фигур относится максимальная глубина лунок, из которых образуется грибовидный образ. Чаще всего наскальные рисунки грибовидных фигур сформированы из парных глубоких чашевидных лунок, объединенных между собой незначительно выступающим перешейком. Глубина парных фигур круглой, овальной, чашеобразной формы порой достигает 7–8 см.

Наскальные рисунки грибовидных фигур, расположенные у входа в грот, отличаются от схожих петроглифов центрального сектора. Отличие прослеживается как в технике нанесения наскальных рисунков, так и в стиле отображения названной фигуры. Наскальные рисунки грибовидных фигур у входа в грот исполнены точечной техникой, изображения контурные, редко внутреннее пространство выполнено сплошной выбивкой. Выбивка наскального рисунка неглубокая, в редких случаях шлифовалась.

Смысловая нагрузка наскальных изображений каплевидных фигур – женских знаков и грибовидных изображений – тесно взаимосвязана и дополняет друг друга, что послужило поводом отнести эти рисунки к одному семантическому и хронологическому блоку. В обоих названных секторах отображены символы, тесно связанные с отправлением обряда, связанного с культом плодородия. С подобной трактовкой наскальных рисунков солидарны исследователи толеубулакских петроглифов (Самашев, 2006: 21; Ткачев, 2016: 80; Таймагамбетов, 2020: 25).

Наскальные рисунки грибовидных изображений, расположенных у входа в грот, схожи с петроглифами центрального сектора грота, но техника их изготовления несколько иная. Кроме того, в одном случае зафиксировано наскальное изображение луча, исходящего от грибовидной фигуры, нанесенного под ранний пласт, который ранее был поврежден и отколот. Изображение луча продолжено на сохранившейся плите выше скола, что позволяет сделать некоторые заключения о хронологии (стратиграфии) нанесения наскальных рисунков у входа в большой грот Толеубулак, а именно о позднем нанесении наскальных рисунков, расположенных у входа, в сравнении с рисунками центральной части грота.

В пользу позднего происхождения наскальных рисунков, расположенных у входа в большой грот Толеубулак, также говорят схожие петроглифы, которые широко распространены во всем Мугалжарском регионе (Ткачев, 2017) и уверенно синхронизируются с культурным ландшафтом памятников периода позднего бронзового века (Ткачев, 2016: 78–81), что, на наш взгляд, несомненно и вполне обоснованно.

Интерпретация же наскальных рисунков грибовидных фигур, предложенная В.В. Ткачевым для петроглифов позднего бронзового века, на наш взгляд является спорной и требует более тщательного изучения. Грибовидные изображения Мугалжар трактуются исследователем в контексте индоиранской мифологии (культа лингама и йони).

Полагаем, что дискуссионность в определении семантики поздних петроглифов Толеубулака, а также наскальных рисунков Мугалжарского региона порождается в однозначном восприятии образов грибовидных фигур. Если с наскальными рисунками центральной части большого грота Толеубулака все очевидно, т.е. грибовидные рисунки, безусловно, необходимо трактовать как часть фаллических знаков, которые вкупе с женскими знаками формируют образы культа плодородия, то с петроглифами, расположенными у входа в грот, ситуация иная. На наш взгляд, здесь мы имеем дело с изобразительным инвариантом, когда основные элементы наскального рисунка (грибовидная основа) остаются неизменными и устойчиво повторяются на разных по содержанию

изображениях в иных хронологических горизонтах (Шер, 1980: 32). Названный феномен ярким образом представлен на одной из плоскостей малого грота Толеубулак. Здесь под небольшим навесом в ряд изображены грибовидные фигуры, где можно проследить трансформацию образа и постепенную деградацию техники изготовления наскального рисунка, когда от четко очерченного и прошлифованного наскального рисунка в последующее время берется лишь форма и теряется основной смысл образа.

Поиск прямых аналогий наскальных изображений грибовидных фигур Толеубулака, к сожалению, не приводит к каким-либо конкретным результатам. Грибовидные фигуры Толеубулака периода бронзового века, как и схожих петроглифов Мугалжар, – это региональный феномен. Тем не менее схожие по форме рисунки можно найти в петроглифах Дагестана, которые трактуются исследователями как изображения лабиринтов и датируются периодом средневековья (Хан-Магомедов, 2000: 72), при этом допускается мысль о более раннем происхождении изображений лабиринтов. Схожий с дагестанскими лабиринтами рисунок также фиксируется на сарматском святилище Байте 3 в Северо-Восточном Прикаспии (Дженито и др., 2000: 8) и отдаленно напоминает грибовидные наскальные рисунки Толеубулака. Интересно, что изображения, схожие по форме с грибовидными наскальными рисунками Толеубулака, можно найти в каменных (рыболовных) конструкциях Белого и Баренцева морей (Гурина 1948: 124–142), которые датируются кон. II – нач. I тыс. до н. э. (Гурина, 1953: 419).

Допуская мысль, что поздние наскальные рисунки грибовидной формы Толеубулака могли отображать какую-либо конструкцию для охоты и/или рыболовства, мы наталкиваемся на стреловидные каменные конструкции Устюрта, так называемые араны, конструкция которых в горизонтальной проекции очень близка петроглифам позднего пласта большого грота Толеубулак. Также отметим, что географически Устюрт не столь отдален от Центральных Мугоджар, что может говорить о гомогенности населения в определенный хронологический период. Помимо того, хронология появления аранов берет начало со второй половины I тыс. до н. э. (Ягодин, 1991: 127).

Конечно, подобная интерпретация поздних петроглифов грибовидных фигур Толеубулака и иных местонахождений петроглифов Мугалжар вполне спорна, но необходимо подчеркнуть, что лабиринты, стреловидные сооружения могли иметь не только практическое значение в качестве конструкции для загонной охоты, но и могли быть сакральными объектами (Самашев, 2021: 77). Таким образом, полагаем, что подобная интерпретация наскальных рисунков позднего бронзового века Мугалжар имеет право на дальнейшую разработку и анализ.

Петроглифы Мугалжарского региона являются одним из древнейших и интересных памятников наскального искусства Евразии. Древнейшие петроглифы Мугалжар уникальны, и аналоги им на территории не только Казахстана, но и центральной Евразии пока неизвестны. Несмотря на отсутствие прямых аналогий, необходимость и значимость дальнейших изысканий в области древнего изобразительного творчества населения Мугалжар безусловно и обоснованно информативностью объекта исследования, т. е. памятников древнего искусства, в ходе изучения которых затрагиваются не только аспекты изучения материальной культуры, но и раскрывается завеса над более глубоким и сложным внутренним миром древнего человека, могут быть получены ответы на вопросы изучения духовной культуры населения региона в древности. Изучение древнего искусства Мугалжарского региона позволяет обозначить границы расселения древних племен и районы их расселения в регионе, установить симбиоз материальной и духовной культуры в локальном регионе.

Исследования в области семантики и интерпретации памятников наскального искусства Мугалжар могут обогатить представления современного человека об отдельных сторонах мироустройства в древности. Немаловажным аспектом является необходимость популяризации археологического наследия региона путем дальнейшей разработки туристических маршрутов по наиболее информативным и репрезентативным объектам древнего искусства, в данном случае местонахождениям петроглифов Мугалжар.

Литература

1. Байтлеу Д.А., Таймагамбетов Ж.К., Мамиров Т.Б. Пространственная организация и наскальные рисунки большого грота Толеубулак в Мугоджарах // Stratum plus. – № 2. – 2022. – С. 219–231.

2. Гурина Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // Советская археология. – Том 10. – М.–Л., 1948. – С. 124–142.

3. Гурина Н.Н. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцевого морей / Н.Н. Гурина // Материалы и исследования по археологии СССР. – Том 39. – М.–Л.: изд-во АН СССР, 1953. – С. 408–421.

4. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Таймагамбетов Ж.К., Ламин В.В., Искаков Г.Т., Абсадык Ж. Открытие петроглифов в верховьях р. Эмба в Мугоджарских горах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г.) – Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии С РАН, 2001. – Т. VII. – С. 100–103.

5. Дженито Б., Ольховский В.С., Самашев З.С., Франкфор А.П. Исследование древних святилищ Арало-Каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М., 2000. – С. 7–20.

6. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, 1993. – 246 с.

7. Ладыгина Ю.М. Сцены с женскими персонажами в наскальном искусстве Саяно-Алтая в исторической ретроспективе. Дисс… канд. ист. наук. – Кемерово. 2018. – 243 с.

8. Марковин В.И. Наскальные изображения предгорий Дагестана. – Москва: Наука, 2006. – 210 с.

9. Мамиров Т.Б., Таймагамбетов Ж.К. Новые палеолитические памятники в Мугалжарах // Материалы II Международной научной практической конференции «Кадырбаевские чтения». – Актобе, 2016. – С. 33–37.

10. Мамиров Т.Б., Таймагамбетов Ж.К., Байтлеу Д.А, Мамиров К.Б. Памятники эпохи неолита у родника Толеубулак и в верховьях р. Эмба // Сборник материалов VI Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения» – Актобе, 2020. – С. 67–71.

11. Марр С.М. Мохаррам (Шиитские мистерии как пережиток древних переднеазиатских культов) // СМАЭ. XXVI. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – Л., 1970. – С. 313–366.

12. Марьяшев А.Н., Потапов С.А. Камни с чашевидными углублениями из Семиречья. История и археология Семиречья. – Алматы, 1999. – С. 104–109.

13. Онгар А., Нурпеисов М., Киясбек Г., Логвин А., Жетписбай Н. Археологические памятники микрорайона Толеубулак-Егиндибулак (предварительные итоги работ) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2006. – № 3. – С. 197–213.

14. Самашев З. Петроглифы Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 200 с.

15. Таймагамбетов Ж.К., Мамиров Т.Б. Палеолит Арало-Каспийского региона. – Алматы: Қазақ университеті, 2012. – 253 с.

16. Таймагамбетов Ж.К., Сойкина Н.Ю. Искусство палеолита Евразии. – Алматы: Хантәңірі, 2016. – 232 с.

17. Таймагамбетов Ж.К. Еще раз об открытии и исследовании петроглифов голоценового периода грота Эмба (Толеубулак) // Археология Казахстана. – 2020. – № 3. – С. 20–29.

18. Ткачев В.В. Кожумбердынская культурная группа в контексте концепции культурного ландшафта и индоиранской проблематики // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2016. – № 16 – С. 66–87.

19. Ткачев В.В. Формирование культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в позднем бронзовом веке: освоение меднорудных ресурсов и стратегия адаптации к условиям горно-степной экосистемы // Stratum plus. – 2017. – № 2 – С. 207–230.

20. Хан-Магомедов С.О. Дагестанские лабиринты (к проблеме автохтонности и типологии) / Архитектура Дагестана. Выпуск 3. 2000. – 262.

21. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – Москва: Наука, 1980. – 328 с.

22. Ягодин В.Н. Стреловидные планировки Устюрта (опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья. Выпуск 5. 1991. – 204 с.

References

1. Baıtleu D. A., Taımagambetov J. K., Mamırov T. B. Prostranstvennaıa organızasıa ı naskalnye rısýnkı bolshogo grota Toleýbýlak v Mýgodjarah // Stratum plus. №2. 2022. 219–231.

2. Gýrına N. N. 1948. Kamennye labırınty Belomorá. V: Grekov B.D. (gl. red.). Sovetskaıa arheologıa. (10). 124–142

3. Gýrına N. N. 1953. O datırovke kamennyh labırıntov Belogo ı Barensevogo morei. V: Okladnıkov A. P. (gl. red.). Materıaly ı ıssledovanıa po arheologıı SSSR. (39). 408–421

4. Derevánko ı dr. 2001: Derevánko A. P., Petrın V. T., Gladyshev S. A., Taımagambetov J. K., Lamın V. V., Iskakov G. T., Absadyk J. 2001. Otkrytıe petroglıfov v verhováh r. Emba v Mýgodjarskıh gorah. Problemy arheologıı, etnografıı, antropologıı Sıbırı ı sopredelnyh terrıtorı. (7). 100–103.

5. Djenıto, Olhovskı ı dr. 2000: Djenıto B., Olhovskı V. S., Samashev Z., Frankfor A. -P. 2000. Issledovanıe drevnıh svátılısh Aralo-Kaspıiskıh stepei: ıtogı ı perspektıvy Arheologıa, paleoekologıa ı paleodemografıa Evrazıı. 2000. 7–20.

6. Zaıbert V. F. 1993. Eneolıt Ýralo-Irtyshskogo mejdýrechá. Petropavlovsk: Naýka.

7. Ladygına Iý. M. 2018. Seny s jenskımı personajamı v naskalnom ıskýsstve Saıano-Altaıa v ıstorıcheskoı retrospektıve. Dıss. … kand. ıst. naýk. Kemerovo.

8. Markovın V. I. 2006. Naskalnye ızobrajenıa predgorı Dagestana. Moskva: Naýka.

9. Mamırov ı dr. 2010: Mamırov T. B., Taımagambetov J. K. Novye paleolıtıcheskıe památnıkı v Mýgaljarah. V: Materıaly II Mejdýnarodnoı naýchnoı praktıcheskoı konferensıı Kadyrbaevskıe chtenıa – 2010. Aktobe. 33–37.

10. Mamırov ı dr. 2020: Mamırov T. B., Taımagambetov J. K., Baıtleý D. A, Mamırov K. B. Památnıkı epohı neolıta ý rodnıka Toleýbýlak ı v verhováh r. Emba. V: Ýrazova A. B. (otv. red.). Sbornık materıalov VI Mejdýnarodnoı naýchnoı konferensıı Kadyrbaevskıe chtenıa–2020. Aktobe. 67–71

11. Marr S.M. Moharram (Shıitskıe mısterıı kak perejıtok drevnıh peredneazıatskıh kúltov) // SMAE. – HHVİ. - Tradısıonnaıa kúltýra narodov Perednei ı Srednei Azıı. - L., 1970. – S. 313–366

12. Maráshev ı dr. 1999: Maráshev A.N., Potapov S.A. Kamnı s chashevıdnymı ýglýbleníamı ız Semırechá. Istorıa ı arheologıa Semırechá. Almaty. 104–109.

13. Ongar, Nýrpeısov ı dr. 2006: Ongar A., Nýrpeısov M., Kıasbek G., Logvın A., Jetpısbaı N. Arheologıcheskıe památnıkı mıkroraıona Toleýbýlak-Egındıbýlak (predvarıtelnye ıtogı rabot). Voprosy ıstorıı ı arheologıı Zapadnogo Kazahstana. (3). 197–213.

14. Samashev Z. 2006. Petroglıfy Kazahstana. Almaty: Oner. – 206 s.

15. Taımagambetov J. K., Mamırov T. B. 2012. Paleolıt Aralo-Kaspıiskogo regıona. Almaty: Qazaq ýnıversıteti.

16. Taımagambetov J. K., Soıkına N. Iý. 2016. Iskýsstvo paleolıta Evrazıı. Almaty: Hantáńiri.

17. Taımagambetov J. K. 2020. Eshe raz ob otkrytıı ı ıssledovanıı petroglıfov golosenovogo perıoda grota Emba (Toleýbýlak). Arheologıa Kazahstana. (3), 20–29. DOI:https://doi.org/10.52967/akz2020.3.9.20.29.

18. Tkachev V. V. 2016. Kojýmberdynskaıa kúltýrnaıa grýppa v kontekste konsepsıı kúltýrnogo landshafta ı ındoıranskoı problematıkı. Izvestıa Irkýtskogo gosýdarstvennogo ýnıversıteta. Serıa «Geoarheologıa. Etnologıa. Antropologıa». (16). 66–87.

19. Tkachev V. V. 2017. Formırovanıe kúltýrnogo landshafta Ýralsko-Mýgodjarskogo regıona v pozdnem bronzovom veke: osvoenıe mednorýdnyh resýrsov ı strategıa adaptasıı k ýslovıam gorno-stepnoı ekosıstemy. Stratum plus. (2). 207–230.

20. Han-Magomedov S. O. 2000. Dagestanskıe labırınty (k probleme avtohtonnostı ı tıpologıı). Arhıtektýra Dagestana. Vypýsk 3.

21. Sher Ia. A. 1980. Petroglıfy Srednei ı Sentralnoı Azıı. Moskva: Naýka

22. Iagodın V. N. 1991. Strelovıdnye planırovkı Ýstúrta (opyt ıstorıko-kýltýrnoı ınterpretasıı). Arheologıa Prıaralá. Vypýsk 5.

Байтілеу Д.А.[1], Ысқақов А.Ш.[2], Ақшабаева Е.Б.[3]
[1]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Алматы қ., Қазақстан
e-mail: *baitileu@gmail.com*
[2]«Ұлытау» ұлттық тарихи-мәдени және табиғи қорық-музейі
Ұлытау к., Қазақстан
e-mail: *iskakov.aydar@list.ru*
[3]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астана қаласы филиалы
Астана қ., Қазақстан
e-mail: *yakshabayeva@bk.ru*

МҰҒАЛЖАР ЖАРТАС ӨНЕРІНІҢ ЕСКЕРТКІШТЕРІ

Қазақстанның жартас өнері ескерткіштері ежелгі адамдардың дүниетанымын білуге және белгілі бір мәдени-тарихи аспектілер мен тарихи процестерді бақылап отыруға көмектесетін маңызды ақпарат көзі болып табылады. Қазақстанда көне бейнелеу өнерінің ескерткіштері көп, бейнелеу өнерінің бірегей үлгілерінің бірі Мұғалжар өңірін атауға болады. Мұғалжар әсіресе соңғы қола дәуіріндегі жартас өнері ескерткіштерін зерттеу тұрғысынан қызықты. Алайда, соңғы жылдары аталған өңірде тіркелген Мұғалжар ежелгі халқының жартастағы бейнелеу шығармашылығына байланысты көптеген материалдар жүйеленбеген, сонымен қатар ежелгі өнердің тән белгілері мен ерекшеліктеріне талдау жасалмаған. Бұл мәселелер өз кезегінде Мұғалжар өңірінің көне тарихын қайта жаңғырту үдерісін қиындатады. Бұл мақалада осы өңірде соңғы жылдары зерттелген Мұғалжардың ежелгі жартас өнері туралы материалдар берілген.

Кілт сөздер: *Мұғалжар, қола дәуірі, киелі жер, петроглифтер, дүниетаным.*

Baitileu D.A.[1], Iskakov A.Sh.[2], Akshabayeva E.B.[3]
[1]Margulan Institute of Archaeology
Almaty, Kazakhstan
e-mail: *baitileu@gmail.com*
[2]National Historical, Cultural and Natural Reserve-Museum «Ulytau»
Ulytau, Kazakhstan
e-mail: *iskakov.aydar@list.ru*
[3]Branch of Margulan Institute of Archaeology in Astana
Astana, Kazakhstan
e-mail: *yakshabayeva@bk.ru*

MONUMENTS OF ROCK ART OF MUGALZHAR

The rock art monuments are a valuable source for reconstructing the worldview of ancient populations, as well as shedding light on specific aspects of important cultural-historical processes. There are numerous rock art monuments in Kazakhstan today, with new and interesting data on ancient rock art emerging every year. In the context of studying rock art monuments, the Mugalzhar region is particularly interesting. Unfortunately, a large part of the vast amount of material related to the rock art of the Bronze Age population, discovered in this region in recent years, has not been systematized, and an analysis of the characteristic features and peculiarities of ancient art monuments has not been conducted. All of these issues hinder the process of reaching a new level of historical and cultural reconstruction in the archaeology of the region under consideration.

Keywords: *Mugalzhar, Bronze Age, sanctuary, petroglyphs, world view.*

МӘДЕНИ МҰРА

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.09

Дарменов Р.Т.
Национальный музей Республики Казахстан
г. Астана, Казахстан
e-mail: *darmenov_rustem@mail.ru*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАРАЛЬЯ

В предлагаемой статье автор подводит промежуточные итоги археологических работ, проведенных на территории Приаралья в советское и современное время. Для понимания археологической ситуации в статье рассматриваются основные вопросы геологии и геморфологии Северного Приаралья и истории археологических исследований региона. Характерной чертой климата Казахстана в плейстоцене являлся процесс усиления аридизации, носивший циклический характер, обусловленный как тектонической активностью, так и глобальными колебаниями палеоклимата. Культурно-хронологическая оценка таких индустрий чрезвычайно сложна и дается преимущественно на основе косвенных признаков – геоморфологического положения, сохранности поверхности артефактов, анализа сырьевых ресурсов и технико-типологических параметров.

Ключевые слова: *Северное Приаралье, местонахождения с поверхностным залеганием артефактов, кварцитовидные песчаники, каменные орудия.*

Казахстан с древнейших времен являлся территорией расселения и миграции племен и народов Центральной Азии. Здесь сохранились в первозданном виде археологические комплексы, которые не только позволяют нам проследить и выявить генезис древних культур, но и сравнить их с этнографическими параллелями современных народов Средней Азии. Однако нужно отметить, что археологические памятники расположены неравномерно и основная масса их размещена вдоль древних рек и озер. Наиболее насыщенная археологическими памятниками территория – это Туранская низменность, где природная особенность местности способствовала расселению и взаимосвязи между кочевыми и оседлыми народами Среднеазиатско-Казахстанского региона, а также сложению историко-культурных областей.

Территория Турана (Туранской низменности) определяется географами от Каспийского моря на западе до Центрального Казахстана на востоке и от степной полосы на севере до южных окраин крупнейших азиатских пустынь Каракум и Кызылкум на юге. Туран в географической науке, по определению академика В.В. Бартольда, – это «бассейн Аральского моря». Именно таковы границы региона, в пределах которого будет проводиться наше исследование (Бартольд, 1971: 231).

Физико-географическая характеристика северо-восточного Приаралья

Северное Приаралье исторически занимает территорию пустынь: Приаральские Каракумы, Малые и Большие Барсуки. На западе оно граничит с предгорной равниной Мугоджар и Устюртом, на севере – со степями Тургайского плато, на востоке подходит к границе Казахского мелкосопочника, на юге – с низовьем реки Сырдарьи. Рельеф строения Северного Приаралья разнообразен, здесь возвышенности и их останцы чередуются с понижениями и крупными массивами песков. Самая высокая точка – 408 м, её достигает возвышенность Чушкакуль, а песчаные массивы лежат на высоте 100–200 м и ниже.

Песчаные массивы Северного Приаралья сформировались из отложения древних транзитных рек, стекавших с Мугоджар, Улутау и др. Они размывали содержащие песок слои мезо-кайнозойского покрова. Для образования аллювиальных песчаных отложений рекам достаточно было перенести на небольшое расстояние захваченный песчаный материал и отложить его на поверхности коренных пород. Такое происхождение имеют Приаральские Каракумы и часть массива Больших Барсуков, мощность песчаных отложений тут незначительная. Другая часть Больших Барсуков и Малых Барсуков образовались путем перевевания коренных песчаных отложений, вследствие чего поверхность пустынь приобрела типичный эоловый рельеф. Это бугристые пески, заросшие травянистой, полукустарниковой и кустарниковой псаммофитной растительностью. Основной рельеф пустыни представлен закреплёнными растительностью буграми и редкими площадками, разбитыми песками – барханами. Местами сохранились древние останцы – столовые возвышенности.

Климат Северного Приаралья относится к южным районам умеренного пояса. Резко континентальный. Зимы здесь довольно холодные и продолжительные вследствие

Рис. 1. *Аральское море. 2021 г.*

Fig. 1. *Aral Sea. 2021*

проникновения сюда с севера антициклонов. Воздух колеблется от –12 в южной части до –15 градусов в северной части. Лето жаркое, в июле средняя температура воздуха удерживается около 25 градусов. Абсолютный максимум температуры воздуха достигает +45 градусов и минимум – –45 градусов, амплитуда составляет около 87 %. Осадков в год в среднем выпадает 130–200 мм, причем максимум приходится на зиму.

Постоянный поверхностный сток вод отсутствует, имеется только небольшой участок на севере – низовье реки Иргиз и Тургай. Весной, во время таяния снега, появляются небольшие озерца на такырах, в шорах, которые к лету высыхают. В западной части Северного Приаралья, между песчаными массивами Большие и Малые Барсуки, встречаются участки с лугово-аллювиальными почвами. Эти массивы песков имеют лучшее водоснабжение – здесь залегание пресных грунтовых вод не ниже 3–20 м, и растительность на поверхности песков богаче (Яншин, 1953).

История археологического изучения Северного Приаралья

Археологические памятники северо-восточной части Приаралья длительное время оставались не изучены, только в 40-ых гг. XX века начинается их исследование. Большинство из ныне известных памятников открыто геологами, географами, биологами, проводившими свои исследования в Приаралье. Систематизацию первых сведений в археологической карте окрестностей города Аральск провел Г. Алексеев в 1940 г., отметив более десяти стоянок эпохи неолита, энеолита и бронзы. В 1944 г. была открыта крупная энеолитическая стоянка – Саксаульская, которая впоследствии подверглась неоднократному исследованию со стороны археологов.

Наибольший вклад в исследования региона внесла Хорезмская археолого-этнографическая экспедиции под руководством С.П. Толстова. В 1940 г. С.П. Толстов открыл кельтеминарскую культуру в Хорезме. Для нее типичен микролитический инвентарь: ножевидные

Рис. 2. *Стоянка Косаман. Аральский район, Кызылординская область*

Fig. 2. *Kosaman site. Aral region, Kyzylorda region*

пластины, концевые скребки на пластинах, тонкие пластинчатые вкладыши для дерева и кости и круглодонная керамика с орнаментами из геометрических фигур, нанесенных гребенчатым штампом и нарезкой. Датировал культуру IV–III тысячелетием до н. э. С.П. Толстов доказал, опираясь на новые материалы, что в первобытную эпоху существовали культурные связи и взаимоотношения населения Евразии от Причерноморья в Сибирь через Приаралье (Толстов, 1948: 65–70).

В 1944 г. здесь работает один из отрядов Хорезмской экспедиции под руководством А.А. Формозова, перед которым стояла задача выявить промежуточные культурные связи культур Средней Азии и Приаралья на казахстанских археологических материалах. Наличие большого количества уже выявленных стоянок первобытного человека от эпохи неолита – начала бронзового века, дающее новый материал о культурных связях в прошлом, могло помочь открыть одну из страниц истории расселения людей на просторах степной Евразии. Территория исследования охватила пески Малых и Больших Барсуков, Приаральских Каракумов, плато Устюрт, бассейн реки Иргиз и Тургай и на западе.

Было отмечено сходство стоянок Казахстана и Джанбас-кала (Хорезм) в материальной культуре – это ножевидные пластины, концевые скребки, вкладыши, проколки, скобели и нуклеусы. Аналогичные формы сосудов с прямыми шейками, плавно переходящие к тулову, характерны зоны орнамента вдоль венчика. Орнаменты в виде зигзагов, ромбы и прямоугольники со штриховкой, елка, пояс линий под ободок, нанесённый гребенчатым штампом и нарезкой. А.А. Формозов считает, что стоянки хоть и относятся к кельтеминарским племенам, но, вероятно, можно выделить их как казахстанский вариант. Для них характерны пластины со срезанным притупляющей ретушью концом, нуклеусы со скошенными основаниями, обработанные лишь с одной стороны, режущие острия на пластинах (Формозов, 1949: 49–58).

С 1955 года основные работы по Северному Приаралью проводил А.В. Виноградов. Им были проанализированы и систематизированы археологические материалы, сравнительный анализ которых показал, что ранние стоянки существовали с конца III тысячелетия до н. э. Как отметил А.В. Виноградов, основным хозяйством неолитических племен были рыболовство и охота. Об этом свидетельствует находка обломка грузил для рыболовных сетей из плотного песчаника, которая имеет вид диска с отверстием в центре.

Обследование характера расположения подъемного материала и планиграфия поселения во время сбора подъемного материала на территории стоянки, типологический анализ кремневого инвентаря позволили ему поставить вопрос о разновременности материалов, ранее опубликованных А.А. Формозовым. На стоянках было выделено три хронологически разнородных комплекса. Наиболее ранняя часть материалов относится к раннекельтеминарскому типу. Основным типологическим критерием при этом было отсутствие двусторонних обработанных наконечников стрел и наличие мелких симметричных трапеций, а более поздние материалы в своем составе имели большое количество двусторонне обработанных орудий. (Виноградов, 1959: 76–82). Третий комплекс относился к андроновской культурной общности и представлен фрагментами сосудов с орнаментацией, характерной для казахстанского варианта андроновской керамики.

До начала 90-х годов XX в. в Казахстане единственными более или менее задокументированными коллекциями кельтеминарской культуры являлись материалы из района Аральска. В других районах Западного Казахстана известны лишь случайные сборы, опубликованные в свое время А.А. Формозовым, и, ввиду их плохой документированности, оперировать ими не представляется возможным.

Как отметил А.В. Виноградов, «… до проведения новых, более углубленных исследований, можно оставить открытым вопрос о культурной принадлежности стоянок собственно северо-восточного Приаралья» (Виноградов, 1981: 166).

В 2021 году в рамках проекта «Сакский культурный комплекс Западной Сарыарки и Северного Приаралья: междисциплинарное исследование» научные сотрудники Национального музея Республики Казахстан провели археологическую разведку в северо-западном Приаралье. В ходе разведки

памятников северо-восточного Приаралья были посещены открытые еще в 50–60 гг. стоянки и поселения древнего человека, курганы РЖВ и этнографической современности казахского народа. Стоянки и поселения древнего человека, как и в современный период обживания Приаралья, связаны с подземными колодцами. Возле современных поселков в дюнных песчаных барханах расположены ранние следы обетования.

В научной литературе давно идет диспут об образовании песчаных бугров в историческое время: связано оно с изменениями климата в четвертичном периоде на территории Приаралья и вообще равнин Турана, что разбирается в большом количестве географических, геологических, зоологических и ботанических сочинений. Широко известны исследования по этому поводу А.Д. Архангельского, Л.С. Берга, И.П. Герасимова, Б.А. Федоровича и других авторов.

Археологические материалы показывают, что климат значительно более сухой, чем сейчас, существовал в Приаралье в историческое время. Об этом свидетельствует развитие бугристых песков на площадях распространения древнеаральских отложений и соотношение бугристых песков со стоянками человека кельтеминарской культуры. На ранних стоянках кельтеминарской культуры в окрестности г. Аральска и ст. Саксаульской отчетливо видно, что они приурочены к поверхности несколько уплотненной и гумифицированной почвы, слой которой сейчас выдается терраскими на склонах песчаных бугров. На поверхности этого слоя можно встретить вертикально стоящие нуклеусы, груды отщепов, остатки золы и остеологических материалов. В дюнах выдуты большие котлованы, доходящие глубиною до 3–5 м, в которых каменные орудия и обломки керамики лежат беспорядочно и поодиночке в in site. В то же время на этот слой насыпаны бугры песка высотою до 5–6 м, причем в песке таких бугров нет никаких орудий, керамики, и они стерильны. Это говорит о том, что образование бугристых песков происходило позднее существования здесь стоянки кельтеминарского человека, т. е. позднее начала III тысячелетия до нашей эры. Начаться оно могло, разумеется, и раньше.

Рис. 3. *Могильник Байкун. Аральский район, Кызылординская область*

Fig. 3. *Baikun burial ground. Aral region, Kyzylorda region*

Благодарности

Работа выполнена в рамках научного проекта № AP09260400 «Сакский культурный комплекс Западной Сарыарки и Северного Приаралья», финансируемого по гранту Комитета науки МОН РК.

Литература

1. Бартольд В.В. Работы по исторической географии и истории Ирана / Сочинения / Т. VII. – М.: Вост. Лит, 1971. – 658 с.
2. Виноградов А.В. Археологическая разведка в районе Аральска – Саксаульской. // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР, Т.7, 1959. – С. 75–85.
3. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья // АН СССР. ИЭ. – М.: Наука, 1981. – 174 с.
4. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации.// – М. – Л.: 1948. – 328 с.
5. Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, 1949, Вып. 25. – С. 49–58.
6. Яншин А.Л. Геология Северного Приаралья. – М.: Московское общество испытателей природы, 1953. – 736 с.

References

1. Bartöld V.V. Raboty po istoricheskoi geografii i istorii İrana / Sochinenia / T. VII. – M.: Vost. Lit, 1971. – 658 s.
2. Vinogradov A.V. Arheologicheskaia razvedka v raione Arälska – Saksaülskoi. // Trudy İn-ta istorii, arheologii i etnografii AN Kaz. SSR, T.7, 1959. – S. 75–85.
3. Vinogradov A.V. Drevnie ohotniki i rybolovy sredneaziatskogo mejdurechä // AN SSSR. İE. – M.: Nauka, 1981. – 174 s.
4. Tolstov S.P. Po sledam drevnehorezmiskoi sivilizasii.// – M. – L.: 1948. – 328 s.
5. Formozov A.A. Kelteminarskaia kültura v Zapadnom Kazahstane. KSİİMK, 1949, Vyp. 25. – S. 49–58.
6. İanşin A.L. Geologia Severnogo Priarälä. – M.: Moskovskoe obşestvo ispytatelei prirody, 1953. – 736 s.

Дарменов Р.Т.
Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі
Астана қ., Қазақстан
e-mail: *darmenov_rustem@mail.ru*

СОЛТҮСТІК-ШЫҒЫС АРАЛ АЙМАҒЫНДАҒЫ НЕОЛИТ ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУ ТАРИХЫ

Ұсынылып отырған мақалада автор Арал маңында кеңестік кезеңде және кейінгі уақыттарда жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының қорытындыларын жасаған. Солтүстік Арал маңындағы археологиялық жағдайды түсіну үшін өңірдің геологиясы мен геоморфологиясының негізгі мәселелері және аймақта жүргізілген археологиялық зерттеулердің тарихы қарастырылды. Плейстоцен дәуіріндегі Қазақстан климатының сипатты белгісі тектоникалық белсенділіктің депалеоклиматтың жаһандық ауытқуының да әсерінен циклді сипатқа ие аридизацияның күшеюі болды. Осындай индустрияға мәдени-мерзімдік баға беру өте күрделі және негізінен жанама белгілер негізінде беріледі – геоморфологиялық жағдай, артефактілердің сақталу деңгейі, шикізат пен техникалық және типологиялық параметрлерді талдау.

***Кілт сөздер**: Солтүстік Арал маңы, жердің беткі қабатында артефактілер табылатын тарихи орындар, кварцит тәрізді құм тастар, тас құралдар.*

Darmenov R.T.
National Museum of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
e-mail: *darmenov_rustem@mail.ru*

HISTORY OF STUDYING NEOLITHIC SITES IN THE NORTH-EASTERN ARAL REGION

The authors sum up the interim results of archaeological works, carried out in the territory of the Aral Sea region in Soviet and modern times in this article. The main issues of geology and geomorphology of the Northern Aral Sea region and the history of archaeological research in the region are considered in the article in order to understand the archaeological situation. A characteristic feature of the climate of Kazakhstan in the Pleistocene was the process of strengthening aridization, which was cyclical due to both tectonic activity and global fluctuations of the paleoclimate. The cultural and chronological assessment of such industries is extremely complex and is mainly based on an indirect sign of geomorphological position, preservation of the surface of artifacts, analysis of raw materials and technical-typological parameters.

***Keywords:** Northern Aral Sea region, locations with the surface deposit of artifacts, quartz sandstones, stone tools.*

МӘДЕНИ МҰРА

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.10

ӘОЖ 902(574)

Нағашбекова С.М.
«Тарихи-мәдени ескерткіштерді қорғау
және қалпына келтіру дирекциясы» КММ
Тараз қ., Қазақстан
e.mail: *aniabdunur_2009@mail.ru*

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ТҮРКИЯ ҚОЛЖАЗБАЛАРЫНДАҒЫ ШУ, ТАЛАС ӨҢІРІНЕ ҚАТЫСТЫ ДЕРЕКТЕР

Мақалада Түркия мемлекетінде VIII ғасырдан бері қызмет етіп келе жатқан ежелгі Сүлеймания кітапханасында сақталған жазба деректер мен сирек кездесетін кітап қоры туралы баян етіледі. Соның ішінде IX-XII ғасырлардағы мұсылман елдері саяхатшыларының жазбалары жөніндегі мәліметтер беріледі. Тарихи еңбектер Қазақстан мен Орталық Азияның ортағасырлық тарихына қатысты маңызды дереккөздерге толы. Жазба деректер сол заманғы географиялық, этникалық, этнографиялық, экономикалық сипаттағы құнды мәліметтерден түзілген. Ортағасырлық мұсылман саяхатшыларының жазбалары Қазақстан аумағында өмір сүрген ортағасырлық мемлекеттер өмірін тереңірек, негізді зерттеуге мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: *Сүлеймания кітапханасы, тарихи кітап қоры, жазба деректер, ортағасырлық мұсылман саяхатшылары, ортағасырлық қалалар: Тараз, Сус, Жікіл, Атлах, Жамұқат, Құлан, Меркі, Суяб, Баласағұн.*

Қолжазбалар мен сирек кездесетін тарихи кітап қоры жөнінен әлемдегі үш кітапханалардың бірі саналатын, VIII ғасырдан бері қызмет етіп келе жатқан ежелгі Түркия мемлекетіндегі Сүлеймания кітапханасы үлкен кешеннің құрамына кіретін атақты Сүлеймен сұлтан мешітінің жанында орналасқан. VII-XIX ғасырлар аралығында 73000-нан аса қолжазба, 50000-нан аса кітап жинақтаған кітапхананы аралап, өзімізге қажет дүниелерді іздестіру жұмыстарына кірісіп кеттік. Кітапханада қызмет сапасының жоғары деңгейде құрылғаны таңдандырды. Бүкіл материалдардың электронды көшірмелері жасалған. Қажет деректермен танысып, көне қолжазбаларды алу үшін Түркия білім министрлігіне өтініш бердік. Күніне жүздеген студент, ғылым ізденушілердің өтініштерін қарап, бірер күннің ішінде рұқсат берілді. Рұқсат алған соң, кітапханада іздестіру жұмысын жүргізіп, біраз қолжазбалардың түрік тіліне аударылған көшірмесін алдым. Бұл қолжазбалардың түрік тіліне аударылған нұсқаларынан кезінде қазақ жерінде көптеген елді мекендер мен қалалар дүниеге келіп, өркендегендігін оқи аласыз. Олар әсіресе, ортағасырлық керуен жолдарының бойында, оларға жақын жерде, Ұлы Жібек жолының бойында қарқынды дамып жатқан елді мекендер. Сонымен бірге Қазақстандағы археология ғылымына үлкен

үлесін қосып жүрген Мадияр Елеуовтің де археологиялық экспедиция кезінде Шу, Талас өзендері бойындағы қалалардың баламасын берген ғалым ретіндегі зерттеулері енгізілді.

Кейінгі жылдары біраз зерттеулердің ұйытқысы болған ортағасырлық қалашықтар мен олардың тіршілігі көптің назарын аударуда. Ортағасырлық кезеңде Орталық Азияда жүріп өткен саяхатшы, тарихшылар Ұлы Жібек Жолы торабында орналасқан айрықша қалалардың бірі Тараз, Испиджаб, Фараб қалаларына сипаттама беріп отырған. Қалалар тарихы туралы деректер, біздің өткеніміз турасындағы шежірелер өскелең ұрпақтың, көпшіліктің танымын кеңейту үшін жасалатын ізденіс. Соның ішінде IX-XII ғасырлардағы мұсылман елдері саяхатшыларының жазбаларын алға тартқым келіп отыр.

Ортағасырлық мұсылман саяхатшыларының жазбалары туралы қазақстандық археолог А.Н. Бернштам, В. Бартольд зерттеп, баламасын түсіндіріп кеткен болатын. Сонымен қатар К. Байпақов та Бартольдтің еңбектеріне сүйене отырып, қазақ тілінде түсіндірме береді.

Археология саласындағы көрнекті ғалым, тарих ғылымының докторы, профессор, Мадияр Елеуов ағамыз тарих факультеті археология және этнология кафедрасында жұмыс атқарған 1976-1999 жылдарда археологиялық экспедицияның құрамында далалық зерттеу жұмыстарына қатысып, Шу, Талас жерлерінде, Каратауда, Сырдария өзенінің орта ағысында ғылыми-зерттеу жұмыстарына белсене араласып, осы экспедицияның барлау тобына жетекші болды.

1982-1983 жылдарда М. Елеуов жетекшілік еткен ҚазМУ университетінің археологиялық экспедициясының барлау тобы Шу мен Талас өзендерінің жоғарғы ағысында Қырғыз КСР жерінде зерттеу жұмыстарын жүргізіп, осы тарихи-географиялық аймақта орналасқан ұзын қорғанды Бурана, Ақсу (Баласағұн), Садырқорған қалаларында қазба жұмыстарын жүргізіп, басқа да бірқатар қалалардың тарихи-топографиясын зерттеді. Түрік жолы және оның жекелеген тармақтары туралы деректерді Киликиялық Зимархтан (568 ж.), Сюань Цзяннан (629 ж.), Тамим ибн Бахрдан, Гардизиден, Ибн Хордадбехтен, Кудама ибн Джафардан, әл Мукаддасиден кездестіреміз делінген. Ибн Хордадбех пен Кудама ибн Джафар бойынша Құланнан Суябқа дейінгі аралықта Түрік жолы бойында орналаскан 10 қала мен елді мекендер көрсетілген: Меркі (VII-XII ғғ), Аспара (VII-XIV), Нүзкет (Шыштөбе, VI-XII ғғ.), Харанжуан (Ақсу, VIII -XIV ғғ.), Жұл (Соқұлық, V-XIV ғғ.), Сарық (Новопокровка, VII-XII ғғ.), Түрік қағаны мекені (Шөміш, VII-X ғғ.), Кирмирау (Милянфан, VII-X ғғ), Навакет (Қызылөзен, V-XII ғғ.), Бунджикет (Қысымшы, VII-XIII ғ. басы), Суяб (Ақбешім, V-XIV ғғ). VI-X ғғ. жазба деректердің хабарын басшылыққа ала отырып, Түрік жолының Испиджаб (Сайрам) – Суяб (Ақбешім) аралығындағы торабына және оның жүйесіне кіретін керуен жолдарына тоқталады (М. Елеуов, 2016: 6-7). Осы жерде Кысмышы ортағасырдағы Бунджикес қаласымен баламаланғанын көруге болады. Ортағасырлық саяхатшы, «Ахсену'т-техасим» еңбегімен танымал ислам географы әл-Мукаддаси Бунжикес қаласы туралы былай дейді: «Бунжикес – Бұл Усрушененің астанасы, халқы тығыз, құнарлы және үлкен қала. Оның өзендері үлкен, халқы көп. Ол жүзім бақтарымен қоршалған. Олардың үйлері Шаштың үйлері сияқты көздің жауын алады; бірақ кедейлер тұратын үйлер тып-типыл. Оның ішкі сарайы және екі қақпасы бар: Жоғарғы қақпа және төменгі қақпа. Мешіт қала ішінде, ал қала сыртында. Оның маңында халық тығыз орналасқан және төрт жол бар: Замин жолы, Мерсменде жолы, Нучекес жолы және Кехлебаз жолы. Қаланың сыртында ағып жатқан үлкен өзендерге сәйкес алты бұлақ қала арқылы өтеді. Бұл керемет және тамаша қала» (*Д.* Ахсен Батур, 2015: 282).

X ғасырда араб географтарының классикалық мектебі қалыптасып, «Жолдар мен елдер» (ал-массалик ва-л-мамалик) атты көптеген еңбектер жарық көрді. Академик В. Бартольд X ғасырды «Араб географиялық әдебиетінің шарықтаған шағы» деп атады.

Ибн Хордарбек Испиджабтан Шарабқа дейінгі қашықтық (4 фарсах) 24 шақырым. Осы жерден Бедухкетке (Будахкет) дейін (5 фарсах) 30 шақырым, ол жерден Темтаққа (Түркібасы) дейін (4 фарсах) 24 шақырым, одан Абаркаққа (Мыңбұлақ) дейін (4 фарсах) 24 шақырым, одан өзен жағасындағы Мензилге дейін (6 фарсах) 36 шақырым. Абаркак (Абарджаж) деген жерде мың бұлақ (су бұлақтар) бар және бұл бұлақтар шығысқа қарай ағады. Шығысқа қарай ағатын бұл бұлақтар «Беркуваб» деп аталады. Бұл сөз «балықтың түсі бірте-бірте қараланып

барады» дегенді білдіреді және «теріс» деген мағынаны білдіреді. Содан кейін жол осы жерден Кувикетке (Джувикет) қазіргі Бектөбе қалашығына дейін созылады, ал бұл қашықтық бес фарсах. Зерттеулерде Бектөбе қаласы Джувикат деген атпен аталады. Бұл жерден Таразға (3 фарсах) 18 шақырым. Испиджабтан Таразға дейінгі қашықтық барлығы (26 фарсах) 156 шақырымды құрайды. «Тараздан кейін Күйкет деген қала келеді. Тараздан Күйкетке дейінгі қашықтық (7 фарсах) 42 шақырым. Бұл жерден Мелики Қимақ деген жерге дейінгі қашықтық жаяу 80 күн. Бұл жолмен азық-түлік өнімдері тасымалданады. Бұл Тараздан Нушеканю Суфлаға дейін (3 фарсах) 18 шақырым. Бұл жерден Қасрайбасқа (2 фарсах) 12 шақырым. Қасрайбас – Қарлұқтардың қыстағындағы Шермия деп те аталатын жер. Қалаштың қыстақтары да осында». Бұл ортағасырлық Касрибас қаласы (Ақыртас) деген нұсқалар бар. Жақын жерде үлкен құрылыс салу үшін тас өндірілген карьері бар тау бар. Одан кейін Күлшүб (Өрнек) деген жер келеді. Қасрайбастан Күлшүб деген жерге дейін (4 фарсах) 24 шақырым. Осы жерден Джулшубқа (4 фарсах) 24 шақырым, ол жақтағы байлар қоныстанған Құланға (4 фарсах) 24 шақырым, үлкен елді мекен Берқаға (4 фарсах) 24 шақырым, Есбераға (Аспараға) (4 фарсах) 24 шақырым, ол жерден үлкен елді мекен болып табылатын Нүзкетке (8 фарсах) 48 шақырым (В. Бартольд, 1897: 37-39).

Нүзкетті В. Бартольд Ақсумен, ал А. Бернштам мен К. Байпақов Шыштөбе қаласымен баламалайды, одан Нүзкет сияқты үлкен елді мекен болып табылатын Харанжуванға (4 фарсах) 24 шақырым. Харанжуванды А. Бернштам, Г. Пацевичтер Ақтөбемен, ал К. Байпақов Ақсу қаласымен баламалайды. Одан Күлға (4 фарсах) 24 шақырым. Күл, Жүл – Соқұлық. Жүл Харанжуваннан 4 фарсахта орналасқан үлкен елді мекен. Жүлдің В. Бартольд Пішпек (қазіргі Бішкек қаласынан шығыста) қаласымен, ал Томашек пен В. Горячева Бішкек қаласымен баламалауды ұсынды. Байпақов Жүлдің (Жулюл) XIV ғ. дейін өмір сүргенін ескере отырып, оны Соқұлық қаласымен баламалап жүр. Одан (7 фарсах) 42 шақырым Сарығқа дейін, ол да үлкен елді мекен. Сарық Жүлден 7 фарсахта орналасқан үлкен елді мекен. А. Бернштам Сарықты Қызыл өзенмен, ал К. Байпақов болса оны Ала арша өзенінің сол жағасында орналасқан Грозненск қаласымен баламалайды. Зерттеушілер Жүлден шыққан Түрік жолы шығысқа қарай жалғаса берген, сөйтіп арада 35 шақырым өткенде Новопокровка қаласына жеткен. Новопокровка осы аралықтағы бірден-бір үлкен, әрі тарихи-топографиялық құрылымы күрделі қала. Бұл қаланы К. Байпақов Кирмираумен, ал В. Горячева болса, түрік қағанының астанасымен баламалайды. Новопокровканың үлкен, әрі тарихи-топографиялық құрылымы күрделі қала екендігін және осы төңіректе (оңтүстікте 8 км жерде) Сары жон аталатын елді мекен барын ескере отырып, оны жазба деректегі Сарық қаласымен баламалады. Бұл қалалар жазба деректерде: Нүзкет (Шыштөбе), Харон (Ақсу, Ақтөбе), Сарық (Новопокровка), Суяб (Баласағұн).

«Бұдан кейін Хакан ет-Туркеши қаласы бар. Бұл қала Сарықтан (4 фарсах) 24 шақырым қашықтықта орналасқан. Хакан эт-Туркеши (Шөміш) қаласынан Навакетке (Қызыл өзен) дейін (4 фарсах) 24 шақырым». П. Кожемяко Шөміш қаласы Шу өзенінің сол жағасында орналасқан тарихи-топографиялық құрылымы күрделі, бекініс-қамал қала екенін басшылыққа ала отырып, оны Түрік қағанының мекені (астанасы) деген пікірге тоқталады. Навакет түрік қағаны мекенінен 4 фарсахта орналасқан үлкен қала, онан Барсханға жол шығады. Навакетті А. Бернштам Орловкамен, ал К. Байпақов әуелі Қысымшымен, кейіннен Қызыл өзен қаласымен баламалаған.

«Навакеттен Кубалға дейін (3 фарсах) 18 шақырым. Нушекану осы жерден кейін келеді. Бұл Қытай аймағының шекарасында орналасқан қала. Кубалдан Нушекануға дейін керуендер жаяу 15 күнде тегіс жерге жетеді. Нушеканудан кейін Тоғызғұз ханының қаласына жеттік. Тоғызғұз ханның қаласы жаяу 3 айлық жерде. Бұл жер ірі елді мекендер мен халық ретінде түріктерден тұрады. Олардың арасында мәжусилер (отқа табынушылар) бар және олар отқа табынады. Оның билеушілері он екі темір қақпасы бар үлкен қалада тұрады. Бұның оң жағы Қимақ, ал алдыңғы жағы Қытай жері, 300 шақырым қашықтықта. Тоғызғұз патшасының сарайының төбесінде жүз адам сиятын, бес елден көрінетін биік тұрақ бар. Қимақ билеушілеріне келсек; олар шатырларда отырады және жайылымды кезеді» (М. Елеуов, 2016: 20,23).

Ибн Хордадбех енді қыпшақтарды кимектерден бөлек атап өтеді. «Худуд ал-алам» кітабында қыпшақтарды кимектерден бөлініп, қарабайыр өмір салтын ұстанған халық ретінде көрсетеді. Кимектердің батыс өңіріне қоныстанған қыпшақтар әлі күнге дейін кимектермен саяси байланыстарын сақтап келеді. Қыпшақ билеушісін кимек ханы тағайындады. Қыпшақтар мен кимектердің жақындығын айтатын Махмұд Қашғари қыпшақтардың өздерін кимектер санамайтындығына, кимектермен тек шығу тегі бойынша ғана байланысты екендігіне назар аударады. Сонымен, барлық көне деректер қыпшақтардың VI-XI ғасырларда кимек тайпалары одағының (кейіннен мемлекетке) құрамында болғанын көрсетсе де, бұл байланыстың әртүрлі этникалық аймақтарда бірдей болмағанын және олардың арасында айырмашылықтар болғанын көрсетеді. Шаруашылық және тұрмыс-тіршілігі жағынан екі тайпа. Бұл екі руды тура бір деп ойлау қате. Ортағасырлық деректер бұл екі тайпаны тек туысқан тайпалар ретінде қабылдауға мүмкіндік береді. Қымақтар немесе кимектер, Батыс Көктүрік қағанаты ыдырағаннан кейін орта ғасырда Солтүстік Алтай таулары мен Ертіс өзенінің төңірегінде өмір сүрген түрік халқы (Б. Көмеков, 2002: II, 767).

«Бұл жер мен Тараздың арасы тақыр жерде 81 күндік қашықтық. Түріктердің аймағына келсек: Тоғызғу елдері түрік елдерінің ішіндегі ең үлкені. Олардың шекаралары Қытай, Тибет, Қарлұқтар, Қимақтар, Оғыздар, Печенегтер, Түркештер, Қыпшақтар және Қырғыздарға дейінгі аумақты қамтиды. Қарлұқтар мен Қалаштар өзеннің бергі тарапында. Фараб қаласына келетін болсақ, бұл жерде мұсылмандардың, сонымен қатар Қарлұқ түріктерінің айрықша қарулары бар. Түріктердің қалаларының жалпы саны алпыс» (М. Елеуов, 2016: 39).

Хордадбех былай деп жазады: «Ал Фараб қаласында бір мезгілде мұсылмандар мен қарлұқ түріктерінің топтары бар». IX ғасырдың аяғы – X ғасырдың басында астанасы Янгикент қаласы болған Сырдария оғыздарының билігі құрылды. Оғыздар Сырдарияның орта ағысын, Арыс алқабын және Қаратаудың етегін алып жатты. Сауран, Сүткент, Арсубаникет, Карачық, Фараб қалалары оларға бағынды. Осы орайда Фараб ауданының астанасының рөлі Кедерге ауысқан. Бұл 70 мыңға дейін әскер жинай алатын үлкен қала болды, оның Шахристанда орталық мешіті, Рабадта базарлары болды» деп баяндалады (М. Елеуов, 2016: 39-41).

Тараз – бау-бақшасы, үлкен бекінісі бар, әдемі, гүлденген қала. Қала сыртында сай-салалары, маңында ағып жатқан өзендері бар. Мешіті базар ішінде. Өзеннен өтетін көпірлері бар. Кейбір бекіністер өзеннің арғы бетінде орналасқан (Д. Ахсен Батур, 2015: 279).

Тараз қаласының тұрғындары жайында мынадай жазба бар: «Түркістаннан Шаш аймағының ең шалғай нүктесіне дейін Ислам елдерінің шекарасы. Өйткені одан өткен соң қарлұқтардың шатырлары орналасқан аймаққа кіресің. Бұл жер жұмақ сияқты, адамдары өте сымбатты және бұл жерде олардан әдемі ешкім жоқ. Ерлердің де, әйелдердің де жүздері әдемі» деп сипаттайды (Асару-л Билад, 544).

Жикил (Шігіл, Жікіл –Тараздан айқайласа адам дауысы жетерлік жердегі кішігірім елді мекен. Тараздың оңтүстік-шығысынан 3 километр жердегі Жалпақтөбені кезінде Г.И. Пацевич Жікілдің орны деп анықтаған). Тараздан 5 шақырым қашықтықта орналасқан қала. Базары бар. Ішінде мешіті бар. (Д. Ахсен Батур, 2015: 279-280). Жалпақтөбеде 1960–63 жылдары Т.Н. Сенигова басқарған Тараз Археологиялық экспедициясы зерттеу жұмыстарын жүргізген. Зерттеу кезінде табылған бұйымдар (қыш ыдыстар, дән үгіткіштер табылған. Тараз қаласының 8–9 ғасырларға жататын құрылыс қабатынан шыққан заттарға өте ұқсас.

Махмұд Қашғари Чикил есімінің қайдан шыққаны туралы қызықты аңыз айтады. Ескендір Зұлқарнайын өз әскерімен осы жолмен келе жатқанда нөсер жаңбырдың кесірінен бұл жерді лай басып қалғаннан батпақтан шыға алмай қалады. Ескендір «Шұғыл шыға аламыз ба?» (Бұл қандай балшық?) деді. Ол жерге белгі салуды бұйырды және онда тұратын халық «Чикил» (Чигил) деп аталды (Д. Ахсен Батур, 2015: 279).

Чигил: Бұл үш түрік қауымының атауы. Солардың бірі – Құяста тұратын көшпелілер тобы. Құяс – Барсханнан кейінгі шағын қала. Екіншісі – Тараз маңындағы Шігіл деген қала. Бұл атау осы қаланың атынан шыққан... Оғыздар елі осында іргелес жатқанда чигилдермен үздіксіз соғысып отырған. Осы себепті олардың арасындағы дұшпандық

біздің заманымызға дейін жалғасты. Оғыздар Джейхуннан Жоғарғы Қытайға дейінгі аумақта тұратын барлық түріктерді Чигил деп атады. Үшіншіден, Қашқардағы кейбір ауылдар Чигил деп аталады. Олардың адамдары да бір жерден тараған (К. Байпақов, 2005: 26).

Барсхан – шығысқа қарай екі тас лақтырымдай жерде кішігірім қала. Қорғаны бұзылған халде.

Балу – Барсханнан үлкендеу қала, Чигилден солтүстік тарапына қарай жарты фарсах (шақырым) қашықтықта. Маңайында 5 қыратты елді-мекен бар.

Утлух (Атлах) – бұл Таразға жақын орналасқан үлкен қала. Оның сарайы бар. Қала жүзімдіктермен қоршалған, көбінесе жүзім ауылдық жерлерде өсіріледі. Оның мешіті қалада, базарлары қала шетінде.

Жемукет (Қостөбе) – ішінде мешіті, қорғаны бар. Базарлары шетінде.

Шілжі – шағын қала болғанымен, шетелдіктер көп, он мың исфахандықтар бар дейді. Оның ішкі сарайы бар, ал мешіт оның сыртында. Екі таудың арасында жатқан қаланың жанынан өзен ағып өтеді, осы өзеннің орта ағынында жеті ауыл бар.

Сус – үлкен бір қала. Тікелей жақын жерде орналасқан Күл одан кішірек, екеуінің де сарайы мен бұлақтары бар.

Текабкес – бұл үлкен қала, бірақ халқының жартысы пұтқа табынушылар. Бұл үш қала күміс кеніштері орналасқан тауларға қарама-қарсы орналасқан.

Құлан – бұл бекіністі қала. Мешіт бар. Бірақ ол бұзыла бастаған. Таразға апаратын басты жолдың бойында.

Мерке (Мирки) – бұл құлып пен цитаделі бар орташа қала. Оның мешіті бұрын шіркеу болған (Д. Ахсен Батур, 2015: 278-280).

Талас алқабына Тараз, Сус, Жікіл, Атлах және Жамұқат; Шу алқабына Құлан, Меркі, Суяб, Баласағұн қалаларын жатқызамыз.

Міне, ортағасыр саяхатшыларының қолжазбаларындағы елді мекендердің орналасу ретіне қарай Тараз (Талас), Мерке, Құлан аймақтары жайында жазылған сипаттамаларынан көптеген елді мекендер тіршілік етіп, өз кезеңіндегі дамыған аймақтар болғандығын байқауға болады.

Түрік жолының негізгі торабы Шу өзенінің сол жағасымен жүріп отырып Суябқа (Кубалға), содан соң Сагур Кубалға, онан әрі Ыстық көлге өткен. Суябтан солтүстікке қарай шыққан бір жол Шортөбе қаласы маңында Шудан өтіп, Қастек тауын батыс жағынан айналып барып Керу шатқалына кіре берісте, Бунджикеттен шығып, Іле өңіріне өтетін жолға қосылғандығы туралы М. Елеуов зерттеп, пікір білдірген.

«Сонымен бірге, Талас пен Шу өңірлеріндегі көптеген қалалар мен елді мекендер арқылы жүріп, ондаған үлкенді-кішілі керуен жолдарын қиып өткен. Түрік керуен жолы Шу өзеніне жеткенде екі бағытқа ажыраған: Іле өңіріне және Ыстықкөлге. Іле өңіріне Сарытан шыққан Қордай жолымен, Навакеттен шыққан Кастек жолы арқылы өтсе, ал Ыстықкөлге Суябтан (Сагур Кубалдан) және Навакеттен шыққан жолдармен өткен болса керек», – деп М. Елеуов өз еңбегінде баяндайды.

Археолог М. Елеуов далалық зерттеулердің барысында Жамбыл облысының Қордай, Шу, Мерке, Т. Рысқұлов, Байзақ, Талас, Сарысу, Оңтүстік Қазақстан облысының Созақ, Түркістан және Қызылорда облысының Жаңақорған, Шиелі аудандарында осы уақытқа дейін ғылымға белгісіз болып келген, есепке алынбаған 19 ортағасырлық қалалар мен елді мекендерді ашып, есепке алып, ғылыми айналымға енгізіп, қазақ жеріне тән ортағасырлық құнды деректерді анықтады.

Ортағасырлық қалалар болсын, елді мекендер болсын қазіргі таңда сол орындарға жүргізілген археологиялық зерттеулер барысы үнемі көрсетіліп, жарияланып отырса қарапайым халықтың өткенге деген құрметі, ұрпақтың тарихқа деген білімі артады.

Айта кету керек, жоғарыда аталған тарихи еңбектер Қазақстан мен Орталық Азияның ортағасырлық тарихына қатысты маңызды дереккөздер болып табылады. Мұндай тарихи әдебиеттер географиялық, этникалық, этнографиялық, экономикалық сипаттағы құнды мәліметтерді қамтиды және мемлекетіміздің өткенін одан әрі зерттеу үшін айтарлықтай ғылыми қызығушылық тудырады. Ортағасырлық мұсылман саяхатшыларының жазбалары Қазақстан аумағында болған ортағасырлық мемлекеттер өмірін тереңірек зерттеуге мүмкіндік береді. Демек, бұл дереккөздердің деректану ғылымына беретін маңызы Қазақстан тарихын анағұрлым толық зерттеуге мүмкіндік береді.

Әдебиеттер

1. В. Бартольд. 1893-1894 жж Орта Азияға ғылыми мақсатпен жасаған саяхаты туралы есеп Ғылым академиясының 1893-1894 жж. VIII серия, I том, Санкт-Петербург, 1897. – 4б.
2. Әл-Мукаддаси «Ахсену't-техасим» Аударма және жазбалар. Д. Ахсен Батур, Стамбул 2015. – 85, 265, 278-282б.
3. Қазақстан ғалымдарының библиографиясы, М. Елеуов библиографиялық көрсеткіш, Алматы «Қазақ университеті», 2016. –20, 23б.
4. Мадияр Елеуов, «Шу мен Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары»
5. Ибн Хордадбек «Жолдар мен елдер» кітабы (Ibn Hurdazbıh Yollar ve Ülkeler Kitabı), аудармашы Murat Ağarı, Istanbul, 2008. – 37, 39б.
6. Болат Көмеков, «Кимектер», Түрік Энциклопедиясы, Стамбул, Жаңа Түркия көктемі, 2002.– II, 767.
7. V. Minorsky «Hududul-Alem Minel-Mesrik Ile l-Magrib».
8. Türkler ve türk ülkeleri Mahmud el-Kasgari «Divanu lugat el-Turk», Istanbul, Matbaa-i Amire 1333-1335. Түрік тайпалары мен тілдері. – 24-29.
9. К. Байпақов. Қазақстанның ежелгі қалалары. Алматы, 2005.
10. А.Н. Бернштам. Талас алқабының ежелгі ескерткіштері. Алматы.

References

1. V. Bartöld. 1893-1894 jj Orta Aziağa ğylymi maqsatpen jasağan saiahaty turaly esep Ğylym akademiasynyñ 1893-1894 jj. VIII seria, I tom, Sankt-Peterburg, 1897. – 4b.
2. Äl-Mukaddasi «Ahsenu't-tehasim» Audarma jäne jazbalar. D. Ahsen Batur, Stambul 2015. – 85, 265, 278-282b.
3. Qazaqstan ğalymdarynyñ bibliografiasy, M. Eleuov bibliografialyq körsetkış, Almaty «Qazaq universitetı», 2016. –20, 23b.
4. Madiar Eleuov, «Şu men Talas öñırlerınıñ ortağasyrlyq qalalary».
5. İbn Hordadbek «Joldar men elder» kıtaby (Ibn Hurdazbıh Yollar ve Ülkeler Kitabı), audarmaşy Murat Ağarı, Istanbul, 2008. – 37, 39b.
6. Bolat Kömekov, «Kimekter», Türık Ensiklopediasy, Stambul, Jaña Türkia köktemı, 2002.– II, 767.
7. V. Minorsky «Hududul-Alem Minel-Mesrik Ile l-Magrib».
8. Türkler ve türk ülkeleri Mahmud el-Kasgari «Divanu lugat el-Turk», Istanbul, Matbaa-i Amire 1333-1335. Türık taipalary men tılderı. – 24-29.
9. K. Baipaqov. Qazaqstannyñ ejelgı qalalary. Almaty, 2005.
10. A.N. Bernştam. Talas alqabynyñ ejelgı eskertkışterı. Almaty.

Нагашбекова С. М.
КГУ «Дирекция по охране и восстановлению историко-культурных памятников»
г. Тараз, Казахстан
e.mail: *aniabdunur_2009@mail.ru*

ДАННЫЕ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТУРЕЦКИХ РУКОПИСЯХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ТАЛАССКОМУ, ЧУСКОМУ РЕГИОНАМ

В статье представлены сведения о письменных источниках и коллекции редких книг, хранящихся в библиотеке «Сулеймания», действующей в Турецком государстве с VIII века. В том числе приведены сведения о трудах путешественников из мусульманских стран IX-XII веков. Исторические труды насыщены важными источниками, связанными со средневековой историей Казахстана и Средней Азии. Письменные записи содержат ценные сведения современного географического, этнического, этнографического и экономического характера. Записи средневековых путешественников-мусульман позволяют глубже и основательнее изучить жизнь средневековых государств, существовавших на территории Казахстана.

Ключевые слова: *библиотека «Сулеймания», исторический книжный фонд, письменные источники, средневековые мусульманские путешественники, средневековые города: Тараз, Сус, Жикил, Атлах, Жамукат, Кулан, Мерке, Суяб, Баласагун.*

Nagashbekova S. M.
KSU «Directorate for the protection and restoration of historical and cultural monuments»
Taraz, Kazakhstan
e.mail: *aniabdunur_2009@mail.ru*

DATA IN THE MEDIEVAL TURKISH MANUSCRIPTS RELATED TO THE TALAS, SHU REGION

The article presents information about written sources and a collection of rare books stored in the Suleymaniya library, which has been operating in the Turkish state since the 8th century. This includes information about the works of travelers from Muslim countries of the 9th-12th centuries. Historical works are full of important sources related to the medieval history of Kazakhstan and Central Asia. Written records contain valuable information of a modern geographical, ethnic, ethnographic and economic nature. Records of medieval Muslim travelers allow a deeper and more thorough study of the life of medieval states that existed on the territory of Kazakhstan.

Keywords: *Suleymaniya library, historical book fund, written sources, medieval Muslim travelers, medieval cities: Taraz, Sus, Zhikil, Atlakh, Zhamukat, Kulan, Merke, Suyab, Balasagun.*

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.11

Шильдебаева Ж.
Государственный историко-культурный заповедник-музей
«Памятники древнего Тараза»
г. Тараз, Казахстан
e-mail: *zhazik_sh@mail.ru*

ИНТЕРЕСНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ДРЕВНЕГО ГОРОДИЩА ТАРАЗ

В данной статье содержатся исторические сведения о популярных экспонатах заповедника-музея «Памятники древнего Тараза», о ценных и уникальных артефактах, таких как сфероконусы и сипая (орудие для подкладывания под керамическую посуду), найденных при археологических раскопках городища древний Тараз, города с 2000-летней историей. В работе представлены результаты археологических исследований, предположения и концепции о возникновении и использовании найденных экспонатов. Проведенные археологические работы на городище Тараз дали возможность вскрыть разновременные исторические периоды развития города.

Ключевые слова: *городище Тараз, артефакты, сфероконус, сипая.*

Города, как люди, имеют возраст. Тараз – город-долгожитель. Ему более 2000 лет. Свидетельством тому служат находки и открытия археологов, а также письменные источники. Как нам всем известно, археологические раскопки городища Тараз были начаты с 2011 года: проводилась археологическая экспертиза, реставрировались артефакты. Среди найденных артефактов много орнаментированной, с ручной лепкой, керамической посуды, изделий из стекла, серебра, золота и металла. Значительная часть коллекции найденных артефактов датируется X–XII веками – это период власти Караханидов. Также было найдено много уникальных артефактов: курильницы в виде головы птицы и кошки, разные предметы из горного хрусталя, кувшины разных форм, орнаментированная шкатулка из бронзы, металлические бляшки от ремней, которыми украшали одежду. Примечательны в этой коллекции археологических находок сфероконусы, которые были сделаны из глины, выжжены при высокой температуре. При раскопках древнего городища Тараз было найдено свыше 300 сфероконусов. История возникновения этого предмета очень интересна. Вообще свое название «сфероконус» имеет в связи с необычной формой посуды. Оно составлено из двух слов – «сфера» и «конус». Венчик посуды выше боков похож на «сферу» (с греческого «sphaira» – шар), а нижняя часть – на «конус» (с латинского «conus», с греческого «konos» – геометрическая фигура).

У множества сфероконусов проём очень тонкий, тулово круглое, острое, горловина тонкая и длинная, головная часть очень похожа на гриб. Большинство сфероконусов светло-серого и темно-серого цветов. Наружная часть сфероконусов изготовлена в различных стилях, оформлена множественными печатями, необычными полосками и штампована различными фигурами.

Начиная с XIX века, необычная форма, твердый, как камень, черепок, разнообразная орнаментация вызывали у исследователей особый интерес. Но, к сожалению, уровень знаний того времени не позволял ответить на многие вопросы, связанные с использованием и технологией изготовления этих сфероконусов. В настоящее время, благодаря данным письменных источников и обширному археологическому материалу, в научный оборот внесена универсальная информация, позволяющая составить наиболее полное представление о локальных технологических особенностях производства, типах форм и орнамента, функциональном назначении и спектре использования сфероконусов. Исследования показывают, что данный тип керамики появился в VII–VIII вв. в Иране, позднее, возможно, в VIII–IX веках – в Египте и Ираке, в IX веке – в Восточной Европе, Закавказье и Средней Азии.

В своем труде советский и узбекский учёный-историограф Б. В. Лунин отмечает, что в Средней Азии сфероконус называли «симаб», «симаб-кузача» – серебряная вода, т. е. ртуть, а слово «кузача» означало глиняную посуду с тонкой горловиной. В своих трудах азербайджанский археолог Г. А. Джидди описывает, что персидское название посуды для хранения ртути – «кузей-симаб», её использовали ещё в XII веке. В совместном труде В. Д. Горячевой и М. Е. Массона («Бурана», 1985 г.) сообщается, что сфероконические сосуды даются как «симаб-кузача» (для хранения ртути). Даже в сегодняшние дни многие исследователи называют данные сосуды на казахском языке «сынапкөзе», как «симоб-кузача». Однако имеется множество мнений по поводу употребления сфероконических сосудов. В 1872 году на II Археологическом съезде учёный Казанского университета А. Ф. Лихачёв в своем докладе высказал предположение, что это лампады (лампы). В 1877 году археолог В. Радлов назвал эти предметы просто архитектурными украшениями. В 1922 году археолог З. Виноградов предположил, что сосуды могли служить для перевозки и хранения маслянистых веществ, благовоний, ртути, вина, пороха и воды.

Согласно данным археологических исследований в Средней Азии в XIV–XV века совершенствуется форма сфероконусов и развиваются новые орнаментальные мотивы. Для среднеазиатских сфероконусов характерены толстые стенки, массивное дно и серо-зеленый цвет. В большинстве случаев сфероконусы были орнаментированы. Качество черепка отличалось прочностью и звонким металлическим звуком при ударе. Средневековые гончары использовали специальный обжиг, который называется клинкерный. Клинкерный обжиг – это сложный многоэтапный технологический процесс, требующий от 200 до 350 часов обжига, в течение которых достигается медленное изменение (повышение и понижение) температуры, доводящее черепок до спекания. Минералогический состав глины влиял на цвет сосуда, на огнестойкость и качество обжига. Серо-зеленоватый и желтовато-серый цвет черепка, как у среднеазиатских сфероконусов, образовался от незначительного содержания окиси железа и более высокого содержания извести в глине.

В 1940 году при раскопках древнего городища Тараз Г. И. Пацевич обнаружил гончарные печи (из глины), относящиеся к XI–XII вв., которые предназначались для выжигания при высокой температуре маленьких предметов или сфероконусов. В своей книге «Средневековый Тараз» Т. Н. Сенигова отмечает, что найденные сфероконические сосуды с древнего городища Тараз относятся к X–XII вв. и по их размерам делятся на две группы: большие и мелкие. В коллекции найденных сфероконусов при раскопках древнего городища Тараз есть маленькие и большие сфероконусы, но всегда орнаментированные. Предметом большой гордости сотрудников заповедника-музея является интересная коллекция сфероконусов, собранная музеем за последние годы. Особое внимание и интерес у посетителей музея вызывает сфероконус «рыба» – самый крупный, восстановленный из фрагментов *(рис. 1)*.

Рис. 1. *Сфероконус «рыба»* | ***Fig. 1.*** *Spheroconus «fish»*

Проведенные научно-исследовательские и археологические работы на городище Тараз дали возможность вскрыть разновременные исторические периоды развития средневекового Тараза как центра торговли и ремесла на Великом Шелковом пути. Сегодня на территории цитадели и шахристана городища Тараз создан археологический парк под открытым небом «Көне Тараз» с оборудованными экскурсионными площадками, защитными навесными конструкциями. Со дня открытия археологический парк стал излюбленным туристическим местом, а собранная археологическая коллекция, насчитывающая более 4 тыс. артефактов, пополнила фонды заповедника-музея уникальными музейными предметами, рассказывающими о мастерстве древних зодчих и ремесленников того времени.

Ещё одним из популярных экспонатов заповедника-музея «Памятники древнего Тараза», привлекающий внимание детской аудитории, является керамическая подставка для обжига – сипая. Это небольшое приспособление использовалось гончарами для большего заполнения пространства гончарной печи глазурованными изделиями.

На нижней части подставок имеются следы отпечатков глазури, такие же идентичные следы расположены на внутренней части донца глазурованных чаш и блюд. Следовательно, чаши составляли ремесленники в горн печи многослойными рядами, а керамические подставки служили раздельными барьерами для сохранения росписи и глазури.

А сегодня такая форма имеется у популярной игрушки – спиннер. Дети с удивлением смотрят и задают вопросы: «Неужели в средневековье дети тоже играли спиннером?», «А раньше спиннеры были из керамики?» и т. п.

С 2016 года спиннеры заполнили витрины всех детских магазинов. Спиннер – это треугольная игрушка-тренажёр, его ещё называют вертушкой, крутилкой или хендспиннером *(рис. 2)*.

Рис. 2. *Спиннер – игрушка-тренажёр* | ***Fig. 2.*** *Spinner – a toy simulator*

Как нам известно, город Тараз является одним из наиболее древних городов Казахстана. Значение и роль древнего города Тараз среди крупных городов VII в., расположенных вдоль Шёлкового пути, были очень велики. Удачное расположение Тараза на торговом пути и к тому же в центре плодородного степного оазиса способствовало значительному развитию экономики и культуры города к IX–X вв. Наивысший расцвет культуры города наблюдается именно в этот период. В это время в большом количестве изготавливались керамические изделия. Как было упомянуто выше, керамические изделия изготавливались вручную и на оборудовании. В оформлении керамических изделий использовались самые различные краски и предметы для обжига.

Обжиг керамики всегда представлял собой наиболее ответственный этап в изготовлении керамических изделий. В процессе обжига отформованный из керамической массы полуфабрикат превращался в почти готовое изделие, далее оно приобретало соответствующую прочность и стойкость против внешних воздействий. Режимом обжига принято называть последовательное и планомерное во времени изменение температуры от 100 до 1000 °С. Благодаря правильному изготовлению керамических изделий много посуды при археологических раскопках сохранилось почти целой и невредимой, она сейчас является не только достоянием многовековой истории нашего города, но и наследственным искусством творения средневековых таразских ремесленников.

С начала этого года около сотни исторических экспонатов из фонда заповедника-музея было представлено в ходе передвижных выставок. Это бронзовые изделия, монеты, керамические изделия, фрагменты водопроводных труб, ювелирные изделия и многое другое, что вызвало огромный интерес школьников.

О том, сколько интересного и увлекательного таит в себе история Тараза, узнают жамбылские студенты на лекциях, организованных Государственным историко-культурным заповедником-музеем «Ежелгі Тараз ескерткіштері» и приуроченных к 25-летию заповедника *(рис. 3)*.

Рис. 3 | *Fig. 3*

Литература

1. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). – Алма-Ата: Наука, 1986. – С. 144.
2. Бернштам А.Н. Чуйская долина // Труды Семиреченской археологической экспедиции. 1950. – С. 136.
3. Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // Археологические памятники Армении. Средневековые памятники. – Выпуск № 12. – Ереван, 1982. – С. 9.
4. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959. – С. 52–59.
5. Лунин Б.В. К вопросу о функциональном назначении сфераконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. // История материальной культуры Узбекистана, вып. 2. – Ташкент. – С. 255–266.
6. Массон М.Е., Горячева В.Д. Бурана. – Фрунзе: Илим, 1985. – С. 24.
7. Пацевич Г.И. Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 году. Труды ИИАЭ. Том I. Археология. – Алма-Ата, 1956. – С. 76–80.
8. Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С.153.
9. Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII–XIII вв. – Алматы: Ғалым, 1994. – С. 111.
10. Шалекенов У.Х. Научный отчет о раскопках средневекового городища Актобе в 1978 году. – Алма-Ата, 1978. – С. 64.

References

1. Baipakov K.M. Srednevekovaia gorodskaia kültura İujnogo Kazahstana i Semirechä (VI – nachalo XIII v.). – Alma-Ata: Nauka, 1986. – S. 144.
2. Bernştam A.N. Chuiskaia dolina // Trudy Semirechenskoi arheologicheskoi ekspedisii. 1950. – S. 136.
3. Janpoladän R.M. Sferokonicheskie sosudy iz Dvina i Ani // Arheologicheskie pamätniki Armenii. Srednevekovye pamätniki. – Vypusk № 12. – Erevan, 1982. – S. 9.
4. Kojemäko P.N. Ranesrednevekovye goroda i poselenia Chuiskoi doliny. – Frunze, 1959. – S. 52–59.
5. Lunin B.V. K voprosu o funksionälnom naznachenii sferakonicheskih sosudov v sväzi s odnim rukopisnym istochnikom XVI v. // İstoria materiälnoi kültury Uzbekistana, vyp. 2. – Taşkent. – C. 255–266.
6. Mason M.E., Gorächeva V.D. Burana. – Frunze: İlim, 1985. – S. 24.
7. Pasevich G.İ. Raskopki na teritorii drevnego goroda Taraza v 1940 godu. Trudy İİAE. Tom I. Arheologia. – Alma-Ata, 1956. – S. 76–80.
8. Senigova T.N. Srednevekovyi Taraz. – Alma-Ata: Nauka, 1972. – S.153.
9. Saveleva T.V. Osedlaia kültura severnyh sklonov Zailiskogo Alatau v VIII–XIII vv. – Almaty: Ğalym, 1994. – S. 111.
10. Şalekenov U.H. Nauchnyi ochet o raskopkah srednevekovogo gorodişa Aktobe v 1978 godu. – Alma-Ata, 1978. – S. 64.

Шілдебаева Ж.
«Ежелгі Тараз ескерткіштері»
Мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі
Тараз қ., Қазақстан
e-mail: *zhazik_sh@mail.ru*

ЕЖЕЛГІ ТАРАЗ ҚАЛАШЫҒЫНЫҢ ҚЫЗЫҚТЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЖӘДІГЕРЛЕРІ

Бұл мақалада «Ежелгі Тараз ескерткіштері» қорық-музейінің танымал жәдігерлері, 2000 жылдық тарихы бар көне қала ежелгі Тараздағы археологиялық қазба жұмыстары кезінде табылған сынапкөзелер мен сипая (қыш ыдыстардың астына қоюға арналған құрал) сияқты құнды және бірегей жәдігерлер туралы тарихи мәліметтер жазылған. Жұмыста археологиялық зерттеулердің нәтижелері, табылған экспонаттардың шығу тегі мен пайдаланылуы туралы болжамдар мен тұжырымдамалар берілген. Тараз орнында жүргізілген археологиялық жұмыстар қаланың әр кезеңдегі тарихи даму кезеңдерін ашуға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: *Тараз қалашығы, жәдігерлер, сфероконус, сипая.*

Shildebayeva Zh.
State Historical and Cultural Reserve-Museum
«Monuments of ancient Taraz»
Taraz, Kazakhstan
e-mail: *zhazik_sh@mail.ru*

INTERESTING ARCHAEOLOGICAL FINDS OF THE ANCIENT TARAZ SETTLEMENTS

This article contains historical information about the popular exhibits of the reserve-museum «Monuments of ancient Taraz» , about valuable and unique artifacts, such as spherocones and sepaya (a tool for putting under ceramic dishes), found during archaeological excavations of the ancient Taraz settlement, a city from 2000-summer history. The paper presents the results of archaeological research, assumptions and concepts about the origin and use of the exhibits found. The archaeological work carried out at the Taraz settlement made it possible to reveal the historical periods of the city's development at different times.

Keywords: *Taraz settlement, artifacts, spherocone, sepoy.*

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.12

Жунисханов А.С.
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан
e-mail: *aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz*

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АВАРИЙНЫХ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ Г. СЕМЕЙ

В статье изложены предварительные результаты аварийных раскопок, проводившихся, в том числе автором, в полевом сезоне 2021 года на территории г. Семей. Также рассматриваются некоторые вопросы, связанные с историей археологического изучения территории города и его окрестностей. Кроме того, в статье затрагиваются вопросы проведения археологической экспертизы, предшествующей строительным работам, и процесс археологического надзора.

Ключевые слова: *Семей, археология, ранний железный век, кимаки.*

Впервые сведения об археологических памятниках города Семей (бывш. назв. – Семипалатинск) упоминаются в трудах Первой академической экспедиции, организованной по инициативе Императорской академии наук и художеств г. Санкт-Петербурга. Первой Академической экспедицией именуют деятельность Академического отряда во время Великой Северной экспедиции (1733–1743). Среди участников экспедиции 1734 года были известные путешественники и учёные И.Г. Гмелин (1709–1755) и Г.Ф. Миллер (1705–1783), они подробно описали развалины буддийского храма, известные как «Семь палат» (Кашляк, 2004). В записках путешественников имеются описания каменного изваяния, найденного возле развалин храма. Здесь же находился разграбленный курган, в котором было обнаружено несколько унций золота. Также в работе военного инженера В. Геннинга (1665–1750) «Описание уральских и сибирских заводов» в окрестностях будущего города упоминаются множество курганов (Дмитриева и др., 1965: 226).

В 1767 г. царское правительство поднимает вопрос о переносе Семипалатинской крепости на новое место. Для этого они выбрали участок, где располагались развалины буддийских храмов. В 1776 г. для возведения Семипалатинской крепости генерал-губернатор Западной Сибири направляет инженера-капитана И.Г. Андреева (1744–1824), под руководством которого были сооружены крепость, мосты, изготовлены планы и карты военных укреплений.

В целом благоприятные для жизни природно-ландшафтные условия, удобная географическая локализация города в глубине степных просторов Евразии, а также расположение на перекрестке разных культур позволило г. Семей стать одним из центров торговли между Россией и Казахстаном,

Средней Азией и Китаем (Семипалатинску 285 лет, 2003).

Позднее в связи с расширением границ города и обретением статуса областного центра встал вопрос о строительстве новых административных сооружений. В 1857 г. при строительстве новых зданий для Семипалатинской таможни начальник Сибирского таможенного округа И.А. Армстронг на участке между крепостью и берегом р. Семипалатинки, отведенном под строительство, обнаруживает так называемые «длинные» курганы кимаков. Материалы, собранные И.А. Армстронгом, относящиеся к этим курганам, уникальны. Судя по описанию, под одной насыпью обнаружены три могильные ямы, в двух из них, судя по инвентарю, были захоронения женщин. В одной из могил найдена серьга с несомкнутыми окончаниями и с припаянной в нижней части треугольной пластиной, с фигурными краями и пятью округлыми отверстиями, предназначавшимися, возможно, для подвесок (Арсланова, 2003: 93–120).

Первые целенаправленные научные изыскания в г. Семей связаны с именем известного тюрколога, фольклориста, этнографа и археолога В.В. Радлова (1837–1918). В 1862 г. он раскопал курган на противоположном от Семипалатинска левом берегу Иртыша. В процессе исследования кургана обнаружены следы прежних раскопок бугравщиков. В 1866 г. В.В. Радлов продолжил археологические исследования в Семее. В одном из погребений им был обнаружен скелет человека, лежавший на спине, головой на запад, на шее обнаружены яшмовые бусы и на уровне груди – медное зеркало, по краям которого имелась китайская иероглифическая надпись. В ногах усопшего находился железный котел с носиком (Длужневская, 2011). Исследованные В.В. Радловым памятники позднее станут известны как Семипалатинские дюны I и II. Подъемный материал, собранный в ходе изучения памятников, сформировал основу археологической коллекции краеведческого музея г. Семей и великолепной коллекции Н.И. Белослюдова. По мнению С.С. Черникова (1909–1976), в эпоху бронзы здесь находились крупные поселения. На основе находок шлаков и большого количества бронзовых изделий он приходит к выводу, что здесь была развита металлургия (Черников, 1960: 19). К сожалению, памятники Семипалатинские дюны I и II полностью разрушены в ходе строительства жилового массива «Карагайлы» и Назарбаев интеллектуальной школы.

В 1901 г. секретарь областного статистического комитета, правитель дел семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества Н. Коншин (1864–1937) составил большой перечень археологических памятников Семипалатинской области. В 1903 г. член Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества Ф.Н. Педашенко обнаружил на Семипалатинских дюнах, «на дороге, идущей по косогору на мельницу Соловьева», три разрушенных захоронения (Педашенко, 1903). Найдены три бронзовых ножа, большое количество бронзовых украшений, покрытых золотой фольгой. В том же году Ф.Н. Педашенко собрал большую коллекцию вещей из окрестностей г. Семей, в том числе 72 предмета из камня, 54 – из бронзы, 8 – из железа, а также большое количество обломков глиняной посуды. В 1904 г. по поручению Семипалатинского подотдела РГО Н. Коншин и А.Л. Зуев осуществили несколько поездок в окрестности Семипалатинска с целью сбора информации об археологических древностях. К имеющимся данным не прибавилось почти ничего.

В настоящее время на территории города Семей проводится активная застройка, поэтому остро стоит вопрос о необходимости проведения археологической экспертизы перед началом строительных работ и археологическом надзоре непосредственно в процессе строительных работ.

К примеру, осенью 2020 года во время строительных работ «многофункционального торгово-развлекательного центра «Semey Mall» рабочими найдены фрагменты керамических сосудов. По приглашению представителя ТОО «Semey Mall» один из авторов статьи осуществил визуальный осмотр мест находок. В результате предварительного обследования строительной площадки были выявлены два аварийных кургана. Объекты локализованы на правом берегу р. Иртыш, неподалеку от развалин буддийского храма и вышеописанных раскопок, проводившихся И.А. Армстронгом.

Исследованные курганы на площади могильного поля располагались цепочкой по линии В–З. Многие элементы надмогильной и внутримогильной конструкции курганов (насыпь, погребальная камера) были разрушены в ходе длительных строительных работ, которые начались ещё в середине XIX в.

Ниже дается описание раскопочных работ.

Курган № 1 расположен в восточной части группы. Насыпь кургана была снесена в ходе строительных и дорожных работ *(рис. 1.)*. В профиле наблюдаются остатки кирпичной кладки. В заполнении погребальной камеры встречался строительный мусор в виде фрагментов красного обожжённого кирпича. Внутри могильная конструкция была сооружена из обработанных бревен (сосны?). Судя по их расположению, первоначально камера представляла собой четырехугольную деревянную конструкцию в виде сруба, которая была ориентирована по линии С–Ю. В ходе строительных работ конструкция была почти полностью разрушена. Однако на момент аварийно-спасательных работ зафиксирована лишь южная торцевая стенка камеры, состоящая примерно из 16 венцов, установить более детально количество венцов не представлялось возможным. В юго-восточном углу погребальной камеры сохранились фрагменты бревен, которые стыковались друг с другом «в лапу». Длина сохранившейся южной торцевой стенки составляла 2,3 м. Остальная часть погребальной конструкции была разрушена при рытье котлована во время строительства спортивного комплекса «Динамо». Аналогии внутримогильной конструкции мы находим в материалах могильника Берел. На основании этого курган нами предварительно датирован в пределах IV-III вв. до н. э.

Артефакты были сосредоточены в основном в юго-западной части погребальной камеры. Здесь были зафиксированы фрагменты горшка с широким плоским дном (диаметр дна – 10,6 см) и два фрагмента венчика. Также в юго-западном углу погребальной камеры был найден керамический сосуд – котел с широким дном и широким открытым устьем, венчик закруглен и выгнут наружу, с плавным профилем. Примерная высота сосуда – 4 см.

В юго-восточном углу камеры обнаружена прямоугольная железная подпружная пряжка с язычком *(рис. 2)*. Данный вид пряжек имеет большое географическое распространение и широкие хронологические рамки

Рис. 1. *Общий вид на аварийные курганы*

Fig. 1. *General view of the emergency mounds*

существования. Согласно исследованиям Б.Б. Овчинниковой, аналогичные находки известны по материалам погребальных памятников Саяно-Алтая и Восточной Европы (Овчинникова, 1990). При этом интересно, что на Саяно-Алтае пряжки датируются V–VI вв., тогда как на территории Восточной Европы – VIII–IX вв. Данный вид подпружных пряжек применялся для надежной фиксации седла. Они использовались в качестве блока при подтягивании подпруги и стопора при достижении требуемого натяжения (Степанова, 2005: 109–115).

Также в ходе исследования были найдены отдельные части «жертвенных» животных. Все зафиксированные артефакты лежали бессистемно. Погребальная камера была повторно использована в кимакское время. Вероятно, в пользу этого свидетельствует описанная выше железная подпружная пряжка с язычком.

После разборки торцевой стенки погребальной камеры была проведена зачистка всей площади раскопа на уровне материка. Однако каких-либо других элементов конструкции и предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Курган № 2 находится в 6 м к западу от кургана № 1. Насыпь кургана была снесена при строительных и дорожных работах. Погребальная камера сооружена из обработанных бревен (сосна?). Первоначально камера представляла собой четырехугольную деревянную конструкцию, ориентированную углами по линии С–Ю. В ходе строительных работ погребальная камера почти полностью была разрушена. Высота погребальной камеры – 82 см, длина восточной стенки – 190 см, западной – 200 см, южной (торцевой) – 190 см. Северная торцевая стенка разрушена. В результате аварийных раскопок были обнаружены фрагменты керамики *(рис. 3)*, пряслице, изготовленное из дна керамического сосуда, отдельные части костей крупного и мелкого рогатого скота, железный гвоздь с грибовидным навершием и бронзовая фольга (?). Курган разграблен, артефакты перемещены, в нижнем слое заполнения ямы встречались фрагменты красного обожженного кирпича и стеклянной бутылки. Возможно, погребальная камера была использована вторично кимаками. После разборки торцевой стенки погребальной

Рис. 2. *Курган №1. Железная подпружная пряжка*

Fig. 2. *Mound № 1. Iron girth buckle*

Рис. 3. *Курган № 2. Фрагменты керамических сосудов*

Fig. 3. *Mound № 2. Fragments of ceramic vessels*

Рис 4. *Керамические сосуды*

Fig 4. *Ceramic vessels*

камеры была проведена зачистка всей площади, каких-либо других элементов конструкции и артефактов обнаружено не было.

На основе технико-технологического анализа можно говорить о том, что керамический материал из курганов не использовался в быту и не имеет характерных следов бытового лощения *(рис. 4).* Из всех найденных фрагментов только один фрагмент был орнаментирован. Чуть заметный орнамент на фрагменте керамики слегка прорисован деревянным изделием. Судя по структуре полос и линий, орнамент наносился деревянной палочкой. Орнамент, возможно, представлял собой сетку меандра (?). Все сосуды обработаны на поворотном столике и заглажены мягкой кожей.

Датировка и культурная принадлежность исследованных курганов определяются по конструкции погребальной камеры и на основе найденных артефактов. По предварительному заключению, исследованные курганы, возможно, были сооружены в IV–III вв. до н. э. По-видимому, в период существования Кимакского каганата в IX–X вв. эти памятники были переиспользованы, об этом, возможно, свидетельствует найденная железная подпружная пряжка.

Благодаря проведенным аварийным работам удалось добыть и сохранить важные археологические материалы, которые будут использованы при решении вопросов, связанных с историей города Семей и края в целом.

Литература

1. Кашляк В.Н. Храмы Семипалатинска: прошлое и настоящее. – Семипалатинск, 2004. – 610 с. с фотогр.

2. Дмитриева Е.Н., Левашова В.П. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // СА. – 1965. – № 2. – С. 225–236.

3. Семипалатинску 285 лет / Сост. К.А. Байгужинов, М.А. Галиев – Семипалатинск, 2003. – 116 с.

4. Арсланова Ф.Х. Женские украшения кимаков и кыпчаков // Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья / под ред. З. Самашева, сост. Б. Хасенова. – Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астаны, 2013. – Т.2. – С. 93–120.

5. Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). – СПб.: ЭлекСис, 2011. – 296 с.

6. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 88, Изд-во Академии наук СССР. – М., – Л., 1960. – 272 с.

7. Педашенко Ф.Н. Реферат Педащенко об археологических находках в окресностях г. Семипалатинска // Отчет о деятельности Семипалатинского подотдела РГО. – Семипалатинск, 1903. – С. 14–28.

8 Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск: УрГУ, 1990. – 223 с.

9. Степанова Е.В. Эволюция подпружных застежек по материалам курганов Алтая скифского времени // Снаряжение кочевников Евразии: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. – С. 109–115.

10. Коншин Н. Памятники старины в Семипалатинской области // Записки Русского географического общества. – 1903. – Выпуск 1. – 32 с.

References

1. Kaşläk V.N. Hramy Semipalatinska: proşloe i nastoiaşee. – Semipalatinsk, 2004. – 610 s. s fotogr.

2. Dmitrieva E.N., Levaşova V.P. Materialy iz raskopok sibirskih bugrovşikov // SA. – 1965. – № 2. – S. 225–236.

3. Semipalatinsku 285 let / Sost. K.A. Baigujinov, M.A. Galiev – Semipalatinsk, 2003. – 116 s.

4. Arslanova F.H. Jenskie ukraşenia kimakov i kypchakov // Ocherki srednevekovoi arheologii Verhnego Priirtyşä / pod red. Z. Samaşeva, sost. B. Hasenova. – Astana: İzdatelskaia grupa filiala İnstituta arheologii im. A.H. Margulana v g. Astany, 2013. – T.2. – S. 93–120.

5. Dlujnevskaia G.V. Arheologicheskie issledovania v Senträlnoi Azii i Sibiri v 1859–1959 gg. (po dokumentam Nauchnogo arhiva İnstituta istorii materiälnoi kültury RAN). – SPb.: ElekSis, 2011. – 296 s.

6. Chernikov S.S. Vostochnyi Kazahstan v epohu bronzy // Materialy i issledovania po arheologii SSSR. – № 88, İzd-vo Akademii nauk SSSR. – M., – L., 1960. – 272 s.

7. Pedaşenko F.N. Referat Pedaşenko ob arheologicheskih nahodkah v okresnostäh g. Semipalatinska // Ochet o deiatelnosti Semipalatinskogo podotdela RGO. – Semipalatinsk, 1903. – S. 14–28.

8 Ovchinnikova B.B. Türkskie drevnosti Saiano-Altaia v VI–X vekah. – Sverdlovsk: UrGU, 1990. – 223 s.

9. Stepanova E.V. Evolüsia podprujnyh zastejek po materialam kurganov Altaia skifskogo vremeni // Snaräjenie kochevnikov Evrazii: sb. nauch. tr. – Barnaul: İzd-vo Altaiskogo un-ta, 2005. – S. 109–115.

10. Konşin N. Pamätniki stariny v Semipalatinskoi oblasti // Zapiski Ruskogo geograficheskogo obşestva. – 1903. – Vypusk 1. – 32 s.

Жүнісханов А.С.
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана қ., Қазақстан
e-mail: *aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz*

СЕМЕЙ ҚАЛАСЫ АУМАҒЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН АПАТТЫҚ ҚАЗБАЛАРДЫҢ АЛДЫН АЛА НӘТИЖЕЛЕРІ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР ТАРИХЫНАН

Мақалада 2021 жылдың далалық маусымында Семей қаласының аумағында жүргізілген құтқару археологиялық жұмыстарының алғашқы қортындылары баяндалады. Сондай-ақ, мақалада Семей қаласы мен қала төңірегінде жүргізілген археологиялық зерттеулердің кейбір мәселелері қарастырылады. Мақалада құрылыс жұмыстарын ұйымдастыру және жүргізу кезеңінде археологиялық экспертиза мен бақылаудың маңыздылығы айтылады.

Кілт сөздер: *Семей, археология, ерте темір дәуірі, қимақтар.*

Zhuniskhanov A.S.
Eurasian National University named after L.N. Gumilyov
Astana, Kazakhstan
e-mail: *aidyn.zhuniskanov@nu.edu.kz*

FROM THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES AND PRELIMINARY RESULTS OF EMERGENCY EXCAVATIONS ON THE TERRITORY OF THE CITY OF SEMEY

The article presents the preliminary results of emergency excavations carried out by the authors in the field season of 2021 in the city of Semey. Some issues related to the history of archaeological study of the territory of the city and its environs are also considered. In addition, the article touches upon the issues of conducting an archaeological examination prior to construction work and the process of archaeological supervision.

Keywords: *Semey, archeology, early Iron Age, Kimaks.*

МӘДЕНИ МҰРА

https://doi.org/10.47500/2023.v13.i1.13

Чотбаев А.Е.[1], Ержанова А.Е.[2]
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Алматы қ., Қазақстан
e-mail: [1]*archtopmail@mail.ru*
[2]*erjanova_a@mail.ru*

ЖЕР ШАРУАШЫЛЫҒЫМЕН АЙНАЛЫСҚАН АҚБАУЫР-III ҚОНЫСЫ

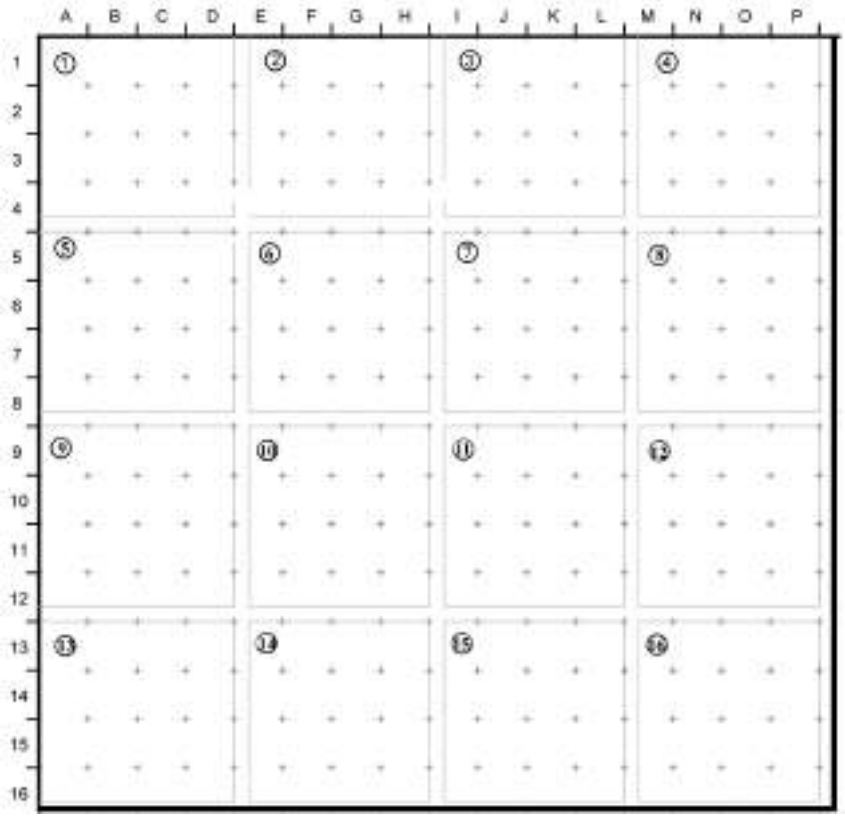
Мақалада Ақбауыр-III қонысына жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижелері мен археологиялық материалдарына жүргізілген талдау нәтижелері берілген. Қоныстың ерекшелігі қола дәуірінде өмір сүрген ертедегі тұрғындардың мал шаруашылығы және егіншілікпен айналысқаны, оған қоныстың мәдени қабатынан табылған заттай деректер дәлел. Солардың арасындағы ерекшелері, ол – дәнүккіштер. Сонымен қатар, қоныстан жерүсті пештері мен ошақтардың орындары табылды.

Кілт сөздер: *қоныс, жерүсті пеші, қола ғасыры, тұрғын үй, керамика, тас құралдар, сүйек бұйымдар, құрылыс.*

Шығыс Қазақстан облысы, Ұлан ауданының, Ақбауыр кешеніндегі қола дәуірінен бастап, кейінгі этнографиялық кезеңге дейінгі аралықты қамтитын ескерткіштердің арасында Ақбауыр-III қонысы орналасқан және де Ақбауыр-I ерте сақ дәуірінің қонысынан алыс емес жерде. Қоныстың екі жағынан таулар қоршап тұр. Қонысты батысынан шектеп тұрған биік емес жотаның тік беткейіндегі тастардың бірнеше жерінде суреттер кездеседі, ал оның үстіңгі тегіс бетінде құрбандық шалуға арналған шұңқыршалар бар. Тас бетіндегі жылқылар мен киіктердің бейнесі ерте темір ғасырында салынған (Самашев, 2020: 103).

Қоныста 2021 жылдан бастап, З. Самашевтың басшылығымен (топ басшысы Чотбаев А.Е.) қазба жұмысы жүргізіліп келеді. Қоныстың аумағын анықтау және мәдени қабаттарын қадағалау негізінде қоныс аумағы 4х4 м болып келетін шаршыларға бөлінді, өз ішінде әр сектор 1х1м шаршыға бөлініп, батыстан шығысқа қарай әріптермен A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P белгіленсе, солтүстіктен оңтүстікке қарай 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 цифрларымен белгіленді. Әр сектор цифрлармен белгіленді, жалпы қазба 16 сектордан тұрады. Қазіргі таңда қоныстың 256 м^2 аумағы тазаланып, тұрғын үй орны ашылды (*сур. 1*).

Ертедегі қола дәуіріндегі тұрғын үй қазіргі топырақ қабатынан 30-40 см тереңдікте орналасқан. Құрылыс бір камералы, 6х3,2 м өлшемді жартылай жертөлелі болып келген. Тұрғын үй сопақша формалы болып келген, негізі тастан жасалған. Жалпы аумағы 18,2 м^2, тұрғын-үй солтүстік-батыс – оңтүстік-шығыс бойлығымен бағытталған (Самашев и др., 2022: 133-134).

Сур. 1. *Қазбаның схемалық сеткасы*

Fig. 1. *Schematic grids of the excavation*

Құрылыстың қабырғалары нашар сақталған. Тастан қаланған қабырғаның жоғарғы бөлігі құрылыстың ішкі, кейбірі сыртқы жағына құлаған. Шығыс қабырғасы қазіргі жер бетінен 40 см тереңдікте орналасқан. Шығыс қабырғаны гранит пен кварцит минералынан жасалған таудың тақтатастарын қырынан, көлденеңінен қою арқылы өрген. Қабырғаның ұзындығы 4,9 м, ені 60 см, биіктігі 45 см. Шығыс қабырға шеңберлене келіп, солтүстік қабырғаға жалғасады. Солтүстік қабырға өте нашар сақталған, себебі кейбір жерлерінің тастары бірақ қатар ғана қалған. Сақталған қабырғаның биіктігі 30 см, ені 50 см, солтүстік қабырғаның ұзындығы 4,3 м. Солтүстік қабырғаның ерекшелігі тақтатастарды қырынан қою арқылы өрілгені. Солтүстік қабырға да шеңберлене келіп, батыс қабырғаға жалғасады. Батыс қабырға орташа тақтатастарды тігінен, кей жерінде көлденеңінен сала отырып тұрғызылған. Тақтатастардың арасы саз балшықпен толтырылып отырған. Қабырғаның ұзындығы 4,5 м, ені 45-50 см, биіктігі 45 см. Құрылыстың оңтүстік қабырғасы 5,8 м, ені 60 см, биіктігі 50 см. Оңтүстік қабырғаның бастау алған жерінен 2 м шығысқа қарай есіктің ойығы бар. Есіктің ойығының ені 87 см. Оңтүстік қабырғаның бір ерекшелігі – үлкен тау тастарынан қаланып, құрылыстың оңтүстік-шығыс бөлігінде қосалқы бөлменің салынуы.

Қималық жағынан алып қарайтын болсақ үй 2, 3, 4, 6, 7, 8 секторларында, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P шаршыларын алып жатыр. Үйді салу үшін ең алдымен таудың етегін тегістеу мақсатында сазды топырақты толтырып, таптаған. Үйдің қабырғасын тұрғызу үшін ең алдымен сазға гранит минералының үгіндісін және әктасты араластыра отырып, биіктігі 10-21 см, ені 40 см болатын іргетас құйылған. Іргетасының биіктік өлшемінің әртүрлі болуы жер бедерінің ылдиланып келгеніне тікелей байланысты. Қабырғаларын тас тақтатастарды көлденеңінен қою арқылы өріп, биіктетілген. Үйдің іргетасынан 35-40 см биіктетіп өріп, әрі қарай 2 м болатын бөренелерден бағандар орналастырылып, ортасы ши мен шыбықтарды байланыстыра отырып, қабырға көтерілген. Қабырғаны сыртқы және ішкі жағынан саз

балшықпен сылап, қалыңдатқан. Үйге кіруге арналған есіктің ойығы оңтүстік бөлігінде орналасқан. Есік орны орналасқан аймақта тас тақтатастар ұзыннан емес көлденеңінен қойылу арқылы өрілген. Есік жерден бастап ұзындығы шамамен 1,5-2 м етіп жасаған. Сонымен қатар қосалқы бөлмелерге баратын ені 1 м болатын ұзынша дәліз бар. Есікті оңтүстіктен жасауының себебі – ық және жазды күндері самал желдің болуын ертедегі жергілікті тұрғындар білгенін айта аламыз. Үй құрылысының ішкі бөлігі тау гранитының үлкен тасымен екіге бөлінген. Гранитты тас бір жағынан дастарханның рөлін атқарған деген болжам айтамыз. Себебі құрылыстың солтүстік-шығыс бөлігінен еден деңгейінен үш дәнүккіш (диірмен) табылды (Самашев и др., 2021: 46). Ол дәнүккіштердің бетінде ұн қалдықтары сақталған, қандай дәннің үгіндісі екенін анықтау мақсатында Англияға талдауға жіберілді. Құрылыстың орталық бөлігінен екі баған орнатылған диаметрі 14 см болатын ойықтар тазартылды. Үйдің шығыс бөлігінде орналасқан 8 сектордың Р7 шаршысынан жерүсті ошақ жартылай аршылды, себебі ошақтың қалған бөлігі қазылмаған сектордың мәдени қабатында орналасқан. Жерүсті ошағын аршу барысында, орта тұсы күл қабатына толы екені анықталды, ошақтың бұзылған қабырғасындағы көрініске қарағанда, бұл құрылыс майда тас араластыра отырып, жұмбаздалған балшықтың көмегімен құрастырылған *(сур. 2)*. Шамамен ошақтың биіктігі еден деңгейінен 30-35 см биік. Үйдің батыс бөлігінде археологиялық тізім бойынша есептелетін 6 сектордың Н5 шаршысынан тас жәшігі бар жерүсті пеші тазартылды. Тас жәшік биіктігі 14-22 см аралығындағы ұзындығы 25-42 см аралығындағы гранит пен құмдақтас минералынан тұрғызылған. Жәшіктің бастапқы бейнесі тіктөртбұрышты, оны саз балшықтың көмегімен тұрғызған. Кейін оңтүстік-батыс бөлігіндегі қабырғасы құлаған немесе басқа құрылысқа пайдаланған болуы мүмкін. Жәшік белгілі бір заттарды сақтау үшін пайдаланылған. Қасында орналасқан жерүсті ошақ қазандық қоюға арналып жасалған тәрізді. Себебі оның оңтүстік-шығыс бөлігі ашық, ал қалған жағы тастармен саз араластыра отырып тұрғызылған. Ошақтың ортаңғы бөлігі үнемі күлді тазартудың салдарынан негізінен 5 см төмендеген. Сонымен қатар осы жәшік орналасқан жерде баған ойығының қалдығы

Сур. 2 | *Fig. 2*

табылды. Келесі жылға дейін бұзылып кету қаупі болғандықтан биылғы жылы баған орындары толығымен тазартылған жоқ.

Кіреберістің оңтүстік-батыс бөлігінде шаруашылық шұңқырдың сақталған бөлігі тазартылды. Шұңқырдан қола дәуірі кезеңіне жататын қыш ыдыстың сынықтары, сүйектен жасалған біз, қалақша және қырғыш қызметін атқарған бұйым және тастан жасалған үккіш пен балғаша табылды. Қыш ыдыстың сынықтарын диск тәрізді етіп жасап, қырғыш ретінде сынғаннан соң пайдаланылғанын зерттеу барысында анықтадық. Сынған қыш ыдыс бедері ирек тәрізді болып келген, бедер ыдыстың ернеуінен бастап түбіне дейінгі аралықта салынғанын табылған сынықтарды құрастыру барысында байқадық (*сур. 3*).

Қосалқы бөлме тігінен қойылған тақтатастан салынған, оның сыртқы бөлігі ертедегі материк қабатымен шектеседі, яғни қосалқы бөлмені саз қабатын ойып отырып салған деген болжам айтамыз. Қосалқы бөлменің ортаңғы бөлігінде жер ошақ орналасқан, жер ошаққа жалғасып диаметрі 50, тереңдігі 12 см ойық тазартылды. Ойық көрікті орналастыру үшін қолданылған болуы мүмкін, себебі бөлме ішінің барлық жері күйген қара топырақ қабаты мен күл аралас мәдени қабаттың болуы бұл тұжырымды айғақтайды. Жерүсті ошағы майда тастардан қаланған, бастапқы қалпының жойылуына 20-шы ғасырдың 1 жартысында осы аймақта мал жайылымы мен шөп шабатын орын болуына байланысты және сол кезеңдерде қоныс орналасқан аймақта ми балшықтың орын алуы себеп болған.

Дегенмен, ошақтың негізі мен көрік орналасқан аймақ, саздың бетіне орналасуына байланысты сақталып қалғанын айта кеткен жөн.

Сонымен қатар, қосалқы бөлменің ішінен қыш ыдыстың сынықтары, тас еңбек құралдары (балға, үккіш, қайрақ, кетпендер) табылды.

Тұрғын үйдің солтүстік батыс секторында таудың етегіне жалғасқан қосалқы бөлменің орны тазартылды. Бұл бөлме де бастырма тәрізді салынған. Таудың етегіне үлкен тіктөртбұрышты гранит тасынан жасалған үстел қойылған. Үстелдің бетінде ойықша, сырылған және тегістелген сызақтардың іздері көп, соған қарағанда, ол өндірісте пайдаланылған болуы мүмкін деген болжам айта аламыз. Сонымен қатар бөлменің ішінен қыш ыдыс сынықтары,

Сур. 3 | *Fig. 3*

кейбірінің ішкі бөлігі күйген, тас және сүйектен жасалған еңбек құралдары табылды.

Құрылыстың солтүстік-шығыс секторы теп-тегіс, бұл аймақтан дән үгуге және түюге арналған құралдардың шығуына байланысты осы аймақ үсті жабылған бастырма орналасқан өндірістік орын болуы мүмкін деген болжам жасалды.

Үй ішінен ыдыстың көптеген сынықтары, сынбаған дәнүккіш, диаметрі 40 см болатын шеңберлі диск, тас құралдарынан 12 дана – кетпендер, балғалар мен дисктер, қайрақтар табылды (*сур. 3*).

Қорыта келгенде, табылған археологиялық материалдар мен үй құрылысындағы ерекшеліктерге қарай отырып, Ақбауыр-III қонысы қола дәуірінде өмір сүрген малшылар мен егіншілердің қонысы деп болжам жасаймыз. Алдағы уақытта жүргізілетін қазба жұмыстарының нәтижесі бойынша қоныстың толыққанды қандай шаруашылықпен айналысқанын нақтылаймыз деген ойдамыз.

Әдебиеттер

1. Самашев З. Производственный центр ранних саков в Казахском Алтае (поселенческий комплекс Акбауыр) // Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения Владимира Васильевича Боброва. Вып. 28. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2020. – С. 103-118.

2. Самашев З., Чотбаев А.Е., Ержанова А.Е., Киясбек Г., Половцев М.Ю., Меделбек Ш. Начало работ на поселении Акбауыр III (предварительные результаты) //Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі. Ғылыми мақалалар жинағы – Өскемен: 2021. 10-24 бб. (со авторстве)

3. Самашев З., Чотбаев А., Ержанова А. Поселение Акбауыр-III // Алтай – Золотая колыбель тюркского мира. Сборник статей. – Усть-Каменогорск, 2022. – С. 133-139.

References

1. Samaşev Z. Proizvodstvennyi sentr rannih sakov v Kazahskom Altae (poselencheski kompleks Akbauyr) // Arheologia İujnoi Sibiri. K 75-letiu so dnä rojdenia Vladimira Vasilevicha Bobrova. Vyp. 28. – Kemerovo: İzd-vo KRİPKiPRO, 2020. S. 103-118.

2. Samaşev Z., Chotbaev A.E., Erjanova A.E., Kiasbek G., Polovsev M.İu., Medelbek Ş. Nachalo rabot na poselenii Akbauyr III (predvaritelnye rezültaty) //Altai – türkı älemınıñ altyn besıgı. Ğylymi maqalalar jinağy – Öskemen: 2021. 10-24 bb. (so avtorstve)

3. Samaşev Z., Chotbaev A., Erjanova A. Poselenie Akbauyr-III // Altai – Zolotaia kolybel türkskogo mira. Sbornik statei. – Üst-Kamenogorsk, 2022. – S. 133-139.

Чотбаев А.Е.[1], Ержанова А.Е.[2]
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
г. Алматы, Казахстан
e-mail: [1]*archtopmail@mail.ru*
[2]*erjanova_a@mail.ru*

ПОСЕЛЕНИЕ АКБАУР-III, ЗАНИМАВШЕЕСЯ ЗЕМЕЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

В статье представлены результаты археологических раскопок, проведенных на поселении Акбауыр-III, и даны результаты анализа археологических материалов. Особенность поселения заключается в том, что жители в эпоху бронзы занимались преимущественно скотоводством и земледелием, о чем свидетельствуют многочисленные орудия и кости животных, найденные в культурном слое. Особенно можно отметить массовость зернотерок. А также на разных участках имелись остатки наземных печей и очагов.

Ключевые слова: *поселение, наземные печи, бронзовый век, жилища, керамика, каменные орудия, костяные изделия, строения.*

Чотбаев А.Е.[1], Ержанова А.Е.[2]
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Алматы қ., Қазақстан
e-mail: [1]*archtopmail@mail.ru*
[2]*erjanova_a@mail.ru*

THE SETTLEMENT OF AKBAUYR-III, ENGAGED IN LAND FARMING

The article presents the results of archaeological excavations carried out at the Akbauyr-III settlement and the results of the analysis of archaeological materials. The exclusivity of the settlement is that the early inhabitants in the Bronze Age were engaged in cattle breeding and agriculture. This is evidenced by objects found in the cultural layer of the settlement. Above-ground stoves and hearths were found in the settlement. A large number of grain graters can be attributed to the work of growing and processing grain in the settlement.

Keywords: *settlement, surface furnace, Bronze Age, dwellings, ceramics, stone tools, bone products, constructions.*

Журналдың құрылтайшысы және меншік иесі –
Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі

11.03.2020 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде тіркелген. Куәлік №KZ74VPY00021104

Бас редактор – **Екімбаева А.С.**
Жауапты редактор – **Оспан Ж.Қ.**
Редакторлар – **Смағұлова Б.С.,**
Ақпанбекова Ғ.Р.,
Потапчук О.,
Рубас А.

Редакцияның мекен-жайы:
010000, Астана қаласы,
Тәуелсіздік даңғылы, 54,
Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі
6-блок, 6-қабат, 618-бөлме

Байланыс телефондары:
+7 (7172) 91 90 35; 641, 663, 664 (ішкі)
e-mail: journal.madenimura@gmail.com

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады

Басуға 31.03.2023 ж. қол қойылды.
Пішімі 205 х 275 мм. Офсеттік басылым 4 + 4.
Шартты баспа табағы 16,62.

Таралымы 200 дана

«Big Dream» баспаханасында басылды.
Баспахана мекен-жайы:
Астана қ., Байсейітова к.,114/2
377-074, 87024848813.

Ұлттық құндылықтарымызды насихаттап, рухани қазыналарымызды ұлықтауға үн қосып жүрген «Мәдени мұра» ғылыми журналына 2023 жылға жазылыңыздар!

Журнал жылына 4 рет шығады

Журналдың газеттер мен журналдар каталогындағы индексі – 75 379

«Қазпочта» АҚ, «Астана-Пресс» ЖШС

